

ХОЛОДНЫМ РАССУДКОМ ИСТОРИКА

ЮРИЙ ДРУЖНИКОВ

Доносчик 001,

или

Вознесение Павлика Морозова

СОДЕРЖАНИЕ

Первое независимое расследование зверского убийства подростка, донесшего на отца, и процесса создания из мальчика самого известного советского героя, проведенное через пятьдесят лет после трагических и загадочных событий московским писателем, который рискнул сопоставить официальный миф с историческими документами и показаниями последних очевидцев

Предисловие. ОПАСНАЯ ТЕМА

Слава Павлика Морозова, которого в России знает каждый, от мала до велика, затмила известность многих героев. Об этом мальчике созданы сотни произведений в разных жанрах — от поэм до оперы. Его портреты в картинных галереях, на открытках, спичечных коробках, почтовых марках. На прославление его израсходованы не поддающиеся учету количества бумаги, киноплёнки, холста и красок. В разных городах по сей день стоят его бронзовые и гранитные статуи. Школы, носившие его имя, имели особые залы-музеи Павлика Морозова, где детей трожественно принимали в пионеры. Гипсовые бюсты этого мальчика вручали победителям спортивных состязаний. Именем Павлика Морозова названы корабли и библиотеки. Его официальная должность — герой-пионер Советского Союза номер 001.

Когда в 1982 году отмечалось 50-летие героической смерти Павлика Морозова, печать назвала мальчика «мучеником идеи». О месте, где он был убит, писалось как о святыне, а о самом ребенке — как о святом. В атеистической советской прессе это бывает редко и обозначает лишь фундаментальные духовные ценности коммунистической идеологии. В истории человечества такой славы не достаивался ни один ребенок.

Если кратко сформулировать суть подвига, который прославил героя, то это будет так. В начале 30-х годов Павлик Морозов донес ОГПУ, то есть государственной тайной полиции, позже переименованной в КГБ, что его отец — противник советской власти. Этим он помог строительству коммунизма в Советском Союзе. Отец его был арестован и исчез в лагерях. Враги партии убили мальчика. После этого народ провозгласил его своим героем. С тех пор все дети Советского Союза стали изучать на уроках его биографию, чтобы в жизни поступать, как Павлик.

Итак, юный доносчик, предатель собственного отца, сделан национальным героем огромной страны с тысячелетним прошлым. История эта описана в советской прессе такое множество раз, что, казалось бы, в ней не должно быть никаких неясностей. Мы легко разыскали в Москве переулок, носящий имя Павлика Морозова, парк его имени и в нем внушительный монумент, увековечивающий мальчика в бронзе с гордо поднятым красным знаменем в руках.

Между тем, читая книгу за книгой, мы с изумлением обнаруживали противоречия буквально в каждом факте. Сколько лет было Павлику Морозову в момент его героической смерти? В разных изданиях возраст его указывается разный — от одиннадцати до пятнадцати лет. А где он родился? Место рождения Павлика Морозова — Герасимовку — в одних источниках называют селом, в других — деревней, находившейся в Кошукской волости Тобольской губернии, Ирбитском уезде Обско-Иртышской области, в Омской области (все это Сибирь), а также в Верхнетавдинском районе Уральской области и в Тавдинском районе Свердловской области (это Северный Урал).

Фотографии героя в разных изданиях при сопоставлении оказались сделанными с разных лиц. Еще более странными показались нам обстоятельства смерти героя, который был убит не один, а вдвоем с братом, тоже доносчиком, но героем почему-то не ставшим. Стопы прочитанных нами книг росли. В них убийцами пионера называют разных лиц, общее число убийц, как мы подсчитали, оказалось не менее десяти.

Наше удивление еще более возросло, когда мы обратились в исторические архивы. Ответ был везде одинаков: «Никаких документов по Павлику Морозову нет». Мы отправились в Зауралье, в Западную Сибирь, на родину мальчика-героя — в Герасимовку. Но и здесь, в мемориальном музее Павлика Морозова, не оказалось ни личной вещи, ни листка из его школьной тетради, ни одной семейной реликвии. Мы побывали и в других музеях Павлика Морозова. Вместо документов в них показывают рисунки, книги, вырезки из газет. Даже от святых тысячелетней давности сохраняются подчас кое-какие реликвии, а ведь история Павлика Морозова — это век XX. Может быть, этот мальчик и не существовал вовсе, а просто является одним из положительных персонажей советской литературы?

Оставалась последняя нить: живые свидетели. Однако попытки узнать чуть больше того, что выставлено в музее, натолкнулись на нескрываемое сопротивление. «Экскурсантам не следует встречаться с жителями деревни, — пояснила экскурсовод. — Крестьяне неправильно все понимают и могут не то наговорить. Работники музея организуют группы так, чтобы посетители проходили по местам славы Павлика Морозова и сразу уезжали из деревни».

Мы не уехали. Но ни разговаривать с людьми, ни фотографировать не смогли: рядом с нами постоянно оказывались сопровождающие. Пришлось уехать из деревни, а затем приехать снова и, избегая внимания должностных лиц, ходить из дома в дом. Но и в этом случае крестьяне, которые беседовали с нами, то и дело отказывались отвечать на вопросы или обходили острые углы, опасаясь откровенности.

К нашему изумлению, показания первых же свидетелей событий в деревне Герасимовке внесли в известную нам с детства биографию героя немало неожиданных сведений. Официальные тексты оказались ложью. Когда же нам удалось разыскать подлинную фотографию Павлика Морозова, которая никогда не публиковалась, стало ясно, что во всех энциклопедиях, учебниках и книгах, на открытках и почтовых марках фотографии героя фальшивые.

Загадочные события, как нам рассказали очевидцы, не перестали происходить и после убийства Павлика Морозова. Дом, в котором жил мальчик, сгорел дотла, но кто поджег, осталось неизвестным. Могилу Павлика Морозова ночью, тайно, перенесли с одного места на другое.

Для того чтобы раскопать истину полувековой давности, нам нужно было спешить: возраст старейших очевидцев этой трагедии приближался к ста годам. Многих жизнь раскидала по разным городам. Частное расследование в советской стране вести вообще трудно. А это — одна из неприкасаемых тем, и любой рискованный вопрос, любое отклонение от установленных положений чреваты для слишком любопытного тяжелыми последствиями. Вести расследование приходилось крайне осторожно, и читатель в дальнейшем поймет, почему. К тому же официальная пропаганда сделала свое дело.

Жизнеописания Морозова обросли за полвека яркими одеждами, и сверстники Павлика в разговорах с нами вспоминали о нем большей частью где-то прочитанное. Даже восьмидесятилетняя мать героя Татьяна Морозова, рассказав нам много такого, чего в книгах о ее сыне мы не нашли, прибавила: «Как в книгах написано, так и правильно». Еще точнее сформулировал взаимоотношения между истиной и мифом один из оставшихся в живых одноклассников Павлика Морозова: «Я расскажу, как было, а уж вы сами добавьте чего надо. Иначе нельзя». Неграмотные люди тоже этой грамотой овладели.

Позже в скромных домашних архивах некоторых участников кровавой трагедии в Герасимовке мы разыскали чудом сохранившиеся бумаги, которые компенсировали несовершенство человеческой памяти. Нам посчастливилось найти и уникальные секретные архивные документы, без которых эта книга об одном из самых уязвимых аспектов советской системы осталась бы менее аргументированной.

Какие же подвиги на самом деле совершил этот мальчик, жизнь которого для нескольких поколений советских людей стала образцовой и обязательной моделью для подражания? Почему и кем Павлик Морозов был убит? Как и для чего доносчик был сделан национальным героем?

Мы начинаем расследование с того, что сообщим три абсолютно достоверных факта. Во-первых, легендарный Павлик Морозов действительно жил на свете. Во-вторых, он действительно был убит. Когда убит, неизвестно, но похороны состоялись 7 сентября 1932 года, и это третий факт. Все остальное — впереди.

УЧАСТНИКИ СОБЫТИЙ

Имена подлинные. Возраст участников событий, если не оговорено, указан по 1932 году, когда был убит Павлик Морозов.

КРЕСТЬЯНЕ ДЕРЕВНИ ГЕРАСИМОВКИ

МОРОЗОВЫ:

С е р г е й, глава семьи, дед Павлика Морозова, 81 год.

К с е н и я — его жена, бабушка Павлика, 80 лет.

Т р о ф и м, их сын, отец Павлика, в прошлом председатель сельсовета, 41 год (если он еще оставался в живых).

Т а т ь я н а, жена Трофима, мать Павлика, 37 лет.

П а в л и к (Павел), около 14 лет, и его братья:

А л е к с е й, 10 лет, Ф е д о р, 8 лет, и Р о м а н, 4 года, дети Трофима и Татьяны, внуки Сергея и Ксении.

И в а н, старший брат Трофима, дядя Павлика, около 45 лет.

Д а н и л а, сын Ивана, двоюродный брат Павлика, внук Сергея и Ксении, 19 лет.

КУЛУКАНОВЫ:

А р с е н и й, крестный отец Павлика, 70 лет.

Х и м а, его жена, дочь Сергея и Ксении Морозовых, тетка Павлика, около 40 лет.

СИЛИН А р с е н и й, дядя Павлика, 33 года.

ОСТРОВСКИЕ:

О н и с и м, дядя Павлика, 45 лет.

М а л а н ь я, его жена, сестра Татьяны Морозовой, тетка Павлика, 35 лет.

ПОТУПЧИКИ:

У с т и н ь я, дочь Сергея и Ксении Морозовых, тетка Павлика, около 50 лет.

И в а н, сын Устиньи, внук Сергея и Ксении Морозовых, двоюродный брат Павлика, официально осодмилец (член общества содействия милиции), на самом деле — осведомитель ОГПУ, 20 лет.

ШАТРАКОВЫ:

А н т о н, житель Герасимовки, примерно 60 лет, сосед Морозовых.

Д м и т р и й, около 18 лет; Ефим и Ефрем, между 20 и 40 годами, сыновья Антона.

МЕЗЮХИН В л а д и м и р, житель соседней деревни Владимировки, возраст не известен, приятель деда Павлика Морозова.

Мать Павлика Татьяна Морозова, родной брат Павлика Алексей и двоюродный брат Иван Потупчик во время работы над книгой оставались в живых и через 50 лет после событий дали нам свои показания.

ОЧЕВИДЦЫ, ОСТАВШИЕСЯ В ЖИВЫХ

(ВОЗРАСТ ПО 1932 ГОДУ)

ПОЗДНИНА Е л е н а, первая учительница Павлика Морозова, 19 лет.

КАБИНА З о я, последняя учительница Павлика, 18 лет.

КОРОЛЬКОВА М а т р е н а, дальняя родственница Морозовых, одноклассница Павлика, 13 лет.

БАЙДАКОВ Л а з а р ь, дальний родственник Татьяны Морозовой, 12 лет.

БЕРКИНА В е р а, крестьянка, двоюродная сестра Татьяны Морозовой, 35 лет.

САКОВА Е л е н а, крестьянка, одна из первых переселенок, 50 лет (умерла в 1984 году).

ПРОКОПЕНКО Д м и т р и й, одноклассник Павлика, 13 лет.

Все эти очевидцы дали нам свои свидетельские показания спустя 50 лет.

СЛЕДОВАТЕЛИ

ТИТОВ Я к о в, участковый инспектор милиции, 24 года.

БЫКОВ — (имя не установлено) уполномоченный районно го аппарата ОГПУ, около 30 лет.

КАРТАШОВ С п и р и д о н, помощник уполномоченного Особого отдела ОГПУ, тогда 29 лет.

С. Карташов остался жив, дал свои показания через 50 лет.

ВЛАСТИ

КАБАКОВ И в а н, первый секретарь Уральского обкома партии, 41 год.

ЩЕРБАКОВ А л е к с а н д р, работник ЦК партии, позже секретарь Союза советских писателей, 31 год.

ПОСТЫШЕВ П а в е л, секретарь ЦК партии, член Политбюро, 45 лет.

СТЕЦКИЙ А л е к с е й, заведующий отделом культуры и пропаганды ленинизма ЦК партии, 36 лет.

КОСАРЕВ А л е к с а н д р, генеральный секретарь ЦК комсомола, 29 лет.

АРХИПОВ В а с и л и й, заместитель председателя Центрального бюро детской коммунистической организации юных пионеров, около 25 лет.

ЗОЛОТУХИН В а л е н т и н, председатель того же бюро, около 30 лет.

ПОСКРЕБЫШЕВ А л е к с а н д р, начальник Особого сектора личного секретариата Сталина, 40 лет.

СТАЛИН И о с и ф, генеральный секретарь ЦК партии, тогда 53 года.

Первые шестеро из перечисленных уничтожены в годы репрессий, остальные умерли.

СОЗДАТЕЛИ МИФА О ПАВЛИКЕ МОРОЗОВЕ

СОЛОМЕИН П а в е л, корреспондент свердловской газеты «Восходы коммуны», автор первой книги о Морозове «В кулацком гнезде», тогда 25 лет.

ГУБАРЕВ В и т а л и й, корреспондент московской газеты «Колхозные ребята», потом редактор «Пионерской правды», автор многих книг о Морозове, 20 лет.

СМИРНОВ Е л и з а р, он же Вильям, корреспондент «Пионерской правды», общественный обвинитель от ЦК комсомола на процессе по делу об убийстве Морозова, 24 года.

АНТОНОВ В. Корреспондент свердловской газеты «На смену!», возраст неизвестен.

МИХАЛКОВ С е р г е й, поэт, автор первой песни о доносчике, лауреат Сталинских и Ленинской премий, Герой Социалистического труда, секретарь Союза писателей, тогда 20 лет.

ЯКОВЛЕВ А л е к с а н д р, писатель, романист, документалист, начал писать о Морозове в 50 лет.

ГОРЬКИЙ М а к с и м, писатель, первый председатель Союза советских писателей, 64 года.

РЖЕШЕВСКИЙ А л е к с а н д р, киносценарист, 31 год.

ЭЙЗЕНШТЕЙН Сергей, кинорежиссер, начал съемки фильма о Павлике в возрасте 37 лет.

БАБЕЛЬ Исаак, писатель, 41 год (в 1935 году).

ЩИПАЧЕВ Степан, поэт, начал писать о Павлике Морозове в возрасте около 50 лет.

БАЛАШОВ Владимир, поэт, драматург, актер Екатеринбургского театра юного зрителя, пропагандист подвига Морозова в наши дни.

Из перечисленных оставались в живых Михалков и Балашов (показаний не дали).

* * *

Здесь названы 53 основных участника событий, связанных с именем Павлика Морозова. Двадцать одного из них потом арестовали по политическим доносам и одного — за изнасилование несовершеннолетней девочки. Девятнадцать человек были убиты, трое, по-видимому, отравлены, семеро спились, трое сошли с ума. Судьба двоих (чекиста Быкова и журналиста Антонова) неизвестна.

В литературе, материалах следствия и суда содержится большое количество ошибок. Дядя Павлика Арсений Кулуканов называется Куканов, Кудуканов, Кодуканов, Колкуканов и, видимо, от слова «кулак» — Кулаканов. Сосед Дмитрий Шатраков именуется Шитраковым, Шипраковым, Шартиковым и Шатроновым. Два родных брата Дмитрий и Ефим Шатраковы встречаются с разными фамилиями, но с одним именем: Ефим Шитраков и Ефим Широков. Силин назван Симиным. Данила Морозов совмещен с Арсением Кулукановым в одно лицо — Данилу Кулуканова, который злостно уклонялся от выполнения хлебозаготовок. По документам Данила проходит также как Данил и Даниил, а Ксения Морозова как Аксинья и Аксенья. Учительница Зоя Кабина превращена в мужчину по фамилии Кабин, который пишет в статье: «Я знал Павлика» и т. д. Во избежании путаницы все имена в цитатах нами исправлены.

Глава первая. СУД НА СЦЕНЕ

24 ноября 1932 года в местной газете «Тавдинский рабочий» появилось крупно набранное объявление. Оно гласило:

В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС 25 НОЯБРЯ 1932 ГОДА В 6 ЧАСОВ ВЕЧЕРА В КЛУБЕ ИМЕНИ СТАЛИНА НАЧНЕТСЯ ПОКАЗАТЕЛЬНЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС НАД УБИЙЦАМИ ПИОНЕРА МОРОЗОВА СУДИТ ВЫЕЗДНАЯ СЕССИЯ ОБЛСУДА ВХОД В ЗАЛ СВОБОДНЫЙ

Тавда — небольшой районный центр в тайге. Кривые улочки, покосившиеся дома, грязная железнодорожная станция, заполненная товарными вагонами с лесом. Вокруг редкие деревни, и среди них Герасимовка, где был убит Павлик Морозов. Полсуток езды поездом от Тавды и попадаешь из Сибири на Урал, в его столицу Свердловск, перевалочную базу из азиатской части России в Европу. Но выехать из Тавды непросто. Это край лагерей принудительного труда. На станции, у поездов и сейчас милиция, люди в штатском с типичным выражением лица. Такой же была Тавда и полвека назад, в начале обычной сибирской зимы 1932 года. Но события тут происходили необычные.

Большой деревянный клуб имени Сталина на улице Сталина к этой дате спешно отстроили заново после пожара. Топоры стучали днем и ночью. Перед началом процесса в городе были организованы демонстрации трудящихся. Плакаты требовали смерти убийцам пионера Павлика Морозова. На митинг перед клубом привели около тысячи детей, включая малышей, из всех школ района. Дети тоже держали плакаты с требованием расстрелять обвиняемых. Для трансляции процесса военные связисты установили 500 репродукторов. Вокруг них собрались любопытные.

Переоценивать энтузиазм масс, о котором много написано в газетах, однако, не следует. В неопубликованных записях участника зрелища, молодого корреспондента свердловской газеты «Всходы коммуны» Соломеина, говорится, что все было запланировано, приказано и организовано заранее. В деревни всей округи сверху спускалась разнарядка. Райком партии и райисполком рассылали телеграммы: «Провести митинг», «Выслать на процесс делегатов», «Организовать красный обоз с хлебом в дар государству». В телеграммах заранее указывалось, сколько людей собрать и сколько мешков зерна отправить.

Накануне суда в Герасимовку прибыли агитбригады и духовой оркестр. Ларек торговал водкой без ограничения. После живой газеты (вроде устного журнала) и хорового пения, когда веселье достигло максимума, объявили, что завтра показательный суд. Вот записанный нами рассказ деревенского старожила Григория Парфенова: «Повезли нас рано утром на десяти подводах под красным флагом. Стояли морозы около тридцати градусов, и лошади бежали резво. Некоторые только по дороге узнали, зачем везут. Кто не хотел ехать, тому обещали бесплатный буфет».

Начало суда, назначенное на вечер для того, чтобы крестьяне из окрестных деревень успели добраться до Тавды, отложили часа на полтора. Вокруг клуба стояли чекисты с винтовками. Когда митинг перед клубом закончился, охрана открыла клуб. Вход не был свободным — пропускали делегации, пересчитывая людей по спискам.

Рассчитанный на 600 мест зал клуба был набит тысячью зрителей. Сообщения газет о том, что в зале присутствовало две тысячи, были явно преувеличены. Тем не менее в проходах вплотную сидели на полу и стояли вдоль стен. В зале было много детей. Во втором ряду, перед судьями, посадили мать убитых мальчиков, Павлика и Феде, Татьяну Морозову с третьим сыном, Алексеем, на руках. Несмотря на лютый холод, зал не отапливался, но и не проветривался, чтобы не улетучилось тепло. В воздухе стоял смрад.

Зрелище, которое предстало зрителям, было настолько впечатляющим, что и спустя полвека очевидцы его не забыли и рассказывали нам детали. На сцене медленно пополз черный занавес, открывая красные лозунги. На заднике висел портрет Павлика, нарисованный местным художником-любителем. Слева от портрета призыв: «Требуем приговорить убийц к расстрелу». Справа: «Построим самолет «Пионер Павлик Морозов». На скамье подсудимых — охраняемые конвоем с винтовками пятеро: дядя Павлика крестьянин Арсений Кулуканов, бабушка Павлика Ксения и дед Сергей Морозовы, его двоюродный брат Данила Морозов и второй дядя Арсений Силин. Прочесь лозунги, вывешенные на сцене, мог, да и то по складам, один обвиняемый — школьник-переросток Данила Морозов. Трое других вместо подписи в протоколах допросов припечатывали, обмакнув в чернила, большой палец правой руки; пятый, Арсений Силин, тоже не умел читать, но сам мог поставить закорючку пером.

За столом, накрытым кумачом, а сверху — более узким черным траурным покрывалом, расположилась бригада судей, присланных из Свердловска: председатель Загревский, народные заседатели Клименкова и Бороздина; по правую руку — общественные обвинители — представитель Центрального бюро юных пионеров и газеты «Пионерская правда» Смирнов и представитель Уральского обкома комсомола Урин, прокурор Зябкин. Слева — адвокат Уласенко. Ход суда протоколирует секретарь Макаридина. Все они вместе именуются выездной сессией Уральского областного суда. Нам удалось найти след председателя суда Загревского: он умер в 60-х годах. Одна из заседательниц отыскалась в Краснодаре, но категорически отказалась вспоминать, что и как было, и даже просто встретиться.

Наиболее подробно суд освещался ежедневно в местной газете «Тавдинский рабочий». По отчетам можно понять, что это не было судебное разбирательство в общепринятом смысле. Официально это был политический процесс. А на практике — клубное представление с распределенными ролями, антрактами и буфетом, закончившееся в последнем акте приговором.

Нам удалось получить «Следственное дело N—374 об убийстве братьев Морозовых, подготовленное Секретно-политическим отделом ОГПУ по Уралу», которое дальше мы будем называть просто «Дело N—374». В нем имеется «Обвинительное заключение»,

подготовленное следствием для суда. Приговор суда был опубликован 30 ноября 1932 года в газете «Тавдинский рабочий». Для того, чтобы понять официальную трактовку убийства, приведем выдержки из обоих этих документов.

Из обвинительного заключения: «Морозов Павел, являясь пионером на протяжении текущего года, вел преданную, активную борьбу с классовым врагом, кулачеством и их подкулачниками, выступал на общественных собраниях, разоблачал кулацкие проделки и об этом неоднократно заявлял...»

Из приговора: «В селе Герасимовке, где до последнего времени ни партийной, ни КСМ ячейки (комсомола. — Ю. Д.), и до сих пор, при наличии 100 хозяйств, нет колхоза, активное выступление пионера Морозова за выполнение проводимых кампаний... вызвало к Павлу дикую злобу со стороны родни...»

Из обвинительного заключения: «Кулаки боялись дальнейших доносов органам власти со стороны Морозова Павла, стали на путь угроз расправой пионеру Павлу Морозову. Кулуканов и Силин по отношению Морозова Павла говорили: «Этот пионер, сопливый коммунист, житья нам не дает, во что бы то ни стало его надо сжить со света».

Из приговора: «Данное убийство подготавливалось задолго до его свершения, и самый акт расправы... был не чем иным, как выполнением желанного, давно задуманного решения».

Из обвинительного заключения: «Кулак Кулуканов Арсений, узнав, что Павлик Морозов вместе со своим братом Федором ушли в лес за ягодами, с приходом к нему в дом Морозова Данилы 3-го сентября сговорил последнего убить пионера Морозова Павла и Федора, дав ему 30 рублей денег, одновременно попросил Данилу, чтобы он пригласил для убийства Павла и Федора своего деда Сергея Морозова, с которым Кулуканов раньше имел сговор...»

Из приговора: «Закончив борюньбу после ухода от Кулуканова, Данила отправился домой и передал деду Сергею разговор с Кулукановым. Морозов Сергей, видя, что Данила берет со стола нож, ни слова не говоря, вышел из дому и отправился с Данилой на дорогу, по которой должны возвращаться братья Морозовы. Притом, когда подсудимые вышли уже за деревню, Морозов Сергей сказал Даниле: «Идем убивать, смотри не бойси».

Из обвинительного заключения: «Поравнявшись с Павлом, Морозов Данила, не говоря ни слова, вынул нож, нанес Павлу удар в живот».

Из приговора: «Девятилетний Федя, заплакав, кинулся бежать в сторону, но был задержан Сергеем Морозовым и подбегавшим Данилой тут же был зарезан. Убедившись, что Федя мертв, Данила вернулся к Павлу и еще несколько раз ударил его ножом».

Из обвинительного заключения: «Совершив убийство, Морозов Сергей вытряс из мешка ягоды, набранные Павлом и Федором, и совместно с Данилой одели этот мешок на голову Павлу Морозову, а затем Морозов Сергей труп Федора оттащил несколько в сторону от дороги, в лес, то же проделал Данила с трупом Павла. Морозов Сергей и Морозов Данила, вернувшись из леса после убийства... обнаружив у себя на одежде пятна крови, переоделись в другое платье, заставив Морозову Ксению (жену Сергея) выстирать окровавленную одежду в целях скрытия преступления. Морозова Ксения, узнав о совершенном преступлении, замочила окровавленную одежду (штаны, рубаху), но отстирать не успела, т. к. при обыске в замоченном виде рубаха и штаны были изъяты».

Из приговора: «На следующий день Ксения Морозова, чего она сама не отрицает, узнала об убийстве Павла и Федора, но когда было приступлено к розыску последних, она, Ксения, данное обстоятельство скрыла».

Из обвинительного заключения: «Одновременно при обыске за иконами был обнаружен нож, которым совершено убийство».

Тщательное изучение имеющихся у нас секретных документов следствия, которое проводилось в течение двух с половиной месяцев, опубликованных материалов суда, показаний свидетелей и очевидцев обнаруживает многочисленные противоречия и неувязки в ходе следствия и судебного процесса.

Братья Павлик и Федя пошли в лес за клюквой, но когда, куда и кто знал о том, что они ушли, ни следствие, ни суд не выяснили. Суд не задал вопроса, почему в течение трех суток никто не начал искать пропавших детей. Почему не обратили внимания на вернувшуюся с воем из лесу без детей собаку Морозовых?

Отдельные факты в цепи тех трагических событий существуют одновременно в нескольких вариантах, и суд не уточнил, какой вариант соответствует истине. Осталось невыясненным, когда точно было совершено убийство. В лесу, на месте убийства, не было сделано ни одного фотоснимка. Следователи вообще там не побывали, не видели трупов, не зафиксировали следов преступления и даже не описали места убийства. Участковый милиционер Титов, один, без свидетелей, написал и подписал «Протокол подъема трупов». Обнаружен он нами в архиве

Свердловского историко-революционного музея в виде машинописной копии. Подлинник, возможно, если не уничтожен, есть в недоступном для нас архиве. В цитатах сохраняем орфографию и стиль документа.

В протоколе, написанном от руки на одной странице, сообщается, что он составлен 6 сентября в 1 час дня в присутствии крестьян, подписи которых отсутствуют. Происшествие описано в протоколе приблизительно, деталей мало: Павел лежал головой в восточную сторону, второй труп, Федора, головой в западную сторону. О Павле: «В левой руке разрезана мякоть и нанесен смертельный удар ножом в брюхо, в правую половину, куда вышли кишки, второй удар нанесен ножом в грудь около сердца». «Протокол подъема трупов» указывает, что ударов ножом было два, а раны три. Позже, после похорон, газета «На смену!» уточнит, со слов следователя, что Павлу нанесены не три, а четыре ножевые раны. Журналист Смирнов, обвинитель на суде, напишет: «После пятого удара ножом в грудь Павлик лежал мертвым». А коллега Смирнова Губарев через тридцать лет вспомнит показания свидетелей, что на теле Павлика судебно-медицинская экспертиза обнаружила 16 ножевых ран.

«Протокол подъема трупов» сообщает о Федоре: «Нанесен удар в левый висок палкой и правая щека испекшей кровью, раны не заметно. И ножом нанесен смертельный удар в брюхо выше пупа, куда вышли кишки, и так же разрезана правая рука ножом до кости». Позднее писатель Губарев скажет, что Федор был убит не палкой, а ножом в затылок.

Суд не установил, хотя и записал в приговор, что Павлик лежал в мешке. Свидетели, однако, утверждали, что никакого мешка не было, а была задрана рубашка, и она была красного цвета. Но то не была кровь. Клюква, которую убийцы высыпали из мешка, дала обильный темно-красный сок. Этот сок и окрасил мешок и рубашку. Экспертизы ни этого мешка, ни одежды не было.

Очевидцы показывали: протокол был составлен милиционером Титовым не 6 сентября, а на самом деле позже, задним числом, когда приказали его составить. В деревне был фельдшер, которого позвали родственники. В блокноте первого журналиста, прибывшего в Герасимовку, Соломеина, среди записей показаний очевидцев находим возмущенные слова дяди Павлика, Онисима Островского: «Ведь нужно только описать раны. Они не ограблены, не задавлены, вином не опились, а злоумышленно убиты». Фельдшер наотрез отказался заменять патологоанатома. И все же он был единственным представителем медицины, который видел трупы.

Причину отказа фельдшера можно понять: время было такое, что он просто побоялся это сделать. Но ни следователи, ни суд его даже не опросили, хотя фельдшер мог наверняка сказать больше, чем было написано полуграмотным милиционером в «Протоколе подъема трупов». Суду было известно, что в деревню позвонили из Тавды и велели похоронить детей до приезда следователя, но суд не выяснил, кто отдал распоряжение срочно похоронить.

Свидетели на суде рассказывали о торжественных похоронах пионера. Очевидцы, однако, рассказывали нам, что грязная телега с трупами подъехала к деревне. «Уложили мертвых детей на пол, возле двери, безо всего, без одежды, — вспоминает последняя учительница Павлика Морозова Зоя Кабина. — Мать увидела мертвых своих детей и потеряла возле телеги сознание. Ее в бесчувственном состоянии положили на ту же телегу возле мертвых детей и всех троих отвезли домой».

В неопубликованных показаниях очевидцев, записанных журналистом Соломеиным, имеется высказывание Онисима Островского: «Гвоздей (чтобы сколотить из досок гробы Павлу и Федору. — Ю.Д.) нет. Узнал, что в сельсовете есть телефонная проволока. Делал гвозди сам у соседа в кузнице. Хоронили одни. Никто не помогал хоронить. Не дали ни материи, ни досок. Не хватило гвоздей». Власти не участвовали в похоронах убитого героя.

Во втором издании Большой советской энциклопедии говорится «Убийцы были пойманы». «Пойманы» предполагает погоню или хотя бы поиск скрывшихся от правосудия лиц. Ни следствие, ни суд, ни пресса не задали важного вопроса: почему убийца совершил преступление

так близко от деревни и не пытался замести следы? Ведь рядом было болото, трупы засосало бы, и списали бы вину на медведей, которых тогда было много. Суд не удивило, что никто из подозреваемых не собирался прятаться от ареста, а в этих диких местах легко было уйти в другую деревню к родне или просто скрыться в тайге.

В процессе следствия число арестованных увеличивалось с двух до десяти. Одного выпустили на свободу до суда. Суд не смутило, что аресты проводились произвольно, без санкции прокурора и без всяких улик. Первым был взят молодой крестьянин Дмитрий Шатраков, который в тот день ходил на охоту с собакой и ружьем. За арестом Шатракова последовал арест его брата, затем отца и третьего брата. Основанием служил старый донос, что Шатраковы держали незарегистрированное ружье. «При аресте, — вспоминал очевидец, — их всех избивали».

С самого начала над всеми подозреваемыми повисал меч «презумпции виновности». Они должны были доказывать следователям, что не виноваты. Дмитрий Шатраков принес справку, что он был вызван в райвоенкомат в Тавду. Отец и третий брат Ефим нашли свидетелей, которые видели их целый день бороновавшими поле, далеко от места убийства. Второй брат, Ефрем, не смог сразу доказать свое алиби и сидел дольше других.

Затем был арестован дед Павлика Сергей Морозов, на которого донес его внук и двоюродный брат Павла Иван Потупчик. Как вспоминает очевидец событий Прокопенко, Потупчик сообщил, что между дедом и Павликом «контры были давно», и даже вызвался сам арестовать деда.

Сейчас трудно восстановить последовательность арестов. Родственник матери Павлика Лазарь Байдаков рассказывал нам: «Напротив деда Сергея Морозова жил Арсений Силин, женатый на его дочери. Когда брали деда Морозова, Силина забрали тоже. Держали в амбаре. Бабушку не сразу забрали. Она первое время носила им еду через всю деревню». Однако Ксения Морозова тоже была арестована, забрали ее внука Данилу и мужа дочери — Арсения Кулуканова. Потом был арестован Владимир Мезюхин, из соседней деревни, случайно зашедший к Сергею Морозову. Если верить газете «Колхозные ребята», то и десяти оказалось мало. Газета писала, что к суду привлекаются «и другие герасимовские кулаки и подкулачники».

Даже во время суда появлялись новые обвиняемые. Сначала богатый крестьянин Анчов, которого газета «На смену!» охарактеризовала так: «Анчов — вождь, идейный вдохновитель всей группы. Нет никаких сомнений в его центральной роли в гнусном преступлении». Но больше об Анчове не упоминали. Позже назвали еще одного убийцу — Рогова. Во время одного из заседаний суда на сцене появился неизвестный в дубленом полушубке и объявил, что Иван Морозов, сын Сергея и отец Данилы, живший в соседней деревне, тоже арестован — за покушение на жизнь уполномоченного по хлебозаготовкам. Позже, чтобы притянуть Ивана к данному делу, его обвинили в подстрекательстве к убийству своего племянника Павлика и попытке уничтожить общественный скот. «Иван во всем признался, — рассказывала нам учительница Кабина, — но был ни при чем». Осудили его потом отдельно.

Дело об убийстве Павлика и Федора было связано с доносом Павла на отца и арестом отца. Однако следствие даже не попыталось привлечь в качестве свидетеля находившегося в лагере отца Павлика — Трофима Морозова — первопричину конфликта. Не допрошен он был и в суде.

Основными доказательствами вины подсудимых были цитаты из докладов вождей Сталина и Молотова о том, что классовая борьба на отдельных участках усиливается, и обвиняемые являлись иллюстрацией правильности их высказываний. Прокурор говорил о предстоящей пятилетке, в которой будет построено бесклассовое общество, а для этого остатки враждебных классов (он указал на обвиняемых) должны быть уничтожены. Общественные обвинители вообще не доказывали вины, они поднимали над головами толстые пачки писем и телеграмм от пролетариев Урала, пионеров, читателей газеты с требованием расстрела подсудимых.

С подсудимыми судьи разговаривали на «ты». Ксения Морозова в отчетах из зала суда именуется «старухой», а оправданный Арсений Силин — «убийцей».

В распоряжении следствия имелось два вещественных доказательства убийства, найденные в доме Сергея Морозова: нож, вынутый при обыске из-за иконы, и штаны с рубахой, испачканные кровью, но неясно чьи — Данилы или деда и с чьей кровью. Суд не потребовал экспертизы пятен этой крови. Не было психиатрического освидетельствования обвиняемых. Несмотря на все указанные пробелы следствия, суд не вернул дело на доследование.

Больше того, вместо реальных доказательств некоторые улики перекочевали в судебное заседание из сочинений журналистов. Так, «Пионерская правда» сообщила, что герасимовские кулаки обещали заплатить за убийство золотом. В обвинительном заключении золото не упоминалось. Но на суде, согласно газете «Тавдинский рабочий», тема вознаграждения возникла.

«ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Тебе Кулуканов обещал золото, а ты знал, что у него есть золото?

МОРОЗОВ ДАНИЛА. Знал. (Не отвечает, обещал ли, дал ли, взял ли он. — Ю.Д.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Скажи прямо, Данила. Вот все, что ты здесь рассказал суду, это правильно, или ты просто наговариваешь, лжешь?

МОРОЗОВ ДАНИЛА. Я говорю так, как было дело, мне нечего скрывать, раз виноват, то виноват».

Если верить отчетам о судебных заседаниях в газетах, обвиняемые охотно признавались в убийстве и изобличали друг друга. Бабушка, «высокая старуха в черном», обвинила деда и остальных.

Дед тоже всех разоблачил, хотя и лаконичнее. Данила, обвиняя своих родных, держался весело. Однако присутствовавшая на суде бывшая жительница Тавды Анна Толстая заявила нам: никто из обвиняемых на суде не признался, что убил, и она отлично это помнит. Никто!

Свидетели обвинения (около десяти человек) тоже не приводили фактов, но требовали от суда применения к обвиняемым высшей меры социальной защиты, то есть смерти. Свидетелей защиты не было вообще. В процессе участвовал всего один защитник Уласенко, который во время очередного заседания вышел вперед и заявил залу, что он возмущен поведением своих подзащитных и защищать их отказывается. После этого адвокат демонстративно удалился, и суд закончился без него. Судьи и прокурор требовали от маленького внука показаний против родных, и десятилетний Алексей Морозов, которого заранее научили, что говорить, требовал смерти своих деда и бабушки.

Этот процесс продолжался четыре дня. Приговор, зачитанный при гробовой тишине зала, гласил: «Кулуканова Арсения, Морозова Сергея, Морозова Данилу, Морозову Ксению — признать виновными в убийстве на почве классово-местной мести пионера Морозова Павла и его брата Федора и на основании ст. 58.8 УК всех четверых подвергнуть высшей мере социальной защиты — расстрелять».

Дядю Павлика Арсения Силина по непонятной и счастливой для него логике оправдали.

Неизвестные крестьянам люди, стоявшие позади толпы, громко запели партийный гимн «Интернационал». Журналисты писали: гимн был подхвачен всем залом. Деталь эта весьма сомнительна: крестьяне, вроде герасимовских, вряд ли могли выговорить само название гимна.

Итак, без доказанной вины расстреляли трех глубоких стариков: деда в возрасте 81 года, его жену 80 лет, зятя 70 лет. С ними убили девятнадцатилетнего внука. Крестьянин Прокопенко уверял нас, что подсудимых расстреляли сразу. Их вывели к яме, велели снять хорошую одежду и изрешетили пулями. Об этом с подробностями рассказывали в деревне агитаторы из райкома партии.

Представление, которое положило начало мировой известности Павлика Морозова, закончилось. В течение нескольких дней станция и улицы Тавды были переполнены приезжими — милицией, солдатами, людьми в штатском, журналистами — всеми теми, кто организовал этот показательный судебный процесс, прошумевший на всю страну.

Для чего этот суд был так нужен властям? Кто такой был на самом деле Павлик Морозов? Что за подвиг совершил?

Глава вторая. КАК СЫН ДОНЕС НА ОТЦА

Предки Павлика Морозова были по бюрократическому определению инородцами, то есть людьми нерусской национальности. И жили они в западной части Российской империи, в Белоруссии. Белорусами были мать и отец Павлика — по крови, месту рождения и документам. И сам Павлик был белорусом. Об этой детали можно было бы и не упоминать, если бы властям не понадобилось превратить его после смерти в русского. В печати начали подчеркивать, что Павлик Морозов — русский мальчик, «старший брат» и тем самым служит примером для детей всех других народов. Чтобы не оставалось сомнений, писатель Губарев в статье «Подвиг русского мальчика» заявил, что Морозов родился у русской матери, чтобы и мать героя соответствовала требуемым стандартам.

Теперь в герои производят после тщательной проверки анкет в инстанциях, а тогда в спешке власти об этом забыли и проморгали еще более неприятные места в досье главного пионера.

Сергей Морозов-старший, прадед нашего героя, в прошлом веке сражался за государя-императора в русской армии, был участником нескольких войн, кавалером шести орденов. После армии он пошел на государственную службу, стал тюремным надзирателем. Его сын, тоже Сергей, дед Павлика, сперва был жандармом. Он влюбился в заключенную, которую сопровождал в тюрьму, и едва она отбыла срок, женился на ней. Ксения, бабушка Павлика, была, говорят, редкой красавицей и профессиональной конокрадкой. Ремесло дерзкое, требующее характера. Бабушка Ксения имела в молодости две судимости и дважды сидела (полтора года, потом еще три), причем второй раз дедушка сумел освободить ее за взятку накануне свадьбы. Таким образом, пионер-герой Павлик Морозов происходит по мужской линии от жандарма и профессиональной воровки. Это, разумеется, не афишируется.

В начале века Морозовы среди тысяч других белорусов подались искать счастья в Сибирь. Русское правительство поощряло освоение тайги инородцами. Отправка белорусов в Сибирь была частью политики русификации — их отрывали от своей земли, от языка. Но — добровольно. По дешевому тарифу крестьян довозили до места, давали на мужскую голову пособие 150 рублей (деньги по тем временам немалые) и каждую весну — семена. Двоюродная сестра матери Павлика Вера Беркина рассказывала нам (здесь и далее даем перевод с русско-белорусского диалекта):

«Я была девочкой девяти лет, когда меня повезли сюда. Доехали по железной дороге до Тюмени. Отец купил лошадь с телегой, и пошли туда, где была земля. В Белоруссии у нас земли было совсем мало, а здесь сколько от леса отнимешь — вся твоя. Другие, тоже наши, плыли вверх по реке Тавде на пароходе, а от реки шли пешком. Переселенческий начальник регистрировал прибывших и давал деньги. В отведенных для поселения местах уже были вырыты колодцы. Народ приезжал выносливый, живучий. Первое время ютились в землянках».

Дополним воспоминания живого свидетеля по архивному источнику. Весь этот район Сибири заселяли белорусы. На отведенный участок пришли в 1906 году сорок семей, самый старший из мужиков был Герасим Саков, по нему и назвали деревню Герасимовкой. Дед Павлика с семьей зарегистрирован в Герасимовке с 26 октября 1910 года.

Географически Герасимовка находится в центре России, однако была и теперь остается глухой окраиной. Места эти чаще всего именуют Зауральем или Северным Уралом, хотя они относятся к Западной Сибири.

В прошлые времена на этих землях жил мирный народ манси. Русские пришли сюда впервые в XVI веке под началом Ермака и с оружием в руках вытеснили мансийцев подчистую. От них остались лишь названия некоторых деревень. Потом белорусы жгли и корчевали лес и пространство, отвоеванное у тайги, засеивали. До недавнего времени обугленные стволы, навевая тоску, толпились вокруг деревни. Постепенно строили избы, зимой отправлялись на заработки

в Тавду, на лесозавод, где сейчас работают заключенные, на строительство железной дороги. «Тяжело доставалось народу. Многие умерли безо времени», — вспоминает один из старожилов.

Герасимовка так и осталась деревней. В соседних селах построили церкви.

— Мы иконы привезли с собой, — вспоминала Беркина, — в церковь ходили по особому случаю, обычно устраивали молебны у себя.

— А вы какой веры?

— Какой все, такой и мы! Не басурманы же!

Попавшие сюда белорусы были в большинстве православными. Старики рассказывают, что в те давние годы по деревням ездили коробейники, торговали бусами, ружьями, скупали пушнину. Бывало, грабили их в тайге. В Герасимовке, которая стояла в стороне от тракта, в полной глуши, было спокойнее, чем в округе. Да и люди перероднились за годы совместного противостояния суровости жизни. Деревня была тихая, непьющая, работающая. Кроважность появилась в «классовой борьбе», когда пришел 1917 год.

Самым крупным его событием в большой семье Морозовых была не революция, а женитьба второго сына Трофима на Татьяне, в девичестве Байдаковой. Это были родители Павлика Морозова. Татьяна переселилась к Трофиму из соседней деревни Кулоховка. Была она по деревенским понятиям уже в возрасте, ей исполнилось двадцать, а Трофиму — двадцать шесть.

«Трофим был ростом высокий, красивый, — рассказывала нам одноклассница Павлика Матрена Королькова. — Татьяна тоже крепкая и сложенная складно, а черты лица правильные, и, можно сказать, она тоже красивая». Для родителей Татьяны свадьба ее была радостью. У них был один сын и пятеро дочерей, а девки, как известно, в крестьянской семье — обуза. Молодые поставили избу рядом с отцовской, на краю деревни, у леса. Дед с бабушкой отдали им часть нажитого добра. Через положенное время у Татьяны и Трофима родился первый сын.

Дата рождения этого мальчика — 14 ноября, если полагаться на энциклопедию или на издание герасимовского музея, где об источнике сказано: «На основании записи о его рождении». Саму эту записку нам найти не удалось. Согласно обелиску, установленному на месте дома, в котором он родился, Павлик появился на свет 2 декабря. Старый и новый стиль не помогают объединить эти даты, тем более, что и год рождения, указанный там — 1918, вызывает сомнения.

Разные авторы пишут, что в 1932 году, в момент смерти, Павлику было 11, 12, 13, 14 и 15 лет. Картотека Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге называет годом его рождения 1921-й, т. е. 11 лет, 12 лет — в учебнике «История СССР», 13, 14 и 15 лет в «Пионерской правде» 15 октября, 2 октября и 5 декабря 1932 года. Ссылка на записку о рождении Павлика 14 ноября 1918 года — в буклете «Павлик Морозов» (1968).

Даже мать не вспомнила даты рождения сына. Осенью по распутью Морозовым бы и верхом до церкви в Кушаках не добраться, а тут ударил лютой мороз, и по льду легко проехали в телеге туда и обратно. В церковь внес его дядя Арсений Кулуканов, тот самый, который заплатил жизнью за крестника. Но теперь мы по крайней мере уверены, что он родился в деревне Герасимовке, а путаница с его местом рождения вызвана бесчисленными послереволюционными переименованиями.

Окрестили мальчика Павлом, а звали Пашкой. Никто при жизни его Павликом не называл. «Пионерская правда» некоторое время именовала его Павлушей, а затем ласково Павликом. Это подхватила вся пресса. Теперь и в деревне употребляют имя Павлик — ощутимый результат воздействия на граждан средств массовой информации.

Если верить книгам, в 1917 году приехали в Герасимовку из волости большевики и вместо старосты избрали на сходе сельский совет. Крестьянин Лазарь Байдаков, однако, утверждает: «Сельсовет тут организовался только в 1932 году. Мужики уходили воевать кто за Троцкого,

кто за Колчака. Советской власти никто не понимал». Города, что южнее и важнее, переходили от белых к красным, от красных к белым многократно, но Герасимовки это не касалось. Деревня сеяла хлеб, убирала, излишки вывозила на рынок.

В Герасимовке изредка появлялись отряды с винтовками, отбирали продукты, не оставляя их и для малых детей. Летом и зимой, чтобы добраться до районного центра на лошади, требовался день. Весной и осенью дорога уходила в болотную топь. Уровень земледелия советской России 30-х годов соответствовал Англии XIV века. Белорусы-переселенцы жили своим натуральным хозяйством. Русских они не любили и называли «чалдонами».

Началась коллективизация, но здешних крестьян она не слишком беспокоила. Никто ее всерьез не принимал. У стариков была уверенность, что скоро все вернется на старые рельсы. Попытки организовать здесь колхоз терпели неудачу. Получалось — и это вызывало раздражение новых властей, — что глухая деревня живет вопреки всем постановлениям партии и правительства, вопреки призывам. Мужики научились обходить острые углы. С уполномоченными хитрили. В разгар очередного голосования за колхоз кто-то с улицы истошным голосом кричал: «Горим!.. Пожар!..». И все разбегались — снова не соберешь. В работу по обложению налогом власти вовлекали милицию, комсомол, отряды Красной армии, учителей, библиотекарей, рабочих из города. Крестьяне скрывали, сколько они производили зерна. Некоторые пытались выполнять так называемые «твердые задания», но вскоре поняли норов власти: выполнишь задание, тебе его еще увеличат.

Почему маленькая Герасимовка ухитрялась сопротивляться могучему молоху террора, который начал перемалывать крестьянство целыми губерниями? Нам кажется, причин по меньшей мере две. Первая: сюда переселились люди особого характера, упорства. Вторая: герасимовцы полагали, что их не тронут — из этой глухомани, из края ссылок, гнать уже некуда. Но они недооценивали советскую власть и ее принципиальное отличие от власти царской.

Сюда в начале 30-х годов начали ссылать крестьян с Украины и с Кубани. Количество ссыльных по сравнению со старыми временами увеличилось в тысячи раз. Строились лагеря, а пока они не были готовы, конвой просто приводил очередной этап и оставлял ссыльных в лесу. Нетронутая человеком тайга отбирала людей и сортировала их сама. Вскоре стали поступать ссыльные крестьяне из центральных районов России. Газеты писали, что эти районы после высылки кулаков успешно справляются с коллективизацией. Местное же уральское руководство мотало на ус: значит, и нам надо высылать тех, кто мешает. Куда же высылать из традиционного места ссылки? А есть еще край вечной мерзлоты. В герасимовских местах ситуация сложилась трагикомическая: привозили одних — вывозили других, таких же. Тех и других под конвоем. Такова была картина в стране, когда в Герасимовке, в семье Морозовых, произошла ссора.

Как жили Трофим и Татьяна Морозовы, теперь невозможно установить. У них родилось пятеро детей, один вскоре умер. Примерно десять лет супруги прожили вместе. Потом Трофим ушел к молодой жене Соньке Амосовой (по рассказу Соломеина), Лушке Амосовой (по рассказу учительницы Кабиной) или Нинке Амосовой (по свидетельству Морозовой). Путаница имен объясняется тем, что у Амосовых было четыре дочери, и все красивые. Нина (именно ее, как выяснилось, выбрал Трофим) была из них самая симпатичная, нрава веселого, вспоминает Королькова, и, возможно, это понянуло к ней Трофима.

Татьяна Морозова нам рассказала: «Трофим вещи забрал в мешок и ушел. Приносил нам сперва сало, а потом стал пить, гулять. Нинка, шлюха продажная, до него сто раз замуж сбегала. Ее все бабы ненавидели за то, что отбивала мужиков. После войны я в Тавду за документами поехала и там в милиции увидела Нинку, она тоже за чем-то пришла. Я при полковнике-женщине говорю ей: «Ах, дрянь ты продажная, немецкая. У тебя детки — от кого ручка, от кого ножка, от кого лапка, от кого жопка. А у меня все законные. Ты — гадина подлячья, из-за тебя мои дети порастерялись, сучка!» И полковник-женщина молчала, не вмешивалась».

Так или иначе, Трофим ушел от Татьяны перед ссорой со старшим сыном и имел две семьи. Единственное упоминание о разводе отца с матерью, буйной свадьбе с новой женой и гулянке, продолжавшейся неделю, имеется в книге Соломеина «В кулацком гнезде». После этого пресса о разводе резонно умалчивала. Жил Трофим то у сестер, то у новой тещи и домой возвращался все реже. Факт, что Трофим ушел из семьи, — невероятный. Крестьяне от жен не уходили. И если он это сделал — поступок такой говорит о многом и не в пользу его первой жены. Соломеин, который не раз останавливался в доме Татьяны Морозовой, вспоминает (запись осталась в его блокноте и не вошла ни в книгу, ни в статьи): «Неряха. В доме грязно. Не подбирает. Это результат российской некультурности. За это не любил ее Трофим, бил».

Когда читаешь книги о драме в деревне Герасимовке, остается непонятной причина, побудившая мальчика донести на отца. «Отец из семьи ушел, — вспоминает одноклассник Павлика Дмитрий Прокопенко. — Лошадь и корову надо было кормить, убирать навоз, заготавливать дрова — все это легло на старшего. Мать — плохая помощница, братья малы. Павлику было физически тяжело без отца. И когда возник шанс вернуть его страхом наказания, они с матерью попробовали это сделать».

«Мать толкала сына предать отца, — сказала нам 50 лет спустя учительница Кабина. — Она, темная женщина, досаждала мужу как могла, когда он ее бросил. Она Павлика подучила донести, думала, Трофим испугается и вернется в семью». Родственники Морозова тоже считают, что так оно и было. Сама же Татьяна Морозова, отвечая на наш вопрос, отрицала свое участие в доносе: «Павлик надумал, я не знала, он со мной не советовался». Между тем на суде, как утверждают очевидцы, Трофим Морозов заявил, что это Татьяна подучила сына донести. «Скажу так, — резюмировал Прокопенко. — Не уйди Трофим из семьи — ни доноса бы не было, ни убийства, и героизм Павлика неоткуда взять. Но этого печатать нельзя!»

Советские писатели, игнорируя реальные факты, подменили конфликт между супругами Морозовыми политической борьбой. Это важно иметь в виду, переходя к подробностям первого героического поступка Павлика — доноса на отца.

Процесс подготовки к доносу, то есть сбора сыном компрометирующих сведений об отце, подробно описан в литературе. Отец, председатель сельсовета, приходил домой поздно, выпивал с родственниками, иногда вечером работал дома. По описанию журналиста Соломеина, все получилось так: когда Трофим дома, то и Павел тут. Глянул осторожно в дверную щелку горницы, где сидел отец, и замер. Отец пересчитывал деньги. Павлик ничего не сказал матери. Только решил наблюдать за отцом. Но ведь в действительности такая слежка была невозможна. Трофим не жил в доме. Чтобы «исправить историю», Соломеин сдвигает уход отца от матери на время после доноса сына, а при переиздании книги развод родителей убирает совсем.

Трофим работал, читаем мы в книге Соломеина «Павка-коммунист». «Тихо-тихо, стараясь даже не дышать, Павка встал и на цыпочках подошел к двери. Из горницы доносились приглушенные голоса. Павка прильнул к замочной скважине».

Сын хочет выяснить, откуда у отца деньги, и догадывается, что они — «от классовых врагов». Из-за ночных бдений пионер начинает плохо учиться, позорит свой отряд, но ему не до этого. Он весь — в шпионаже. У поэтессы Хоринской в стихотворной биографии Морозова, когда Павлик прислоняет ухо к замочной скважине, слушает и запоминает, ночная сцена приобретает еще более драматический характер. Просыпается мать, осознающая государственную важность деятельности сына. Она говорит в рифму: «Опять не спишь, сынок? Скоро полночь ступит на порог». А сын поясняет читателям: «Врагом стал отец мой, ребята, не мог я отца укрывать!».

В чем же, по словам писателей, вина отца Павлика? Трофим Морозов, председатель сельсовета, давал справки ссыльным крестьянам, чтобы, пользуясь этими документами, они могли вернуться на родину. Крестьян этих раскулачили в основном на Кубани и привезли в ссылку на Северный Урал, на лесозаготовки. Писатель Губарев привел в газете «Пионерская правда» в 1933 году полный текст документа.

Удостоверение

Дано сие гражданину _____ в том, что он действительно является жителем Герасимовского сельсовета Тавдинского района Уральской области и по своему желанию уезжает с места жительства. По социальному положению бедняк. Задолженности перед государством не имеет. Подписью и приложением печати вышеуказанное удостоверяется.

Председатель сельсовета Т. Морозов.

Документ этот с начала и до конца — сочинение самого Губарева. Через пятнадцать лет он переделал его в книге. В первом издании отец печатал справки на пишущей машинке в количестве пятидесяти копий. Позже пишущая машинка из жизнеописания Павлика исчезла. Выражение «жителем Герасимовского сельсовета» меняется на «жителем села Герасимовки». Район тогда назывался Верхнетавдинским. Губарев убирает фразу о задолженности и добавляет дату: 27 июля 1932 года. Эта дата вообще делает всю сцену абсурдной. Морозов-отец был к этому времени давно осужден и отправлен в лагерь.

Между тем Губарев рассказывает, как Павлик украл у отца такое удостоверение, чтобы отнести его куда следует. Если не для себя, а для дела коммунизма, то можно и украсть. Коллега Губарева — журналист Смирнов — излагает эпизод иначе. Отец разорвал бракованную справку. «Не успели затихнуть во дворе шаги, как Павлик соскочил со своей постели и подобрал на полу клочки разорванной бумажки. Зажав их в кулаке, он быстро улегся». Утром Павел разжал руку и стал разбирать клочки бумаги, чтобы восстановить текст. В первых публикациях авторы писали, что Трофим брал за справки деньги. Позже слово «деньги» заменили на «толстые пачки денег».

Кому же и куда донес Павлик на отца?

Из многих лиц, которым мы задавали этот вопрос, ни один не сумел вспомнить что-либо. Все приводили сведения, взятые из опубликованных впоследствии книг. У разных авторов место это носит разные названия. Павлик сообщил: в милицию (Бюллетень ТАСС), членам сельсовета (писатель Коршунов в «Правде», 1962), представителю райкома партии (Второе издание БСЭ), представителю райкома Кучину, иногда именуемому Кочинным (буклет Свердловского музея), инспектору милиции Титову (во многих источниках).

По версии писателя Мусатова, мальчик сообщил директору школы, а тот — уполномоченному по хлебозаготовкам (журнал «Вожатый», 1962). Возможен также уполномоченный Тавдинского райкома партии Дымов, который немедленно сообщил куда следует, и уполномоченный без фамилии, который «молод, плечист, в белой рубашке с расстегнутым воротом, в скрипучих сапогах» (Губарев, журнал «Пионер», 1940). Один и тот же следователь ОГПУ носит в разных изданиях фамилии Железнов, Самсонов, Зимин, Жаркий и др. Можно прочитать, что Павел сообщил в следственные органы (журнал «Пионер», 1933), в ЧК (газета «На смену», 1972). И еще два поздних варианта: Павлик рассказал людям («Пионерская правда», 1982) и — рассказал всем (сборник «Подвигу жить!»). Речь, повторяем, идет об одном-единственном доносе.

Журналист Соломеин при переизданиях книг менял место доноса трижды. «Паша... пошел в Тавду и рассказал о проделках отца». Это была первая информация с места событий в газете. Его идею заимствовал поэт Боровин в книге «Морозов Павел», причем для операции им выбрана ночь:

Он спешит. Теперь он все расскажет.
Он бежит, спешит в райком.
И тайга теперь его не свяжет:
Он без отдыха бежит бегом.

Однако от сюжетного хода с Тавдой авторам пришлось отказаться. Дорога шла болотами, были броды через речки, а зимой дорогу заносило. К тому же туда и обратно около 120

километров — почти три марафонские дистанции. Пробежать их без отдыха трудно. Возможно, поэтому позже Соломеин в газете «Тавдинский рабочий» написал туманнее: «Павлик сообщил куда следует». А в книге Соломеина Павлик уже доносит на месте в деревне — приезжому: «Один из Тавды. Военный. С наганом. Товарищ Кучин».

Все фамилии сборщиков доносов, перечисленные выше, оказались вымышленными, кроме милиционера Титова. ЧК (Чрезвычайной комиссии) к тому времени в стране уже не существовало. Что касается работников ОГПУ, то они могли появляться в деревне под любыми названиями и чаще всего как уполномоченные райкома или райисполкома. Не случайно еще в 1932 году Соломеин записал в блокнот слова матери Павлика Татьяны Морозовой: «Когда приехал товарищ Гепеву (т.е. ОГПУ), Паша все сказал».

А может быть, мальчик сочинил письменный донос? «Писал. Писал Павлик сообщение в ОГПУ, — считает Прокопенко. — Люди в деревне всегда найдутся, которые подговорят: посади отца, отомсти за то, что вас бросил. Иван Потупчик, его двоюродный брат, хотел сам стать председателем сельсовета вместо Трофима. Он и подучил Павлика куда и как написать». Эту версию мы попытались уточнить у Ивана Потупчика, когда с ним увиделись. «Помогал ли я ему бумагу составлять, — ответил он, — не помню. Но написать это можно, если хотите».

Губарев в «Пионерской правде» вначале тоже написал, что Павлик донес письменно: «Дай-ка, Яша, чистую бумагу, — внезапно проговорил Павел, поворачивая на свет лицо... — Напишем в ГПУ». А потом переделал донос на устный. Татьяна Морозова в одной из бесед с нами сказала: «Павлик написал письмо чекистам и вложил фотографию отца».

На наш взгляд, письменный донос не исключает устного. Встреча с уполномоченным могла состояться для получения дополнительных улик и с целью выяснить саму личность добровольного осведомителя для будущих отношений. «Павел пошел в сельсовет, — пишет Соломеин в первой своей книге. — За председательским столом сидел человек в военном. Когда все вышли, Павел подошел к столу: «Дяденька, я расскажу тебе...» Человек все записал и пожал Павлу руку. Писатель Яковлев дополнил Соломеина. Было учтено: кому и сколько давал отец бланков, у кого их брал. Павел якобы донес на многих сразу. Уполномоченный резюмирует: «Раз врагом нашим стал твой отец, и отца надо бить».

Заметьте: бить! Приговор отцу произнесен уполномоченным сразу после доноса ребенка. В дореволюционном Уложении о наказаниях уголовных и исправительных (статья 128) особо оговорено, что доносы от детей на родителей не приемлются, за исключением особо опасных преступлений. Взятки за полученные справки такими преступлениями не считались. В журнале «Пионер» писатель Губарев рассказывал, как Павлик украл у отца из-под подушки, когда тот спал, портфель с документами. Проснувшись, отец умолял сына: «Не губи, родимый!» А сын ночью бежит сообщить или, как тогда говорили в деревне, доказать.

Детали эти важны не для выяснения жизненной правды, а для того, чтобы понять, как в прессе рекламировался донос мальчика на отца. Через тридцать лет после появления в печати первой книги Соломеин переписал весь эпизод в новых красках. Перед доносом Павел хитрил. В школе он стоял с книжкой в руках. «Он лишь для вида листал ее, с беспокойством и ожиданием поглядывая в окно. Увидев, наконец, что отец вышел из сельсовета и направился к дому, Павка быстро оделся и выбежал на улицу». Опасаясь, чтобы его не выследили так же, как он выследил отца, мальчик старался незаметно пробраться к уполномоченному, прибывшему в деревню: «Павка зачем-то оглянулся, подошел к окну, посмотрел на улицу, во двор и только после этого осторожно присел на скрипучую табуретку».

Со стороны Павла — жажда подвига, со стороны уполномоченного — ремесло. Тот слушал, переспрашивал, уточнял, записывал: Павлик сообщил, что он пионер, председатель совета отряда, и уполномоченный перешел к инструктажу: «А ты, председатель, язык умеешь держать за зубами?» — «Умею!» — твердо сказал Павка и почувствовал, как забилося отчего-то сердце. «Добро! Договоримся, значит. Во-первых, мы с тобой будто что незнакомы. Ты сейчас приходил не ко мне, а к отцу. А я даже не знаю, что ты сын Трофима Морозова. Во-вторых, ты

со мной не разговаривал, спросил только, не знаю ли я, куда ушел отец. Понятно? И если ты увидишь меня даже у вас дома — будто впервые видишь меня. Ясно?».

Теперь он завербован по всем правилам! И чувство принадлежности к особому клану лиц, обладающих властью над людьми, зовет его к новым подвигам. «Тогда берегись, чтобы ты не попал в сеть, последую им, по истреблении их от лица твоего...» Но это уже не из Соломеина, а из Библии.

Через три или четыре дня после доноса Павла отца арестовали. Арест происходил обычным порядком, но в книгах писателей тех лет все выглядело, как в детективном романе. Соломеин в последней своей книге описывает: «Пришли старички в лаптях, помолились, купили справки, а потом взглянули друг на друга и, как по команде, сорвали с себя парики. «Ты арестован, Трофим Сергеевич Морозов», — услышал Павка знакомый голос...» А вот другое описание: подослали к Трофиму в сельсовет незнакомого переодетого милиционера. «Это ошибка, товарищи, вы что-то смешали!» — услышал Паша взволнованный голос отца, и ему захотелось крикнуть: «Не смешали, тятя, не смешали!». Татьяна Морозова рассказывала нам еще эффектнее: «Павлик скомандовал: «Взять его!» И энкаведисты бросились вперед».

На самом деле никого не подсылали, и Павлик не заслужил еще офицерского звания в НКВД, чтобы командовать. Просто пришли с обыском и забрали. Авторам официального мифа пришлось туго: если Павлик Морозов сообщил отцу, что донес он, то разглашается секрет полиции, а если молчал, то как же прогрессивное человечество узнало, что мальчик совершил героический поступок? «Через кого только дознались? — восхищался писатель Яковлев в книге. — Вот какая власть нынче, ничего от нее не скроешь». Автор явно стремился польстить тайной полиции.

Через три месяца, худой, рваный, грязный, заросший (Трофим до этого брил бороду) отец был приведен на суд в Герасимовку пешком под конвоем двух милиционеров. Кормить преступника в деревне было негде, а он едва держался на ногах. Его вторая жена Нина Амосова уехала из деревни и вышла замуж за другого. К Татьяне и детям Трофим заходить не захотел. Охранники отдали его отцу с матерью на три дня под расписку. Здесь-то и возник вопрос, кто донес.

Павлик пришел в дом деда, где был отец. Трофим спросил его о доносе. Сын сперва отрицал свою причастность и дал ему вдоволь потерзаться в догадках. Насладившись, Павлик нанес удар, сообщив, что это благодаря ему будет суд.

«Трофим заплакал, — записал Соломеин показания очевидцев. — Мороз (дед. — Ю.Д.) соскочил, раз Пашке в ухо, второй... Пашка заревел и спросил:

— Что делаешь?

— Убью паразита!

Мужики отобрали Пашку и увели».

Выездную сессию суда проводили в деревенской школе. Местом заседания выбрали класс. Павлик на суде был скромн и величествен. Поэтесса 50-х годов Хоринская рисует его весьма довольным собой:

И мне задавали вопросы,
Как звать-величать, кто родня,
И судьи «свидетель Морозов»,
Как взрослого звали меня.

Замечательная речь Павла Морозова на суде имеется у нас в двенадцати (!) вариантах. Полностью приведем неопубликованный текст из архива Соломеина, как самый первый по времени. Оставляем на совести Соломеина достоверность и грамотность оригинала.

«Дяденьки, мой отец творил явную контрреволюцию, я как пионер обязан об этом сказать, мой отец не защитник интересов Октября, а всячески старается помогать кулаку сбежать, стоял за него горой, и я не как сын,

а как пионер прошу привлечь к ответственности моего отца, ибо в дальнейшем не дать повадку другим скрывать кулака и явно нарушать линию партии, и еще добавлю, что мой отец сейчас присвоит кулацкое имущество, взял койку кулака Кулуканова Арсения и у него же хотел взять стог сена, но кулак Кулуканов не дал ему сена, а сказал, пускай лучше возьмет х...».

Койку отец взял у родной сестры, на нее он хотел постелить сена. Заметьте: в речи нет ни фальшивой справки, ни взятки, ни единой улики. Для доказательства вины отца он добавляет к интересам Октября (то есть революции) кровать и сено. Потом, в книге, Соломеин, разумеется, вставит в речь фразу о справках, выданных за взятки.

С чьих слов записал Соломеин речь Павла, установить не удалось. Единственная документальная ссылка на слова мальчика имеется в деле №—374 об убийстве Павла Морозова. Это «Характеристика на убитых Морозовых Павла и Федора», подписанная работниками сельсовета. Но и она не содержит улик: «...При суде сын Павел обрисовал все подробности на своего отца, его проделки». Опубликованные в газетах, журналах и книгах речи Павла на этом суде восходят к тексту, составленному Соломеиным.

Печать сталинской эпохи рисует сцену суда с показательным цинизмом. На крик отца «Это я... Я! Твой батька!» Павлик, по словам журналиста Смирнова, заявил судье: «Да, он был моим отцом, но больше я его своим отцом не считаю». Эти слова в реальной жизни повторяли миллионы людей, проходя через допросы. Говорят, Трофим упал, услышав отречение сына. Губарев в отчете, опубликованном в «Пионерской правде», отделил чувства от убеждений: «Не как сын, а как пионер». «Пионерская правда» пошла еще дальше, назвав Трофима «бывшим отцом»: «Вспомните речь Павлика на суде своего бывшего отца-подкулачника».

Поэт Боровин в 1936 году зарифмовал один из вариантов речи Павлика на суде:

Дяденька! Отец мой, — начал Павка, —
Помогал проделкам кулака;
Помогал врагам, давал им справки,
Прикрывал их маской бедняка.
Да, теперь в колхозе всякий знает:
Он в совет пролез не зря,
И, как пионер, я заявляю:
Мой отец — предатель Октября.
Чтобы все кулацкие угрозы
Не страшили нас бы никогда,
Я отцу — предателю колхоза —
Требую сурового суда...

Приговор вынесли поздно ночью. Журналист Смирнов в «Пионерской правде» писал: «Отца осудили и сослали на десять лет». Такой же приговор указан в Бюллетене ТАСС. Соломеин в книге указал, что отец получил не ссылку, а «десять лет строгой изоляции (то есть лагерей строгого режима. — Ю.Д.) с конфискацией имущества». Однако в документах говорится только о ссылке. В 1938 году в книге о Морозове Смирнов вдруг заявил, что отца осудили лишь на 5 лет. Дело в том, что в органах юстиции тогда были обнаружены «враги народа» и объявлено, что зря пострадало слишком много трудящихся. В соответствии с политикой данного момента писатель сбавил Трофиму срок.

За что был осужден Трофим Морозов? Почему приговор за подделку документов был столь суров? Отца Павлика официальная печать описывала черной краской. Писатель Анатолий Алексин в «Литературной газете» называл Трофима тупым, корыстолюбивым, ничтожным и жалким. Художник Дмитрий Налбандян в «Комсомольской правде» писал: «Звериный облик отца Павлика». Писатель Губарев, вначале находивший в нем нечто человеческое, через несколько лет в новых изданиях приписал Трофиму новые черты. Отец стал пьянчужой, а затем и вором: он крадет в ларьке конфеты и сам ест их, а Павлик гордо отказывается от угощения. Еще позже Губарев превратил Трофима в хитрого и злобного врага.

Между тем Трофим, по герасимовским меркам, был незаурядной личностью, его до сих пор поминают добром в отличие от его первой жены, которую в деревне не любят. «Трофим не только не пил, но и не выпивал, это все ложь, — говорила нам учительница Зоя Кабина. — Высокий, с красивой шевелюрой, стройный, хотя и полноватый, он был значительным человеком». Трофим был смелым солдатом в гражданскую войну, в боях за советскую власть дважды ранен. Оставленная им жена Татьяна говорила нам: «Восемь раз Колчак ранил его, жалко, что в девятый не убил». «Грамотный, авторитетный, — вспоминает Н. И., бывшая герасимовская жительница, — его избрали председателем сельсовета не так, как сейчас выбирают — единогласно и лишь бы не меня! — а с обсуждением достоинств, с надеждой, что будет справедливым старостой».

Писалось, что несколько кулаков вытолкнули его в председатели, чтобы он укрывал их, но это неправда. Выдвигали его на собрании всей деревней, и долгое время он устраивал как народ, так и новую власть. Прежний председатель сельсовета проворовался. Учительница Кабина предложила на собрании избрать председателем Трофима Морозова. До самого ареста она была с ним в хороших отношениях и, стало быть, вряд ли могла, как писалось не раз, посоветовать его сыну донести.

Трижды переизбирался Трофим председателем, значит, крестьяне в нем не ошиблись. Благодаря уму и гибкости он умел находить среднюю линию между грубым давлением сверху и упрямым нежеланием мужиков делиться своим хлебом с большевиками. Трофим требовал оброка от односельчан, то есть выполнения поставок государству. Положение его было нелегким. Прибывавшие в деревню уполномоченные добивались от председателя сведений: сколько у кого земли, применяют ли наемный труд. Они сообщали об этом наверх, а оттуда поступали списки на раскулачивание. «Многих арестовывал он и отправлял в Тавду», — писал Соломеин в первой книге. Крестьяне тоже угрожали Трофиму, что могут донести на его отца, что тот, будучи надзирателем в тюрьмах, издевался над большевиками, и тогда, мол, Трофима снимут с должности. Донос висел в воздухе.

Вместе с тем председатель сельсовета не очень шел на откровенность с уполномоченными, сдерживал чересчур агрессивных, готовых забрать хлеб подчистую. Трофим хитрил, преуменьшал сведения о запасах хлеба, научился давать туманные обещания в расчете на то, что присланного представителя сменил другой, более покладистый. И не ошибался: менялись они часто. «Выступая на собраниях, — писал Губарев в «Комсомольской правде», — он ратовал за колхозы, а дома подсмеивался над тем, что говорил на собраниях».

Но настал момент, когда сдержанность Трофима начала раздражать присылаемых сверху уполномоченных, и его решили убрать. В приговоре суда об убийстве Павлика обстоятельства дела Трофима звучат так: «...Будучи председателем сельсовета, дружил с кулаками, укрывал их хозяйства от обложения, а по выходе из состава сельсовета способствовал бегству спецпереселенцев путем продажи документов». Выходит, что он вышел из сельсовета до ареста! Мы не знаем, убрали ли его чиновники из района, или он сам отказался сотрудничать с советской властью. В любом случае именно конфликт с властями и послужил толчком к мести: заведению на него уголовного дела.

Рассмотрим поступок, за который его осудили. Тобольская губерния, куда входила Герасимовка, была постоянным местом ссылки. Сюда попадали осужденные разных категорий, но в конце XIX и в начале XX века — в основном за экстремистскую деятельность. По количеству политических заключенных эта губерния до революции 1917 года занимала первое место в России. В 1913 году большевистская «Правда» в статье «Бедствия ссыльнопоселенцев» писала: «Вместо ссылки получается казнь. Удивительно ли, что, несмотря на грозящую за побег каторгу, большинство старается бежать с места ссылки, часто предпочитая рисковать каторгой, чем медленно умирать в тундрах Сибири». Под влиянием ссыльных местные жители проникались ненавистью к существующим порядкам и оказывали содействие их жертвам. Бежал отсюда каждый второй-третий.

Разумеется, помощь беглецам местные жители оказывали чаще всего за деньги. Бежавшие без особых трудностей попадали за границу. В 1900 году журнал «Тюремный вестник» сообщал, что сибирскую ссылку высочайшим повелением отменили, а точнее — сократили на 99 процентов как наследие прошлого (вроде пыток и телесных наказаний), вредное для края. Ссылались лишь наиболее опасные представители подпольных организаций, в частности большевики. Сталина, например, арестовывали семь раз, ссылали пять раз, бежал он из ссылки четырежды. В разгар репрессий 30-х годов, после суда над Трофимом, страна официально праздновала 30-летие первого побега Сталина из сибирской ссылки.

Сосланные Сталиным в Сибирь крестьяне рвались на родину, не понимая, за что их привезли сюда. Число ссыльных поселенцев в советское время постоянно росло: в 20-е годы сюда везли казаков с Кубани, в 30-е — украинцев, в 40-е — латышей, и все время — русских. Находились и люди, готовые им помочь. Но то, что с точки зрения большевиков было гуманно вчера, ныне, когда они захватили власть, стало преступлением. В народе такая перемена взглядов не могла произойти быстро: ссыльные для сибирских жителей оставались страдальцами.

Царское правительство сравнительно мягко наказывало тех, кто помогал ссыльным. Теперь на них обрушились репрессии даже более жестокие, чем на самих беглецов. «В спецпоселках комендатуры следили за людьми, — вспоминает учительница Кабина. — Исчезает человек — сообщают, идут с собаками. Из Герасимовки тогда тоже выслали человек двадцать, и летом сосланные бежали сюда с Севера, жили в лесу, в шалашах, им тайно носили еду». Один из лагерей ссыльнопоселенцев находился в двадцати километрах к северу от Герасимовки. Здесь от голода и болезней в болотах умирали тысячи людей, привезенных с юга России. Им терять было нечего: кто не бежал, погибал в тайге.

Теперь, при советской власти, организаций, помогающих беглецам, не осталось, но отыскивались добрые люди. Трофим Морозов не был борцом за светлые идеалы справедливости, и если он помогал голодным и умирающим вернуться домой, он рисковал сам. Если за справки беглецам он брал деньги, то есть взятки, то деньги эти были ему главным образом на пьянки с районными уполномоченными — в расчете на то, что они будут милостивей и оставят часть хлеба жителям. Одного не предвидел Трофим — сыновнего предательства. Но брал ли он взятки?

В газете «Тавдинский рабочий» после убийства Павлика писалось: «Банду во главе с Трофимом Морозовым судила выездная сессия в Герасимовке». «Арестованы были Трофим и два члена сельсовета, — вспоминает одноклассник Павла, Прокопенко. — Потом приехали неизвестные люди и посадили нового председателя». Однако, как выяснилось, все происходило не так просто и совсем не так, как писали сочинители официального мифа. Вот что рассказал нам крестьянин деревни Герасимовка Лазарь Байдаков.

«Когда ушел из председателей Трофим, оказалось, что в сельсовете справки по-прежнему выдают. Туда обратился один спецпереселенец, попросил справку. Ему дали чистый бланк, велели за ночь дойти до станции и быстрее уехать. Ну, он вышел на станцию и ищет: к кому обратиться, чтобы грамотный был да бланк заполнил. Видит, гуляет прилично одетый пассажир, ждет поезда. Он к нему. Тот согласился помочь. «Пойдем, — говорит, — ко мне на квартиру. Там у меня ручка и чернила. Все нарисуем, и поедешь». Привел его на улицу Советскую, дом 39, в районное ОГПУ. Он оперуполномоченным оказался. Сразу на допросы: где, да как, да кто. Пообещали ему: если поедет с ними в Герасимовку и еще справку достанет, отпустят. Повезли беднягу два вооруженных чекиста, дали деньги, наколотые иголкой, то есть меченые, и всех в сельсовете взяли. Оказалось, подпись Трофима они рисовали. Именно рисовали, так как сами были неграмотные».

«За сельсоветом следило ОГПУ, а не Павлик, — говорила нам учительница Кабина. — Но суд не мог доказать вины Трофима Морозова, и тогда сын заявил, что видел, как отец этим занимался. Павлик врал, так как в это время отец с ними уже не жил и мальчик не мог видеть, как тот подделывал справки. Могла знать его мать Татьяна, да и то из сплетен». Это подтверждает и крестьянка Беркина: «У Трофима улики не нашли, и он бы отвертелся. А Павлик

заявил, что отец брал взятки. Павлик не был свидетелем на суде, как пишут, — они сами с матерью пришли. И Татьяна давала на суде показания против Трофима, то есть донесла она сама. Тогда Павлик тоже показал на отца, даже судья его остановил: «Ты маленький, посиди пока».

Итак, возможно, Трофим вообще не был виновен в том, в чем его обвиняли. По меньшей мере его вина на суде не была доказана. Он уже не работал в сельсовете. Фальшивые справки выдавались за деньги теми, кто там продолжал работать. Пойманные с поличным, они под страхом наказания свалили вину на Трофима, сделав его соучастником.

Мы недооценили бы роль секретных органов, если бы предположили, что те полагались только на мальчика. Наивно думать, что за четырнадцать лет советской власти, к моменту суда, ОГПУ не завербовало в деревне взрослых доносчиков. Но донос мальчика на отца все же можно считать доказанным фактом. Сделан он был не по политическим причинам. Реальная причина доноса — жгучая ревность оставленной женщины, решившей отомстить бросившему ее мужу.

Отца Павлика отправили по этапу на Крайний Север. Герасимовцы вспоминают, что он написал письмо Татьяне и детям — не из ссылки, а из лагеря. После убийства детей Морозовых заведующий клубом, бывший по совместительству секретарем партячейки, сочинил Трофиму ответ от имени Татьяны, чтобы он как враг народа больше сюда, в Герасимовку, писем не слал: нет тут у него ни жены, ни детей. 28 ноября 1932 года газета «На смену!» сообщила, что Трофим погиб.

«Его приговорили к расстрелу после убийства Павлика, на всякий случай», -- сказал колхозник из Герасимовки, без вины отсидевший в лагерях и не назвавший своего имени. Татьяна Морозова на наш вопрос сообщила: «Я написала в Верховный Совет — узнать, что с Трофимом. Ответили, что он расстрелян. Он сам себе яму выкопал перед расстрелом». — «Откуда это известно?» — «Мне сказали».

Так или иначе Трофим Морозов исчез в лагерях.

Глава третья. ДРУГИЕ ПОДВИГИ МОРОЗОВА НА БУМАГЕ И В ЖИЗНИ

Литературные источники единодушны в том, что героический период жизни мальчика Морозова начался после доноса на отца. Желание авторов растянуть это время понятно: чем дольше герой совершает подвиги, тем выше его заслуги. В большинстве источников дата суда над Трофимом — и, следовательно, первого подвига Павла — отсутствует. Второе издание Большой советской энциклопедии указывает на 1930 год («разоблачил своего отца»).

Однако следственное дело N—374 содержит три более весомые даты начала доносительства Морозова. «В ноябре месяце 1931 года выказал своего родного отца». И даже еще точнее: «25 ноября 1931 года Морозов Павел подал заявление следственным органам о том, что его отец...» Там же героический период определяется так: «...на протяжении текущего года...», то есть только 1932 год. Учительница Кабина сказала, что суд над Трофимом был в начале 1932 года.

Наиболее авторитетной для отсчета представляется дата регистрации первого доноса — 25 ноября 1931 года. Тот, кому Павлик донес, оставался в деревне несколько дней. Затем прошло еще трое или четверо суток, пока отца арестовали. Следствие продолжалось три месяца. Трофим жил до суда в деревне еще три дня. Итак, между доносом и судом прошло не менее трех с половиной месяцев. Следовательно, суд состоялся в марте 1932 года. Выходит, героическая деятельность пионера Морозова продолжалась с марта по начало сентября — не более шести месяцев.

К суду в деревне уже знали, кто донес на Трофима. С легкой руки деда юного секретного агента прозвали «Пашка-куманист» (то есть коммунист) и кидали в него камнями. Его ругала и стыдила родня. Дедушка Сергей, с которым до этого жили одной семьей, после суда над сыном

Трофимом перестал не только помогать, но и пускать невестку и внука к себе во двор. У отца решением суда конфисковали имущество. Сделали это в старой семье, так как в новой у него ничего не было. Таков был непредвиденный результат доноса: Татьяна с детьми осталась уже совсем нищей. Она вынуждена была зарезать и сдать государству единственного теленка. Детей ей было кормить нечем. Дома стало тяжело.

Авторы с удовольствием сообщают нам подробности нового этапа жизни юного доносчика. Уполномоченного, с которым Павлик имел дело, повысили в должности, и тот уехал. Теперь Морозов целыми днями торчал в сельсовете, слушал о чем там говорят. «Каждый новый приезд работников из района, разговор с ними все больше воодушевлял Павлика Морозова», — писал Соломеин в газете «Всходы коммуны». В книге он отмечал скромность мальчика: «Павлик не понимал еще всей важности своего геройства».

Зато после успешного первого доноса мальчик ощутил себя в новом качестве. Соломеин пишет: «Наутро, по дороге в школу, Павка, проходя мимо двора Кулукановых, услышал какой-то разговор. Он притаился у ворот». Он подслушивал о чем говорят люди, собравшись кучкой, заглядывал в щели, выясняя, что происходит за заборами. «Нынче стены ушатые», — твердил соседям его дед. Дядя Кулуканов называл Павлика «первейшим соглядатаем на селе». Слово «соглядатай» употреблено в Библии. Оно означает не просто добровольного доносителя, но человека, который выполняет поручения.

Разумеется, мальчиком руководили взрослые, он оказывался пешкой в играх личных и политических. Сперва в конфликте матери с отцом, потом — деда и родных с матерью, наконец — крестьян с советской властью. Но если верить сочинениям советских авторов, он был не пассивной пешкой: он сам хотел делать ходы.

Уполномоченные в деревне что-то искали. «Павлик-активист тут как тут на страже интересов соввласти, он донес об этом», — говорил на суде Урин, представитель Уральского обкома комсомола. Павлик появлялся на обысках первым, как и полагалось наводчику. «Его глаза — как стрелы», — писал поэт Боровин. «И когда дед Паши, Сергей Морозов, укрыл кулацкое имущество, — писал корреспондент газеты «Уральский рабочий» Мор, — Паша побежал в сельсовет и разоблачил деда».

В деревне начали распространять облигации госзайма, которые никто не хотел покупать. Павел якобы пошел по избам и не уходил, пока не брали. А так как крестьяне его боялись и не хотели связываться, то подписывались на заем. После каждой успешной операции «Павлик чувствовал себя на седьмом небе», -- добавляет Соломеин в книге «Павка-коммунист». «Павлушка еще больше начинал работать», — написано в Бюллетене ТАСС.

Не зная, что писать об убитом вместе с Павликом Феде, авторы сделали и его соглядатаем. «Паш, а Паш, а я тоже не спал, — раздался шепоток Феде. — Тихо! — предупредил Павлик Федю. — Завтра поговорим». Если брат Федя помогал Павлику в работе, становится мотивированней и его убийство вместе с братом. Федор и раньше охотно доносил матери на отца — где и с кем он проводит время, и, по мнению Смирнова и Губарева, мать поощряла Федора в этих делах. Теперь Павлик использует Федора как личного осведомителя для мелких поручений. К Павлу в деревне относились с подозрением, мужики умолкали, когда он подходил, а через восьмилетнего Федора легче было узнать, где что творится. Федор исправно доносил брату, а тот дальше — властям.

Ночью, когда Кулуканов прятал хлеб, чтобы не отобрали, Павлик шмыгнул к двери, Федор с ним. Он помог определять по теням, что за люди и куда прятали хлеб. На этот раз, если довериться фантазии нескольких сочинителей, Павлик облек Федора особым доверием: донесли они вместе. Днем к Кулуканову, крестному отцу Павла, явились вооруженные люди, яму раскопали, хлеб вывезли.

В книгах читаем, что Павел выполнял государственную задачу: выявлял в деревне кулаков. Сложность состоит в том, что критериев, кого считать бедным, а кого кулаком, в те годы не было. Судя по газетам тех лет, число кулаков увеличивалось день ото дня. И чем больше Павлик доносил, тем больше доносов требовалось.

Учительницу также обязали участвовать в этой политической кампании. Дети наивнее, чем их родители, и у них можно выпытать, что происходит дома. «Районное руководство поручило через детей выяснять, кто сколько прячет хлеба», — рассказывает учительница Кабина. В Тавдинском музее хранятся воспоминания одноклассницы Павлика Морозова Анастасии Ермаковой: «Под руководством нашей любимой учительницы Зои Кабиной и Павлика мы узнавали, кто и где прячет хлеб».

Учительница получала от уполномоченного список «на выявление». Это был прикидочный список: кто, по данным, поступившим через осведомителей, а также по подозрению районного руководства, мог прятать зерно. Учительница спрашивала детей на уроках, просила выяснить и ей сообщить. Не все дети соглашались, но Павлик всегда сообщал больше других.

Юному доносчику становилось известно и многое другое, например, что Кузька Силин и Петька Саков накануне выборов выбили стекла в сельсовете, а в избе-читальне расстреливали из рогаток портреты вождей. Имеются строки, записанные со слов односельчан и учительницы, что Павлик провоцировал детей доносить на своих родителей ему.

Авторы книг о Павлике Морозове изобретали новые и новые способы доносов для своего героя. Так, Павлик якобы предложил друзьям доносить коллективно. Повесить ночью плакаты на воротах: «Здесь живет злостный зажимщик хлеба такой-то». Где вешать, указывал он сам. Заодно мальчик отмечал, зачем люди собираются, где молятся, что поют. На собрании в школе, пишет журналист Смирнов, Павлик говорил: «Мы сами знаем, наверное, все кулацкие ямки. А молчим. Как воды в рот набрали». — «А что же мы должны делать?» — спросил Яша Коваленко. «А вот хоть ямки показывать. Узнал, где хлеб зарывают, приметил — сообщай мне или прямо председателю сельсовета». Миша Книга сказал Павлу, что мать велела ему переписать «святое письмо». «Ты скажи ей, перепишу, мол, — посоветовал Павка, — а письмо это отдай мне». Это рассказывает Соломеин. Дети колебались, некоторые советовались с родителями и отказывались доносить, другие из страха соглашались. Жители деревни отвечали школьникам-доносчикам ненавистью. Их били, на них натравливали собак, гоняли палками. Позже в статьях и книгах это стало называться «разгорающейся классовой борьбой в деревне».

Павел ходил под заборами, разведывал, кто что несет, где кладет, с кем делит. Он уже, если верить Соломеину, и уполномоченным недоволен: «Приезжал какой-то Светлов, наделал перегибов и сбежал». (Светлов — имя тоже вымышленное.) Мальчик решает писать сообщения, минуя деревенского уполномоченного, прямо в район.

Его отговаривали, предупреждали. Из соседней деревни приехал дядя Иван, брат Трофима, кандидат в члены партии, пытался поговорить с Павликом: «Погубил отца, теперь хочешь погубить дядю и деда. Зачем сказал, что они рожь увезли и разделили? Зачем не держишь свой долгий язык за зубами?». Ему делали мелкие гадости: то в котелок с ухой соли насыпят, то головешкой тлеющей ткнут, то водой обольют, чтобы поугасть.

Его стали звать «красноотряпчиком», «краснодранцем», а его мать — «вшивой комиссаршей». Павлик держал в руках деревню, и, по версии Соломеина, мать его поощряла. Утром она сказала Павлу: «У Силина картошку нагрбают... На базар повезут...». Павел пошел в школу и по дороге заглянул к уполномоченной, донес на своего дядю. Уполномоченной в деревне тогда была Марина Янковская, носившая мужскую одежду, сапоги, пистолет. Она явилась к Силину с обыском. Все, что было, отобрали и вывезли на четырех подводах. А вот рукописная запись показаний очевидцев, сделанная Соломеиным: «Жена Силина сообщила по секрету Татьяне, что на возу картошка приготовлена для продажи. Как узнал Пашка, не утерпел, побежал к уполномоченному. «Тут картошку кулаки продают, а вы шляпите... Хлеб прятают... Вот мой дядя Арсюха Силин сегодня ночью...» Часов в десять к Силину пришли с обыском... Силин закричал: «Не разрешаю!..» «А мы и без разрешения поищем», — сказала молодая женщина, уполномоченная райисполкома. «Не пуцу!» — заорал Силин и стукнул ее по лицу. Она упала. Ванька Потупчик уже шарил под крышей... Через час увезли два воза пшеницы и воз кож и овчин».

Мать знала о деятельности старшего сына — в этом нет сомнения. В протоколе допроса от 11 сентября 1932 года читаем: «Мой сын Павел, что бы только ни увидел или услышал про эту кулацкую шайку, он всегда доносил в сельсовет и другие организации...» Она не только поощряла его, но и доносила сама. В приговоре суда об убийстве Павлика говорится: «О краже Кулукановым снопов Павел сказал своей матери, а последняя заявила сельсовету».

Угрозы только распалили Павлика. «Он, — гордо написано в книге поэта Боровина, — не щадил и не боялся никого». В деревне все давно перероднилось, а сверху требовали делить народ на классы, на своих и врагов. Для него этой трудности не существовало: никаких личных симпатий, все были врагами. И чем больше ненавидела его деревня, тем чаще ходил он к уполномоченному, который записывал, поощрял, принимал меры.

Павлик начал собирать информацию на тех, у кого было оружие. Охотились в деревне многие, и никогда это не запрещалось. Он узнавал не только у кого есть ружья, но и у кого они заряжены. «Паша сам проводил милиционера Титова до шатраковского дома, — писал в книге Яковлев. «Ищите на чердаке ружье или под печкой». И правда, через двадцать минут милиционер вышел на улицу с ружьем». На кого же в самом деле Морозов донес, что есть ружье, не ясно. По разным протоколам допросов — на разных лиц и даже... на группу классовых врагов с ружьями.

Герасимовцы не хотели вступать в колхоз. Старые люди говорили: кто вступит, тот лишится благословения Господня. Чтобы загнать людей в колхоз, весной в деревню приехала целая бригада. «На собрание, — рассказывали Соломеину очевидцы, — долго агитировали председатель сельсовета и особенно уполномоченный райкома. Молчали герасимовцы. Ни за, ни против». В прессе к этому присочиняется следующее: вдруг встает Павлик Морозов и начинает указывать на крестьян, у которых остался хлеб. «Уполномоченный что-то быстро записывал в карманную книжку и одобрительно улыбался», — пишет в книге журналист Смирнов. В газете «Пионерская правда» он же добавляет подробности: «А рука Павлика продолжает гулять по головам мужиков: «У тебя есть хлеб. У тебя», — как приговор, чеканит слова Павлик. Из стороны в сторону он протягивает свою маленькую, еще детскую, но твердую и мужественную руку и разоблачает всех, кто является врагом советской власти». Чувство меры явно изменяет верноподданному автору: речь-то идет все-таки о ребенке!

Павел уже открыто следит за всеми. В школу ходить перестал, некогда. В деревню приезжали из леса ссыльные кубанцы поменять оставшиеся вещи на хлеб. Если мальчик узнавал, где они остановились, сразу спешил заявить. Павлик пытался сам разыскивать бежавших ссыльных, чтобы сообщить о них. Что в этих сообщениях имеет хоть каплю истины, вряд ли удастся установить. В книге писателя Яковлева говорится: так и надо учиться коммунизму. И Павлик учился. Как говорит поэт Боровин, защищая коммунизм от врагов, «их сумел он донага раскрыть».

В речи на суде, опубликованной в газете «Тавдинский рабочий» 30 ноября 1932 года, обвинитель журналист Смирнов так сформулировал список жертв Морозова: «Павлик не щадит никого... Попался отец — Павлик выдал его. Попался дед — Павлик выдал его. Укрыл кулак Шатраков оружие — Павлик разоблачил его. Спекулировал Силин — Павлик вывел его на светлую воду. Павлика вырастила и воспитала пионерская организация». «Пионерская правда» добавила в эту речь Смирнова о Павлике заключительную мысль: «Из него рос недюжинный большевик». Весь этот абзац Соломеин переписал в свою книгу «В кулацком гнезде» без ссылки на автора.

Деревня бурлила. Семя доноительства проросло и дало плоды. Соседи указывали на соседей, спеша опередить чужие доносы. Поняв, что с мальчиком совладать невозможно и, согласно литературным версиям, кроме как на самосуд рассчитывать не на что, деревня снова возвращается к вопросу о том, как от него избавиться. Писатель Яковлев посвятил этому в книге целую главу, назвав ее «Четыре покушения».

Павла пытались утопить, он выплыл. Мать побежала жаловаться милиционеру, но тот уехал в район. По ночам им стучали в дверь, пугали. Павлик оказался не трусливого десятка.

Он ругал мать за то, что не разбудила его, когда ломились в дверь: он бы вышел и посмотрел, кто приходил. Продолжать доносить, когда уже известно, кто сие делает, и когда угрожают — не это ли, согласно советскому автору, подлинная смелость?! Двоюродный брат Данила избил его палкой. Павел донес на Данилу. Услышал, что дядя спрятал в соседней деревне ходок (то есть воз) хлеба — донес на дядю. Но вот что записано в блокноте Соломеина: «Ходок не нашли».

Донос на дядю Арсения Кулуканова, по мнению авторов, был последней каплей, переполнившей чашу терпения. Бабушка Ксения, написано в книгах о Павлике, жалела, что не утопили внука. Дед Сергей сущность вопроса сформулировал в книге Яковлева так: «В Пашке — все зло. Маленький, он такой вредный, а вырастет — он нас живьем слопают. Вона, вся советская жизнь такая, как Пашка...» Вечером накануне убийства, по словам Татьяны Морозовой, двоюродный брат Данила сказал Павлу: «Последние дни живешь». Отсюда логически проистекает убийство и вина убийц.

А теперь скажем, что реальная картина была весьма далека от сочиненной авторами, которые описывали подвиги Павлика Морозова. Вот что утверждают очевидцы. «Все это раздуто, — сказал нам одноклассник Морозова Дмитрий Прокопенко. — Павлик хулиганил, и все. Доносить — это, знаете, серьезная работа. А он был так, гнида, мелкий пакостник». Учительница Зоя Кабина в одной из наших бесед подвела итог: «Павлик донес на отца, а, в сущности, больше ничего не сделал, за колхоз он не ратовал, да и не понимал он ничего».

Двоюродный брат Павлика Иван Потупчик заявил: «Серьезно можно говорить только о донесении Павлика на отца, а все остальное было прибавлено впоследствии для красоты». Родственник матери Павлика крестьянин Лазарь Байдаков разделил эту точку зрения: «Сам-то мальчик никакой роли не играл, это просто несерьезно. Ну, а для чего это все делали, вам видней».

Заметим, однако, что от хулиганства и пакостей юного осведомителя, даже если имеется с три короба преувеличений, страдали реальные люди. Факт остается фактом: Морозов доносил, и тут советская пропаганда не лжет. Между прочим, в 1918 году Ленин, обсуждая функции ЧК, предложил «карать расстрелом за ложные доносы». Доносы Павлика были ложными, и можно считать убийство его выполнением ленинского указания. На деле ложные доносы необходимы советской власти, чтобы постоянно держать в страхе всех. Но вот что примечательно: согласно той же официальной трактовке, убит мальчик был не за доносы.

Дедушку, бабушку, брата и дядю Павлика расстреляли по печально знаменитой статье 58.8. Заглянем в Уголовный кодекс РСФСР 1927 года, который тогда действовал. Статья 58.8 наказывает за «Совершение террористических актов, направленных против представителей советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций».

Представитель советской власти — это, очевидно, лицо, которое состоит на службе в какой-нибудь советской организации и облечено хоть какими-нибудь полномочиями. На службе Павлик Морозов не состоял и никаких полномочий не мог иметь. Но следствие, суд и пресса утверждали, что он был пионером, то есть представителем революционной организации, и был убит именно за то, что он был пионером. Так ли это было? Ответ на вопрос имеет не только юридическое значение. Это — точка опоры всей концепции о герое-пионере.

Глава четвертая. БЫЛ ЛИ ОН ПИОНЕРОМ?

Когда в 20-х годах в Герасимовку приехала первая учительница, здесь была поголовная неграмотность населения. Учительница собрала группу разновозрастных учеников, и они кочевали из избы в избы — кто пустит. Потом арендовали дом, хозяин которого временно перебрался в сарай. В соседней деревне когда-то была передвижная школа. От нее остались старые парты, классная доска, к ним добавили столы и скамьи. Чернила учительница варила сама из черного березового гриба. Ученики писали на полях старых газет. Ходили они в класс в домотканной одежде, босые, а кто побогаче — в лаптях.

Павлик, как пишут, пошел в школу, когда ему исполнилось одиннадцать лет. «Вскоре, — вспоминает Татьяна Морозова, — учительница сбежала, не выдержала трудностей, и школа опять закрылась». Все буквы наш герой не успел узнать. Между тем его первая учительница Елена Позднина в неопубликованных воспоминаниях, хранящихся в Свердловском историко-революционном музее, рассказывает о политической сознательности своего ученика, о социалистических идеях, которые им овладели, и пр. В конце воспоминаний учительница добавляет просьбу к будущим редакторам исправить написанное ею в соответствии с тем, как должно быть написано, если она рассказала что-либо не то, что следовало. Позже, когда причастность к герою стала давать льготы, Позднина в анкете, в графе «профессия», написала не просто «учительница», но — «учительница Павлика Морозова». На самом деле Позднина тоже уехала, так и не выучивши нашего героя читать.

Зоя Кабина, восемнадцатилетняя и симпатичная, последняя учительница Морозова, окончив восьмимесячные курсы, приехала в деревню. Она тоже ужаснулась месту, куда попала. Сначала хотела бежать, но задержалась на четверть века. Вместо зарплаты давали ей один пуд пять фунтов муки в месяц и больше ничего. Надо было часть продать, чтобы платить за постой, 10 рублей в месяц, и за питание вместе с хозяевами. «Павлик в школу до меня не ходил, — заявила нам Кабина. — Грамоте он выучился, когда я осенью 31-го года приехала в Герасимовку». Выходит, Морозов пошел в школу тринадцати лет.

Что же это была за школа? «Кабина была одна учительница на шесть деревень, — вспоминает мать Павлика. — Дети к ней ходили просто так, посидеть, кто хотел». «В школе, — подтверждает Кабина, — числилось на бумаге 36 человек. Сегодня придет двенадцать, завтра пять, а то и никого нету. Родители были настроены против школы, я ходила по домам, уговаривала. После устала: школа (дом, отобранный у выселенного крестьянина) не отремонтирована, в стенах щели, крыша валится, двери не закрываются, ни столов, ни скамеек, все поломано. Шла коллективизация, а крестьяне ее не принимали. Они приехали сюда свободно жить, и вот — советская власть...»

Добавим от себя, что власти рассматривали школу как инструмент пропаганды, и крестьяне это видели. Положение восемнадцатилетней учительницы было трудное. Старшие ученики, ее ровесники, приставали к ней, грозили. У Соломеина в записях показаний очевидцев указано: «Яша Юдов бил учительницу Зою Кабину пьяный. Ругался. Разве это школа?».

«В 1931 году мы с Павликом ходили в школу, а потом больше не учились, — вспоминает крестьянин Прокопенко. — Учиться негде было, и надо работать в поле и по хозяйству». Учительница в деревне была, но она занималась вовсе не учебными делами. В газете читаем: «Герасимовская школа по-боевому борется за сев, о чем сообщает ударник печати Кабина». Ударниками печати тогда называли тех, кто сообщал в газету какие-либо новости. Иногда учительница собирала детей и читала им вслух. Школьная библиотека состояла из тринадцати книг, включая буквари, как вспоминает она сама.

Уровень образования Павлика Морозова был не выше первого класса тогдашней начальной школы: он умел читать по складам, переписывать слова, складывать и вычитать на пальцах. Мог ли он при таком уровне образования разбираться в политике? Предположим, что Павлик разбирался. В какой же организации советской власти мальчик состоял? Для этого необходимы решение о приеме или хотя бы факт принятия в пионерскую ячейку, дата и место приема или список, в который данное лицо внесено, и — наличие в деревне самой ячейки.

Председатель ЦК детской коммунистической организации Золотухин назвал Павлика Морозова в Бюллетене ТАСС «большевиком». «Павлик не состоял в рядах коммунистической партии большевиков, — писал журналист Смирнов в статье «Облик юного ленинца». — И все-таки почетное звание коммуниста он носил заслуженно». Кем было дано ему это звание? Или имеется в виду кличка «Куманист»? Так или иначе членом партии он не был. Не был он и комсомольцем. Хотя журналист Гусев и сказал в книге «Юные пионеры», что Павлик — «воспитанник ленинского комсомола», на самом деле в Герасимовке комсомольцев не значилось, свидетельствует Соломеин.

Для приобщения детей к партийной идеологии в июле 1931 года, за 14 месяцев до смерти Павла, в Москве было введено «Положение о Детской коммунистической организации юных пионеров». По возрасту Павлик подходил для приема в пионеры. По социальному положению (принимались только дети рабочих, колхозников и крестьян-бедняков) — тоже. Положение требовало выполнить ряд бюрократических формальностей. Принимать нового пионера следовало на сборе звена с утверждением на общем сборе отряда. После этого давался месяц испытательного срока, чтобы проверить, выполняет ли юный кандидат законы пионерской организации. Только тогда ребенку разрешалось дать торжественное обещание в верности идеалам партии. Обряд принятия клятвы должен был происходить в присутствии членов партии, принимавших клятву. Только после этого новобранец становился пионером и получал право носить красную косынку в виде галстука и единый значок пионеров СССР.

Журналист Соломеин писал в книге «Павка-коммунист», что осенью 1931 года, когда Павлик пошел в школу, в ней не было ни одного пионера и что пионерский отряд возник лишь 20 октября 1931 года. Первый сбор с принятием в пионеры провела, по словам Соломеина, учительница Кабина. Позже журнал «Пионер» уточнял, что в тот день Павлик «давал торжественное обещание быть верным делу Ленина-Сталина». Однако в записях Соломеина написано другое: Кабина сказала ему, что пионеротряд организовался не в октябре, а в ноябре. Мелочь, конечно, но для чего Соломеин сам придумал твердую дату?

Это оказывается еще более нелепым, если обратиться к источникам. Ведь еще в 1932 году, после убийства детей, сами местные органы Тавды объявили в районной газете, что Павлик Морозов в Герасимовке в пионеры не вступал. В номере «Тавдинского рабочего» от 30 ноября 1932 года прямо сказано: Павел стал пионером вне Герасимовки. В приговоре суда написано: «Вступив за время пребывания в районной школе в пионерский отряд, Павлик Морозов быстро понял... По возвращению в деревню Павел Морозов как пионер со свойственной ему энергичностью воспринятое в отряде начал проводить в жизнь».

Из отчета корреспондента газеты «На смену!» Антонова тоже следует, что Павел записывался в отряд в Тавде. Что это за «районная школа» и «отряд в Тавде», не уточнялось. Но властям тогда нужно было как-то объяснить превращение мальчика в пионера. Это же сообщил и одноклассник Морозова Прокопенко: «Нам объяснили, что Павлик вступил в пионеры в районе. Его, дескать, вызвали в райком комсомола и там оформили, а у нас-то ни о каких пионерах слухом не слыхали».

Спросили мы об этом учительницу. «Ни в какой район он не ездил, -- рассказала Кабина. — Он ездил в лес за дровами, пахал, убирал навоз. Его самого тоже заставляли сдавать хлеб. О пионерах и речи не было. Ничего я Соломеину о приеме в пионеры не могла рассказать». Впрочем, и сам Соломеин в своем первом сообщении для газеты писал из Герасимовки: «Ни райком, ни райбюро детской коммунистической организации не знали Павлика». Статья эта между тем называется «Двенадцатилетний коммунист». Выходит, ни в Герасимовке, ни в Тавде не принимали героя в пионеры.

«Я вам правду скажу, — заявила, улыбаясь, одноклассница Павлика Матрена Королькова, — насчет того, что он был пионером, — все это, знаете, им хотелось, чтобы существовало. Но пока он не погиб, никаких пионеров и никакого пионерского отряда у нас не было». Это заявление тем более весомо, что сама Королькова и стала первым председателем пионерского отряда, созданного приезжими уполномоченными райкома и обкома комсомола. Но это было уже после смерти Морозова. Так же объяснила нам ситуацию учительница Елена Позднина: «Нет, Павлик Морозов пионером не был, но вы ведь и сами понимаете: надо, чтобы был».

Мы понимаем: кому-то действительно надо было, чтобы пионерский отряд в деревне Герасимовка существовал. Какой отряд? Сколько в нем пионеров? Наиболее фантастическую цифру мы нашли у писателя Александра Ржешевского: в отряде у Павлика было 150 пионеров. «...Вылетели из школы триста человек чудесных ребят, половина из которых была в пионерских галстуках». Соломеин сообщил в 1932 году: «Зоя Кабина организовала... не отряд, а небольшую

группу ребят». Незадолго до смерти Соломеин написал в своей последней книжке, что четырнадцать учеников решили стать пионерами. Губарев назвал статью о пионерах Герасимовки «Один из одиннадцати». Издание Герасимовского музея называет шесть членов отряда. Сразу после убийства Павлика газеты писали о двух пионерах-братьях, Павле и Федоре. Федя, как вскоре выяснилось, маленький ребенок. «Федя не был пионером, я ему крест поставила, — сказала Татьяна Морозова журналисту через два месяца после похорон. — А Паша не верил в Бога — ему красная звезда». Но и никакой звезды не было. На кресте повесили доску с надписью, продиктованной неграмотной матерью:

1932 ГОДА 3 СЕНТЯБРЯ ПОГИБЛИ ОТ ЗЛОВА ЧЕЛОВЕКА ОТ ОСТРОВА НОЖА ДВА БРАТА
МОРОЗОВЫ ПАВЕЛ ТРОФИМОВИЧ РОЖД. 1918 ГОДУ И ФЕДОР ТРОФИМОВИЧ.

Итак, пионерский отряд состоял из одного Павлика, причем сам он пионером не был. Теперь, зная факты, во втором издании Большой советской энциклопедии читаем: «Когда в школе была создана пионерская организация, Морозов был избран председателем отряда». В третьем издании БСЭ заслуга Морозова еще более расширяется: «Был организатором и председателем первого пионерского отряда...» Отряда, который не существовал. Позже его сделали пионервожатым.

То, что делали многие советские учреждения, после смерти Морозова стало приписываться ему одному. Уже не райком, а Павлик давал распоряжение учительнице об организации пионерского отряда. Мальчик-коммунист сочинял тексты партийных лозунгов, заменяя отдел пропаганды райкома, вдохновенно рассказывал односельчанам, что в светлом будущем в деревне будут электричество, тракторы, стеклянные дома. Юный пионер участвовал даже в ликвидации неграмотности. Как вспоминает учительница Позднина, однажды он попросил у нее букварь, чтобы научить читать и писать собственную мать. О результатах учения мы могли судить по тому, что пятьдесят лет спустя вместо подписи под машинописным текстом наших бесед, записанных на магнитофон, мать Павлика ставила крест.

Для чего все-таки мальчика превратили в пионера после его смерти? Несмотря на призывы сверху вовлекать детей в коммунизм, пионерское движение (скопированное с бойскаутизма, юнгштурма и отрядов Спартака) развивалось в стране медленно. «Списки есть, а где же пионеры?» — задавала вопрос газета «Пионерская правда». Секретарь Центрального Комитета партии Станислав Косиор в отчете ЦК XV съезду партии отмечал: «Было большое количество выходов из пионерорганизаций, расползание отдельных организаций, отрядов и т. д.». Расчет на энтузиазм и добровольность не оправдался. Во многих местах не могли составить даже списки пионеров для отчета. В 1928 году в религиозных сектантских организациях было два миллиона юношей и девушек. В пионеры столько детей завербовать не могли. Увеличение числа юных ленинцев наступило лишь тогда, когда в школах ввели вожатых на зарплате, которых назначали комсомольские органы.

После убийства детей Морозовых газеты сразу заявили, что братья — пионеры. Когда выяснилось, что это не так, была дана команда вниз исправить недоработку. Малыш Федя не годился совсем, а Павлика срочно произвели в таковые, хотя сам он этого узнать уже не мог.

Позже печать стала предпочитать общие формулировки, вроде такой: «Павлика вырастила и воспитала наша советская действительность». И даже мистику: «Мальчик стал вожакom советской пионерии после смерти». Но тогда вовлечение детей в пионеры происходило главным образом в городах, деревня продолжала упорствовать, и «пионер» Морозов помогал партии сдвинуть «пионеризацию» с мертвой точки. Впрочем, и тогда властям понадобились не мертвые души, а реальные носители идеологии. «Вскоре после смерти Павлика появился первый пионервожатый на зарплате, которого прислали из обкома, — вспоминает одноклассница Морозова Королькова. — Тут уж стали вербовать в пионеры».

В газете «Тавдинский рабочий» через месяц, 6 октября, появилась заметка: в ответ на убийство Морозова бригада прибывших уполномоченных организовала в Герасимовском

сельсовете пионерский отряд, записав в него десять человек. Отчего, однако, отряд при сельсовете, а не в школе? Почему утром 3 сентября, в день убийства, пионер Павлик Морозов оказался в лесу, а не за школьной партой? Ведь начался учебный год. Да потому, что реальной школы, что бы ни говорили герасимовские учителя, тоже не было, числилась она в инстанциях на бумаге, как и пионерский отряд.

Советские газеты и спустя полвека продолжали утверждать, что Павлик Морозов был пионером. Говоря о гипсовом бюсте героя в деревенском музее, «Комсомольская правда» писала: «...никто не знает, где сейчас галстук самого Павлика, но всем кажется, что именно этот галстук повязан на нем». И так, «никто не знает», но — «всем кажется». В архиве журналиста Соломеина находим признание, наиболее откровенно определяющее истину: «А если придерживаться исторической правды, то Павлик Морозов не только никогда не носил, но и никогда не видал пионерского галстука».

Но тогда, превратив мальчика в пионера, а затем в пионерского лидера, представителя революционной организации юных ленинцев, власти объявили, что его убийцы являются террористами. Суд над ними становился политическим процессом против врагов партии и социализма.

Глава пятая. СЕМЬЯ В КАЧЕСТВЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Сколько ни писали газеты, что в Сибири состоялся процесс над кулачеством в целом, над террористической кулацкой организацией, к смерти приговорили дедушку, бабушку, их внука и зятя, а жертвами были два других внука. Большинство свидетелей было из той же семьи.

Павлик Морозов не был пионером, а его предки, все старшие члены семьи Морозовых, были. Не в политическом значении слова «пионер», означающем детский филиал партии для взрослых, но пионерами в исконном смысле, освоителями новой земли, готовыми идти на лишения ради лучшей жизни для себя и своих детей. И Морозовы доказали это, рискнув двинуться из Белоруссии в далекую Сибирь и пустив там корни, как им казалось, навсегда. Нет нужды идеализировать отношения Морозовых. Интересно, однако, проследить, как внешние обстоятельства отразились на их семье.

Социальная модель «сын против отца» возникла не случайно. Властям была выгодна, более того, необходима такая практика. После пятнадцати лет революции семья все еще сопротивлялась политическим требованиям большевиков, отстаивала себя, особенно семья деревенская. Сын-доносчик подрывал семью изнутри. Его пример помогал властям запугивать тех, кто прятал хлеб и был уверен, что родня, дети не выдадут. Семья должна была стать ячейкой государства, подчиненной его целям и контролю. Уничтожение собственности и разрушение семьи стало единым процессом сталинской эпохи. Суд в Тавде был лишь эпизодом этой общенациональной трагедии.

Членов семьи, которую судили, называли «кулаками». Но они никогда кулаками не были. Мотив преступления, выдвинутый следствием («классовая месть кулаков»), не имел отношения к обвиняемым, поскольку четверо из них были крестьянами-бедняками, а пятый середняком. «Да какие, между нами говоря, кулаки? — сказал нам ответственный работник Тавдинского горисполкома, годящийся Павлику Морозову в сыновья. — Не секрет ведь, что кулаки — это просто трудолюбивые крестьяне. У них и хлеба было больше. А раз больше, надо отобрать». Стало быть, теперь это не секрет. Кулаков не было, но, согласно указанию сверху, их следовало обнаружить и с ними бороться. Хлеб был нужнее людей, и людей уничтожали, чтобы получить хлеб. Приговор суда в Тавде в какой-то мере объясняет действительные причины репрессий, связанных с коллективизацией.

Индустриализация страны и рост армии требовали увеличения людских ресурсов и хлеба. Того и другого не хватало. В стране копилось массовое недовольство. В секретном докладе члена Политбюро и тогдашнего теоретика партии Бухарина говорилось, что коллективизация

потерпела неудачу, что колхозы разваливаются, что деревни голодают, и в стране настало великое оскудение. Пахло катастрофой, в которой обвиняли Сталина. Ему и его сторонникам, чтобы удержаться у власти, предстояло безотлагательно решить четыре государственные задачи: во-первых, найти дешевую, а лучше бесплатную рабочую силу; во-вторых, любым путем достать хлеб; в-третьих, подавить недовольство. И, наконец, найти, на кого свалить вину за нищету и голод.

По законам тех лет крестьянин мог продавать или не продавать излишки хлеба государству. Цены на хлеб, навязанные властями, были низкими. Крестьяне не желали отдавать хлеб за бесценок. Тогда власти, в противоречии со своими же законами, приняли постановление, по которому, в случае отказа крестьян продавать, хлеб отбирался силой. Какому крестьянину до большевиков пришлось бы в голову закапывать в землю хлеб? Начиная с 1928 года, за отказ отдавать хлеб в судах стали применять статью 107 Уголовного кодекса: конфискация имущества за спекуляцию. Член Политбюро Серго Орджоникидзе на XV съезде партии говорил, что придется потянуть в суд около 15 процентов населения. Он потребовал «скорости производства судебных процессов».

В Кремле считали, что коллективизация спасет от продовольственного кризиса. Оказалось, наоборот. Тяжелейший продовольственный кризис явился результатом насильственной коллективизации. Виновных нашел Сталин. Глава партии объяснил голод наступившей в стране плохой погодой, но главная причина — «сопротивление кулацких и зажиточных элементов деревни». Хлеб, по выражению Сталина, «приходится брать в порядке организованного давления». Сталин в речи «О правом уклоне в ВКП/б/» требовал «ликвидировать психологию самотека». Не людей — это звучало бы грубо, — а лишь психологию. На эвфемистическом языке тех лет советская власть, как писалось в «Истории ВКП/б/» в 1938 году, «сняла запрет с раскулачивания», или, еще более образно, развязала «творчество самих колхозников», которые «требовали от Советской власти ареста и выселения кулаков».

Что же реально представлял собой кулак? Это был, как правило, физически здоровый и предприимчивый крестьянин, с которым вместе работали несколько взрослых сыновей. Если глава семьи видел, что с уборкой урожая не справиться, он нанимал другого крестьянина, кормил, поил его и платил, как правило, хлебом. Кулак мог быть жадным, но не мог быть ленивым, мог быть хитрым, но не мог быть жуликом. В кулаках была сила деревни, ее богатство, инициатива, сытость всей России, возможность продавать излишки хлеба за границу. Ликвидировать кулака — значило то же самое, что ликвидировать американского фермера. Кто бы кормил сегодня Америку и еще полмира?

Большевики призывали уничтожить кулачество как класс, но классом кулаки не были — классом было крестьянство, владевшее мелкой собственностью, которую партия пока не смогла прибрать к рукам.

Еще Ленин заявил, что крестьянин есть «мелкобуржуазная стихия», и поэтому он представляет для диктатуры пролетариата опасность, «во много раз превышающую всех Деникиных, Колчаков и Юденичей, сложенных вместе». Разжигая ненависть, Ленин лгал: «Кулак бешено ненавидит Советскую власть и готов передуть, перерезать сотни тысяч рабочих». Ленин запугивал: с теми, кто не поймет разницы между крестьянином и кулаком, «мы будем обращаться, как с белогвардейцами». Брань Ленина по адресу кулаков мы цитировать не будем. Такая теоретическая база Сталина вполне устраивала.

Вся мощь репрессивного аппарата СССР обрушилась на кулака. В 1919 году 30 тысяч партийных работников отправились на фронт гражданской войны, десять лет спустя столько же вооруженных горожан отправились проводить коллективизацию в деревне. Шла, по сути дела, вторая гражданская война, в разгар которой возникло дело Павлика Морозова.

Весной 1932 года 17-я конференция партии сформулировала основную политическую задачу до 1937 года. Это «окончательная ликвидация капиталистических элементов и полное уничтожение причин, порождающих эксплуатацию». Этими «элементами» и «причинами» были

люди. Любопытно, что в литературе о массовых репрессиях 30-х годов не упоминается факт, что репрессии планировались заранее, как одна из основных задач второй пятилетки, как производство угля и металла. Год 1937-й был завершающим, ударным годом пятилетки и в области репрессий. Это был, в сущности, государственный план грабежа и убийств собственных граждан. И о выполнении его рапортовали наверх.

С одной стороны, коллективизация проводилась добровольно, с другой — под страхом наказания и к определенному сроку. Двойная жизнь страны, которая начала складываться сразу после революции, теперь действовала на полную мощь. Внешний слой — законность, конституция, публикуемые постановления; внутренний слой жизни — секретные и служебные инструкции, противоречащие законам, отражающие реальность и произвол коммунистической диктатуры. Тень уполномоченного по хлебозаготовкам стала злобещей: ее появление возле любого деревенского дома означало, что ночью придут с обыском, увезут хлеб и уведут кормильца.

Чтобы оправдать уничтожение миллионов крестьян, в 70-х годах в учебниках по истории СССР появилось утверждение, что кулаки Сибири были связаны не только с внутренней оппозицией, но и с зарубежными контрреволюционными центрами и иностранными разведками. Это тем более забавно читать, зная, каков был культурный уровень в сибирской деревне Герасимовке.

«Кулачество в районах сплошной коллективизации было ликвидировано, — сообщает «История КПСС» 60-х годов. — Кулаки, противодействовавшие коллективизации, выселялись с мест постоянного жительства. С начала 1930 года по осень 1932 года из районов сплошной коллективизации было выселено 240 757 кулацких семей».

Попробуем оценить разгул гуманизма советской власти. Крестьянские семьи (хозяйства) в России были многодетными: 4-8 и более детей. Средняя семья, таким образом, состояла из двух стариков, шести их взрослых детей с мужьями и женами, плюс по четыре ребенка у каждой пары, то есть всего 38 человек. При таком прочтении масштаб репрессий достигает девяти миллионов. Там же говорится: «Советская власть сделала все необходимое по устройству бывших кулаков на новых местах жительства, создала им нормальные условия жизни. Основная масса кулаков-выселенцев была занята в лесной, строительной и горнорудной промышленности, а также в колхозах Западной Сибири и Казахстана. Партия и Советская власть перевоспитывали кулаков, помогали им стать полноправными гражданами и активными тружениками социалистического общества».

Текст понятен и без комментариев. Лишь одно замечание: здесь говорится о ссылке кулаков, но не сообщается, сколько кулаков погибло в ссылке, сколько было отправлено в тюрьмы и лагеря, сколько расстреляно, наконец, сколько арестовано середняков и бедных, именовавшихся «подкулачниками». Разные несоветские источники сообщают разные цифры. Не углубляясь в дискуссию, отметим, что вместе с умершими от голода, репрессированными, убитыми и погибшими в тюрьмах, на этапах и в лагерях кампания коллективизации стоила России, по мнению исследователей, от 6 до 22 миллионов жизней. В обысках, конфискации имущества, арестах, выселении, расстрелах участвовали десятки тысяч партийных работников и уполномоченных ОГПУ, милиция, внутренние войска, армия. Ложь пронизывала отчетность сверху донизу, и тщательно скрывалась информация о том, что происходило.

В колхозе крестьянин становился рабом, подчиненным местной партийной бюрократии, а та — городской. По существу, это был возврат к крепостному праву.

Реакцией голодающих рабов было грандиозное по масштабам воровство. «Начались хищения колхозного хлеба, — писала «Пионерская правда» в январе 1933 года. — Таскали килограммами, ведерками, таскали в карманах, голенищах сапог, таскали в мешках». Власти отбирали у крестьян, крестьяне пытались вернуть назад часть своего.

Советский учебник «История государства и права» называет советское законодательство «высшим типом права». По этому праву изъятие хлеба осуществлялось в 30-е годы только на основе административных указаний. Постановления, за невыполнение которых полагалось

уголовное наказание, создавались самими карательными органами. Закон от 7 августа 1932 года (за месяц до убийства Павла и Федора) приравнял коллективное имущество к государственной собственности, объявив его «священным». Сделав личную собственность крестьянина второстепенной, он за кражу государственной карал, как за тягчайшее преступление. Согласно «высшему типу права», огурец, сорванный прохожим с колхозной грядки, становился формой классовой борьбы против социализма. Этот же закон приравнял высказывание против колхоза к государственному преступлению.

Крестьян, особенно неимущих, власти старались сделать заинтересованными в раскулачивании. Донесение на соседа-кулака, скрывшего излишки хлеба, давало доносчику по закону 25 процентов конфискованного имущества. Теоретически и остальное имущество арестованного, то есть лошадь, корова, плуг и пр., тоже, так сказать, переходило крестьянину-донсчику в том случае, если он вступал в колхоз: собственность осужденных становилась общей. Крестьянам предлагался более легкий путь обогащения, нежели работать самим: донос. Трагикомизм ситуации заключался в том, что после четырех доносов бедняк, получив 100 процентов кулацкого имущества, становился кулаком и — отправлялся следом за своими жертвами в лагерь.

Политические процессы, подобные герасимовскому, разжигали массовые репрессии, а репрессии обеспечивали Сталину достижение всех четырех целей: миллионы арестованных крестьян становились почти даровой рабочей силой (на эвфемистическом языке третьего издания БСЭ — коллективизация помогла «ликвидировать аграрное перенаселение»), отобранный хлеб шел для армии и в города, массовое сопротивление ликвидировалось, а оппозиция внутри партии обвинялась в противодействии этому процессу, и возникла возможность ее уничтожить. Это было поистине мудрое решение Сталина.

В советской прессе никогда не писалось о том, что среди показательных процессов 30-х годов — над партийной оппозицией, инженерами, крупными военными и другими категориями людей — был особый показательный процесс над кулаками. Историческая беспримерность этого суда состояла не только в том, что целая семья была выдана за политическую организацию террористов, но и в том, что главным объектом политической игры стали дети. Именно для показательного процесса нужен был Павлик Морозов, не персонально, а как модель.

Первый эксперимент по предательству родителей детьми был осуществлен за четыре года до Морозова (Шахтинское дело). Среди пятидесяти трех обвиняемых по делу о контрреволюционной организации инженеров были братья Колодубы. Неожиданно суд вдруг занялся выяснением личных отношений одного из подсудимых с сыном. Подсудимый, не подозревая ловушки, заявил, что сын его — комсомолец, ушел из дому, так как ему удобнее жить на руднике. А отношения с сыном вполне нормальные. Отец находился в тюрьме и не знал, что в газете под заголовком «Сын Андрея Колодуба требует сурового наказания для отца-вредителя» было опубликовано следующее письмо.

«Являясь сыном одного из заговорщиков, Андрея Колодуба, и в то же время будучи комсомольцем, активным участником строительства социализма в нашей стране, я не могу спокойно отнестись к предательской деятельности моего отца и других преступников, сознательно ломавших то, что создано энергией и кропотливым трудом рабочих масс. Зная отца как матерого врага и ненавистника рабочих, присоединяю свой голос к требованию всех трудящихся жестоко наказать контрреволюционеров. Не имея семейной связи с Колодубами уже около двух лет и считая позорным носить дальше фамилию Колодуба, я меняю ее на фамилию Шахтин. Рабочий шахты «Пролетарская диктатура» Кирилл Колодуб».

Семья мешала партии. В печати тех лет появились статьи о необходимости при новом строе отделить детей от родителей. Методическое пособие для учителей «Детский сельскохозяйственный труд» рекомендовало для разрушения индивидуальной семьи добиваться, чтобы все дети до четырнадцати лет содержались за счет сельскохозяйственных коммун, а не отдельных семейств. Реализовать эту педагогическую теорию не удалось из-за отсутствия средств.

События в семье Морозовых — типичный пример того, что происходило в стране. В семье было свыше двух десятков рук, которые делали хлеб. Этим рукам не стало. Рак доносительства дал метастазы в других семьях. Количество погибших и пострадавших от действий одного мальчика измерялось двухзначным числом, а общая статистика жертв доносов — миллионными.

Обычно после доноса заводилось дело на одного человека в семье — отца или деда. Все остальные члены семьи также подвергались преследованию. Печальная ирония состояла в том, что, донеся на отца, герой-пионер по стандартам тех лет сам становился сыном врага народа и тоже должен был стать жертвой преследования. Вокруг Герасимовки, кстати сказать, было множество специальных учреждений для детей, лишенных родителей.

Упомянутое выше Шахтинское дело наложило отпечаток на последующие процессы, в том числе на дело герасимовских крестьян. Такие дела планировались заранее, когда жертвы и участники понятия не имели о своей предстоящей участи. Процесс по делу Павлика готовился скрытно Секретно-политическим отделом (СПО). В 1932 году произошло укрепление и расширение ОГПУ, и милиция была передана в подчинение секретной полиции. Паутина СПО, специально предназначенных для сыска и уничтожения врагов народа, покрыла всю страну.

Показательные суды начала 30-х годов были не только массовыми зрелищами, но и массовыми по числу обвиняемых. Перед процессом уполномоченные СПО искали не преступника, а подходящее лицо, которое будет убийцей или вредителем. Затем с помощью доносов подбиралась «банда»: идейный руководитель, он же вдохновитель, лица, подговаривающие совершить злодеяние, исполнитель, а также те, кто не донес о нем. Сперва арестовывали большую группу подозреваемых, затем начиналась обработка и отбор тех, кого можно сломать, заставить доносить на остальных. Лишних арестованных обычно потом выпускали, показывая объективность суда, а затем использовали в других процессах. Как правило, каждое дело служило основой для последующих обвинений других людей.

Дети в таких процессах свидетельствовали против собственной семьи. И если в Шахтинском процессе подросток проходил как бы на заднем плане, то в деле семьи Морозовых дети — и живые, и мертвые — впервые стали главными обвинителями. По идее властей новое поколение должно было уничтожить старое.

Коллективизацию на Урале и в Сибири приказано было закончить к осени 1932 года, но это не удавалось. Москва обвиняла местное руководство, центральные газеты писали о притуплении большевистской бдительности, о правых и левых уклонах, о происках троцкистов. Хотя сторонники Троцкого на Урале были уже уничтожены, а с кулаками велась борьба, здесь до 1932 года не раскрывали сколько-нибудь значительных контрреволюционных заговоров или ответвлений центральных террористических организаций. Между тем властям такой заговор был совершенно необходим.

Ивану Кабакову было 38 лет, когда его сделали первым секретарем Уральского обкома, заменив Шверника, который недостаточно решительно расправлялся с оппозицией и кулаками. Культурный уровень обоих был примерно одинаков (у Шверника — образование четыре класса, Кабаков — слесарь низкой квалификации).

Став хозяином области, Кабаков принялся, по его собственному выражению, «убивать троцкизм». Начались массовые аресты в городах. На очередном съезде партии в Москве Кабаков, отчитываясь об успехах в разгроме троцкистов, назвал ликвидацию кулачества центральным вопросом политики партии. Обком обещал Москве коллективизировать 80 процентов крестьян Урала. Вскоре рапортовали, что почти все выполнено (70,5 процента). И вдруг при проверке оказалось, что этот процент — всего 28,7. Явный обман в те годы мог иметь вполне определенные последствия.

Чтобы исправиться, совместно с председателем облисполкома Ошвинцевым и начальником полномочного представительства ОГПУ по Уралу Решетовым Кабаков начал штурм деревни. В короткий срок (в течение двух месяцев) здесь было раскулачено, отдано под суд, сослано и расстреляно 30 тысяч семей (число пострадавших, включая женщин, стариков и

детей, достигло сотен тысяч). Девятый вал этого террора настиг затерянную в глуши Герасимовку. Урал, твердил Кабаков, работает под непосредственным руководством товарища Сталина. В апреле 1932 года из столицы Урала Свердловска в районы рассылались инструкции по осуществлению полной ликвидации капиталистических элементов, что позволит дать бурно развивающейся промышленности Урала новые мощные кадры рабсилы для создания второй оборонной базы на востоке СССР. Инструкция цитировала Кабакова: «Выкорчевать сопротивление внутри колхоза».

На местах, однако, практика не подтверждала теорию.

Кулаков не хватало, и СПО для выполнения плана производили аресты подкулачников. Сам термин «подкулачник» обозначал бедного крестьянина, который должен любить советскую власть и стремиться в колхоз, но «подкулачник», вопреки теории, этого не делал. Преследуя «подкулачников», власти очищали деревню не от кулаков, а от недовольных. В газетах тех лет писали: «Подкулачники и предатели Советской власти до хрипоты орут, разбрызгивая слюной...». Газета «Уральский рабочий» повторяла: повсеместно расстреливать кулаков и подкулачников. Газета «Тавдинский рабочий» призывала очистить деревню от изменников, предателей, саботажников, лодырей и просто неясных людей.

«ОГПУ искало в деревне слабые места, — вспоминал крестьянин Байдаков. — Уполномоченные гуляли по платформе станции Тавда в штатской одежде под видом пассажиров и вылавливали подозрительных. Крестьянин подошел к поезду, а его хват за рукав. Предложили пройти, толкнули в темную комнату и заперли. Подержали там для страха и стали его, вконец испуганного, допрашивать, кто что говорит про Советскую власть. Ну, он и лил на всех, лишь бы отвязаться». Секретная полиция настолько основательно занималась коллективизацией, что даже планы посевов печатались в типографии ОГПУ.

Напряженность в Уральском обкоме и ОГПУ резко обострилась, когда Сталин отправил в провинцию личных представителей наказывать местное руководство за то, что оно действовало недостаточно энергично. В обкоме уже знали, что на Кавказе и на Кубани глава Центральной контрольной комиссии Каганович сразу исключил из партии около половины партийных кадров и осуществил массовые репрессии в деревнях. То же проделал председатель Совнаркома Молотов в Украине.

Страх перед эмиссарами из Москвы заставил местные власти готовиться к прибытию такого представителя на Урал. Этот эмиссар вскоре приехал. Им был инспектор Рабкрин (Рабоче-крестьянской инспекции) Михаил Суслов. После смерти Сталина Суслов дослужился до должности главного идеолога партии и был им долгие годы. А тогда скромный инспектор, имея особые полномочия, обвинил местные кадры в бездеятельности и начал чистку. Суслов потребовал немедленной организации показательного политического процесса, и такой процесс, как мы уже знаем, вскоре состоялся.

В глуши, далеко от столиц, суд возвестил на весь мир, что советская власть победила везде. Террористы-кулаки подтвердили мысль Сталина об усилении при социализме классовой борьбы. Показательный суд ускорил выполнение плана хлебозаготовок, который на Урале срывался, стал отправной точкой для других политических процессов и просто массовых арестов без суда, чтобы дать в центр страны хлеб, а в Сибирь — заключенных, дешевую рабочую силу.

Убийство детей Морозовых помогло обвинить всех тех, от кого власти хотели очистить деревню. Убийство было выгодно властям. Вина и невиновность подсудимых не интересовали ни следствие, ни суд. Но кто же в действительности убил Павлика и Федю Морозовых?

Глава шестая. ПОСМЕРТНАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ НЕВИНОВНЫХ

Хотя арестованных по делу об убийстве братьев Морозовых было десять, нам приходится проверять причастность к убийству и других лиц.

В печати встречались утверждения, что убийцей Павлика был его отец Трофим Морозов. Писатель Виктор Шкловский в книге, выпущенной в 1973 году, утверждал, что Павел «выступил

против своего отца и был им убит». Версия «отец — убийца сына» появлялась в печати не раз. Мог ли отец это сделать?

Трофим Морозов во время убийства находился в заключении на Крайнем Севере. Он мог бежать, если был к тому времени жив. Те, кто говорят, что Трофим написал письмо жене и детям, утверждают, что он вообще не знал об убийстве. Если он бежал, невероятно, чтобы он пошел на убийство своих собственных детей. Авторы, обвинявшие отца, как мы выяснили, на месте не были и дела не знали. Версия эта носит, скорее всего, литературный характер (Сатурн, пожирающий своих детей, Авраам, собирающийся принести в жертву Исаака, герой Николая Гоголя Тарас Бульба, убивающий сына за предательство, и т. д.). К тому же Шкловский нам сказал, что прочитал об отце-убийце в сценарии кино.

Может быть, Павлик был убит собственной матерью? Такое подозрение — не наша выдумка: Татьяну допрашивали 11 сентября в качестве свидетеля, а 23 сентября уже в качестве обвиняемой, и протоколы эти мы имеем.

«Мои дети были убиты 3 сентября с. г. в отсутствие меня, так как я уехала 2 сентября в Тавду, и без меня все это произошло, — показала Морозова на первом допросе. — С 31 августа на 1 сентября с. г. во время ночи, часов в 12, кто-то к нам в сенки зашел, избенную дверь поткнул, но открыть не могли, так как дверь была закрыта крепко, и опять с 1 на 2 сентября с. г. кто-то приходил ночью, слышно было два мужских голоса, наша собака на них залаяла, а потом стала ластиться около них, а собака живет у нас и уходит к Морозову Сергею и Даниле, так как жили вместе». Голосов родных Морозова не узнала, но заявила, что приходили дед с Данилой, хотя во всех соседних домах жили родные, и собака туда тоже бегала, конечно, и знала всех.

Поведение матери в эти дни действительно может показаться странным. По рассказам жителей Герасимовки, Павлу угрожали много раз, особенно ближе к осени, когда появился новый урожай и мальчик снова принялся доносить кто, где и что прячет. Павлик избит. Затем две ночи подряд в дом ломятся неизвестные, а утром мать уезжает на несколько дней в город, бросив четырех маленьких детей, не заявив ничего милиционеру и даже не оставив детям еды. Больше того, понимая, какая опасность нависла над сыном, она уговаривает его в ее отсутствие уйти в лес за клюквой без взрослых, да еще с маленьким братом, и при этом дети одни собираются заночевать в тайге в шалаше.

Морозова уехала в Тавду сдавать телят на заготовительный пункт. Возила ли она мясо сдавать государству или на рынок, не проверялось. Если на рынок, то это была столь же незаконная акция, как и те, на которые Павлик и она доносили властям. Кстати, когда точно она уехала, не было установлено, когда вернулась — тоже. Ее не было в деревне со дня убийства до дня, когда нашли трупы детей.

«Мать она была плохая, равнодушная и ленивая, — вспоминает ее двоюродная сестра Беркина. — Детей кто угодно подкармливал. В доме грязь, одежда рваная, дырки не латала. Павлика она тоже ненавидела за то, что лишил ее мужа». Павлику угрожали, и она могла спасти его: послать на заработки или в детский дом в соседнем поселке. Тогда такие способы подкормить малоимущую семью практиковались широко. Писатель Мусатов в журнале «Вожатый» поддерживал эту же мысль: матери было легко спасти мальчика, отправив его на заработки в город.

Спустя полвека Морозова нам рассказывала: «Я мертвых увидела, схватила нож, хотела остальных ребят резать и на себя руки наложить, но мне не дали, нож отобрали. Дети от страха плакали... На суде я сказала: «Дайте мне яду, сулемы, я выпью». И повалилась, ничего не помню. Меня под руки вывели».

На следствии Морозова охотно согласилась поддерживать официальную версию убийства и готова была обвинять кого угодно. После допросов в Секретно-политическом отделе ОГПУ ее рассказы об убийстве начинают приобретать все более идеологический характер. Она вспомнила, например, что Павлик говорил: «Я на той точке стал, как говорил товарищ Ленин, взад ни шагу, а вперед — сразу подамся два шага». Фраза Ленина звучит наоборот («Шаг вперед, два шага назад»), но это несущественно, важно, что Павлик — верный ленинец.

Очевидная халатность матери в истории гибели сына, несомненно, имела место. Однако тех, кто проектировал процесс, более устраивала мать как жертва. Она понадобилась им в роли свидетельницы обвинения. Вот почему уполномоченный ОГПУ сначала перевел Татьяну Морозову из свидетелей в обвиняемые, а затем сам или по указанию руководства снова в свидетели, хотя она должна была быть потерпевшей.

Еще меньше оснований подозревать дядю Павла Арсения Силина. Журнал «Пионер» опубликовал его фотографию вместе с другими расстрелянными. В буклете Свердловского музея он назван «организатором и исполнителем убийства», и также говорится, что Силин расстрелян. Но это просто ошибка. Вина его в обвинительном заключении вообще не доказывалась, говорилось так: «Зимой 1932 года Морозов Павел сообщил сельсовету о том, что Силин Арсений, не выполнив твердого задания, продал спецпереселенцам воз картофеля». Далее сообщалось, что он обвиняется по той же статье, то есть в терроре. Силин, как и Кулуканов, судился повторно (первый раз — «за злостный зажим хлебных излишков» за год до этого). Признать себя виновным Силин отказался. Но в какой-то момент заплакал и проговорил: «Простите меня, граждане судьи». Это рассказала Анна Толстая, которая присутствовала на суде.

К убийству Силин никакого отношения не имел. Силина, к чести судей, оправдали вопреки обвинению ОГПУ. Из большинства отчетов центральной прессы он был изъят, будто в оправдании человека было что-то компрометирующее советский суд.

Во время одного из допросов бабушка вдруг заявила: якобы ее дочь Хима тоже подговаривала Данилу убить Павла. К Павлу Хима, жена Арсения Кулуканова, относилась хорошо, хотя и ругала за доносы. Ее арестовали во время следствия, но затем выпустили. Днем она пряталась в подполе, а ночью выходила дышать, боялась, что снова арестуют. После расстрела мужа и конфискации имущества Хима уехала в соседнюю деревню, сошлась там с крестьянином, сын которого, однако, решил, что Хима больше подходит ему. В припадке ревности этот сын убил Химу. Убийцу приговорили к расстрелу. Он объявил голодовку и умер в тюрьме от голода.

В поисках более широкого круга замешанных в убийстве следствие по делу N—374 провело очную ставку троих Морозовых с крестьянином соседней деревни Владимиром Мезюхиным. У него делали обыск по доносу Павлика, знавшего, что дед Сергей спрятал у Мезюхина ходок (воз). Ходок не нашли. Основанием для привлечения нового обвиняемого было предположение, что Мезюхин решил отомстить. За неделю до убийства Мезюхин заходил в дом к деду Морозову и оставался обедать. Кроме того, он подарил Даниле три почтовые марки. Обед и марки привели следователя к мысли, что цель визита — сговор об убийстве, а три почтовые марки — взятка Даниле за предстоящую операцию. Любопытно, что все трое: дед, бабушка, Данила — охотно подтвердили на этой очной ставке вину Мезюхина. После этого следователь кандидатуру Мезюхина отверг. Возможно, все это нужно было для испытания обвиняемых на готовность давать любые показания.

Многие злились на Павлика. Каждый, на кого он доносил, грозил его избить или убить. Но в материалы следствия попали только угрозы, исходившие от подсудимых.

Главным организатором и вдохновителем (слова, обычно характеризующие в советской печати вождей) газеты называли дядю Павлика Арсения Кулуканова. Иногда он именовался «главным убийцей». Вопрос о прямом участии Кулуканова в убийстве ни следствием, ни судом не ставился. В лесу в день убийства он не был. Основное обвинение состояло в том, что он был кулаком. Смирнов писал в «Пионерской правде»: «Кулуканов играл немалую роль, будучи одним из ведущих кулаков». Соломеин в первой книге называет его не кулаком, а середняком. При переиздании книги автор сделал Кулуканова кулаком.

Кулуканов был однажды судим, писали газеты, приговорен к ссылке с конфискацией имущества и отбыл наказание. В обвинительном заключении, однако, говорится, что приговор суда был отменен. Выходит, Кулуканова уже один раз незаконно осуждали.

Основная его улика состояла в том, что он, как говорится там же, боялся «дальнейших доносов органам власти со стороны Морозова Павла». Основания бояться у Кулуканова были: закон не защитил его и его имущество в первый раз. Но ненависти к власти у аполитичного Кулуканова не было. Это представители власти ненавидели его и публично оскорбляли.

Кулуканов был крестным отцом Павла. После ухода Трофима из семьи он подкармливал детей, пригревал их в доме, который стоял напротив морозовского, через дорогу. Для обиды на крестника, который за ласку платил доносами, у Кулуканова имелись основания. На суде из этого притиворечивого чувства устроили потеху для толпы.

«...Кулуканов стоит на своем, — говорится в газетном отчете о суде. — Ему не хочется сознаться, он хочет отделаться незнающим. (Так в тексте. — Ю.Д.) Допрос продолжается.

УРИН (*общественный обвинитель*). Скажите, подсудимый Кулуканов, вы любили Павла?

КУЛУКАНОВ. Любил.

УРИН. Если вы любили, то почему же не пошли искать его, когда он с братом пропал?

КУЛУКАНОВ. Я... я... Ну, просто так не пошел и не пошел. (*В зале смех*).

Кулак Кулуканов хочет отвертеться незнанием дела, но этот номер не пройдет, его сообщники выдают».

Можно ли считать серьезным обвинение, что дядя не пошел искать Павлика? Кулуканова обвиняли также в том, что он подговаривал других к убийству и дал тридцать рублей за убийство, но ни денег, ни свидетелей передачи этих денег не было. Что касается обещанного Даниле золота, то оно фигурировало в газетных статьях лишь для эффекта, при обыске никакого золота обнаружено не было.

Угрозы в адрес крестника Кулуканов произносил. Угроза уголовно наказуема, но должна быть доказана и не карается расстрелом, тем более в отношениях между родственниками. Взрослые, случается, твердят маленьким детям: «Не доешь кашу — убью!»

По воспоминаниям знавших его, Кулуканов был трудолюбивым крестьянином, имел двух лошадей и сам работал как лошадь. Нанимал в помощь себе, но помощников хорошо кормил и справедливо отдавал им за труд часть урожая. Кулуканов был неграмотен, но грамотных уважал. Он поселил у себя учительницу, когда она приехала в глушь открывать школу и никто не хотел ее пустить. Учительница Кабина (она-то у него в доме и жила) заявила нам: «Кулуканов был против конфискации хлеба, но причастен к убийству не был».

Между прочим, родной брат Кулуканова Прокоп в гражданской войне, защищая советскую власть, потерял руку. Прокоп не верил в вину брата и тяжело переживал его смерть. Сын Кулуканова Захар погиб во Второй мировой войне, которая подчистила в деревнях мужчин, уцелевших во время коллективизации. Сын Прокопа, призванный в армию, погиб на учениях в Восточной Германии. Прокоп Кулуканов умер, когда услышал об этом.

Понимая, что обвинение недостаточно веско, общественный обвинитель на процессе Смирнов в «Пионерской правде» через месяц с лишним после расстрела добавил Кулуканову следующие преступления: «У него также почитывали Библию, и он также произносил контрреволюционные речи». Затем в деревне распустили слух, что Кулукановы сожгли свой дом, не желая отдать его советской власти. В печати нагромождались версии одна ужаснее другой. Кулуканов убил свою первую жену и подкупил жандарма, чтобы тот закрыл дело. Кулуканов убивал в лесу коробейников (торговцев) — и отсюда его богатство. Ничего этого нет ни в обвинении, ни в показаниях свидетелей.

На следствии Кулуканов виновным себя не признал. То же произошло на суде. Писали, что Кулуканов «потерял дар речи». А он, возможно, отказался давать показания, поняв, что происходит. Кулуканов был расстрелян за убийство, но можно с уверенностью сказать: он не убивал.

Вторая обвиняемая, Ксения Морозова, бабушка Павла, в убийстве также не участвовала. В приговоре суда написано, что она узнала об убийстве на следующий день. Она расстреляна, как скрывшая преступление, то есть за доноительство. Соккрытие преступления состояло в том, что бабушка замочила окровавленную одежду и спрятала нож за икону. Сведения эти

вызывают сомнение. Указывалось, что нож спрятал Данила или дед. Что же касается одежды, то почему опытная бабушка, отсидев в молодости в тюрьмах, за три дня не спрятала улики?

Бабушка принимала роды у Татьяны, и Павлик считался ее любимцем. Соломеин отмечал, что бабушка ненавидела коммунистов. Ксения и не скрывала своей ненависти, но ее в этом не обвиняли.

Обвинение прокурора Зябкина опиралось на показания ее внука — свидетеля Алексея Морозова. «Ксения пошла по ягоды в то же место, куда пошли Павлик и Федя, следовательно, — делал вывод Зябкин, — она могла придержать ребят в лесу, пока не подойдут убийцы». Что значит — «могла»? Придержала или нет? Да и ходила ли она в лес?

Свидетель — десятилетний ребенок, который в то время сидел взаперти в избе и не мог этого знать. Легенда дала толчок вымыслу в прессе о том, как бабушка донесла деду, что Павлик собирается по ягоды, как заманивала детей в лес, чтобы там дед их убил, а когда детей искали, специально указала «не туда». Но, согласно обвинительному заключению, дети пошли в лес сами, бабушка об этом не знала. Учительница Кабина про бабушку Ксению говорила: «Она казалась похожей на Бабу Ягу, грязная, оборванная, не в своем уме. Дети в деревне ее боялись. Но виновата она не была».

Дедушка Сергей Морозов и его внук Данила названы в обвинительном заключении «непосредственными исполнителями террора». Поведение деда на следствии и суде выглядит весьма нелогичным. Сергея Морозова называют «непосредственным убийцей», и не сказано, убил он одного или обоих детей.

Неграмотный дед Морозов Библию знал: «Кто злословит отца своего или свою мать, того должно предать смерти». Он ходил по деревне и говорил, что внук опозорил его фамилию. Между угрозами родных и убийством пропущен, однако, существенный момент: приведение угрозы в исполнение. «Никто Павлика не избивал при мне, — говорила нам Кабина, — а если и грозили, так кто детям не грозит?»

Обвинение утверждало, что дед Сергей Морозов ненавидел Павлика за то, что тот был пионером. Пионером Павлик не был. Дед мог ненавидеть внука за то, что он лишил его сына — кормильца в старости. Это вполне естественное в условиях русской деревни чувство. Корреспондент Антонов, бывший в зале суда, объяснял, однако, в газете «На смену!» другому: дед ненавидел мать Павла Татьяну со времени раздела имущества (то есть после развода с Трофимом) за то, что она вела себя неподобающе. Из этого журналист делал вывод: ненависть возникла на почве семейных неурядиц и — «переросла в классовую».

Другое обвинение, записанное Соломеиным: дед Морозов не любил советскую власть, высказывался против колхоза. Высокий, худой, седоволосый, Сергей Морозов, по рассказам современников, действительно любил пошутить насчет советской власти. Он заходил в сельсовет: «Граждане! У меня советские волки жеребенка съели!» — «Как так — советские?» — «А как же? Жеребенок-то был мой, а волки советские. Ведь они живут в советском лесу». Доставалось от остроумного Сергея Морозова и односельчанам. Но то были лишь слова. Никаких практических действий, направленных против колхоза, он никогда не предпринимал. Ведь колхоза при нем не было.

Согласно обвинительному заключению, Сергей Морозов значится как единоличник, «по имущественному положению бедняк, имеющий одну лошадь, одну корову и один га посевов». Потом в газетах стал подкулачником, то есть пособником кулаков, а позднее в печати его стали называть кулаком. Кулак нужен был для того, чтобы объяснить убийство из классовых побуждений.

Как бывший работник жандармерии дед не мог не знать, что убийство — тягчайшее преступление, будь то по старому закону или по новому. Идя на убийство, он, конечно же, сознавал, какое за этим последует наказание. В тайге он мог бы легко уничтожить улики против себя, однако все его действия были противоположны этой логике.

Он убивает детей рядом с деревней, прямо на дороге, как будто специально для того, чтобы прохожие заметили следы крови и гору клюквы, высыпанную из мешка. Трупы не отнес

чуть дальше в болото, где их засосало бы, но оставил на виду. В окровавленной одежде явились с Данилой в деревню (оба они были в крови или один Данила — неизвестно). Нож — главное вещественное доказательство — аккуратно принес с собой. Дед даже не вытер его от крови. Значит, долго нес нож в руках и так тщательно завернул, чтобы следы крови сохранились. Затем он положил этот нож в такое место, куда в крестьянском доме должны обязательно заглянуть при обыске — за икону. Что же это за убийца, главная задача которого — оставить как можно больше улик?

Допустим, дед и Данила не успели скрыть следы сразу. Но у них было три дня, чтобы спокойно и тщательно это проделать. Для чего деду понадобилось убивать второго внука? Даже если Федор тоже доносил, вряд ли без Павлика он был опасен. Следствие, суд и пресса выдвигали одну причину: убивали, боясь свидетеля. Но убийца сознательно шел на зверства, искал возможности, так сказать, совершить публичное действо.

Момент, в который совершено убийство, кажется, подтверждает вину деда. Доносчик убит осенью, когда вся деревня, наполняя сараи зерном, ожидала нового государственного грабежа и старалась спрятать что можно, чтобы не нашли, чтобы хватило на зиму и не голодали дети. Убийство могло быть своего рода самозащитой. Месть должна была воспитывать других предателей крестьянских интересов. Люди должны знать, что соглядатай получил свое, и те, на кого Павел донес бы завтра, могут спать спокойно. Против Сергея Морозова работала и статистика, утверждавшая, что большой процент (почти половина) убийств в России совершаются родственниками. Но это лишь общие рассуждения. И не все факты их подтверждают.

Кто был способен образумить Павлика, объяснить, что доносительство — зло? Отец? Но Трофим уже пал жертвой доноса. Мать? Она помогала сыну доносить. Учительница? Она этого не сделала. И только дед пытался отвратить внука от дурной страсти. Пытался, но успеха не имел. Значит ли это, что он решил убить внука? Ведь ему не повезло не только с Павликом. Дед видел, что основным осведомителем в деревне был другой его внук, от дочери Устиньи, Иван Потупчик. Вот как писала учительница Елена Ростовщикова через тридцать пять лет: «Особенно Ваня Потупчик выделялся способностями и активностью». Устинья Потупчик, судя по записям Соломеина, рассказывала:

«Один раз дед Морозов пришел злой.

— А Ванька игде?

— З ребятами в заулке песни играе.

— ...твою мать, родила дурака. Ен у тоби який большой, такой дурный... Усе смотреть, як бы найти у кого хлеб захованный... Так раз своего нэма, зачем чужой забирать?»

Этот эпизод, разумеется, без поминания матери, перешел из записей Соломеина в его книгу. Важно вот что: если дед знал, что двадцатилетний Иван — серьезный осведомитель, зачем было ему убивать двух маленьких детей? Разве доносы прекратились бы?

На следующий день после убийства, в воскресенье, дед поехал к старшему сыну Ивану в соседнюю деревню — по версии следователей, чтобы сообщить, что дело сделано. Эта версия стала поводом для обвинения Ивана в соучастии. Однако в показаниях очевидцев, записанных Соломеиным сразу после приезда в деревню, находим опровержение, весьма важное: «Морозов приехал домой вечером в воскресенье с милиционером Титовым». Выходит, дед сам привез в деревню милиционера искать внуков, когда матери еще не было! Этот факт почему-то не фигурировал на суде вообще. Между тем, как показывают односельчане, поиски пропавших внуков начались благодаря деду.

С самого начала старик Морозов считался в деревне к делу непричастным. Его угрозы расправиться с Павлом никто за серьезные не принимал. «Будучи посаженным, — уверяет дальний родственник Морозовых Байдаков, — старейшина семьи до суда велел всем отпираться ото всего. Он отрицал не только свою причастность, но и вину других арестованных. Тогда его начали бить».

«Еще перед арестом его избили до полусмерти, — вспоминает Татьяна Морозова. — Особенно отличился Иван Потупчик. В ОГПУ их тоже били, ну, они и признались». «На допросах грозили пристрелить на месте, — заявила учительница Кабина, — они не понимали, чего от них хотят, и говорили все что угодно, лишь бы не били». «Их долго таскали на допросы, — говорит одноклассница Павла Матрена Королькова, — то признаются, то не признаются. Деда пытали». В результате пыток и побоев следствие победило: старик взял убийство на себя.

Татьяна Морозова нам рассказывала: «Дед на суде заявил: «Господа судьи, меня допрашивали — пятнадцать наганов лежало на столе. Били рукоятками до полусмерти». Судья спросил: «Кто бил?» — «А такие, как вы, только с наганами». Конец суда писатель Соломеин описывает так: «Остриженный наголо, старик Морозов не походил на себя. Говорил тихо. То сознавался во всем, то начинал запираяться. На вопросы отвечал путано. Морщился, истерично взмахивал рукой: «Мне теперь все равно... Судите скорее...»

В газетном отчете из зала суда читаем: «Старик Морозов пытается принять на себя «иисусов» вид. Он говорит: «Я принимаю на себя весь грех, как принял иисус христос на суде иудейском». Имя Иисуса Христа в газетах тех лет писалось с маленькой буквы. Но дело не в этом. Христос, как известно, не был виноват, и намек деда весьма прозрачен.

Но сохранились и другие отчеты о поведении деда. Писатель Яковлев в книге говорил позднее, что дед в убийстве так и не признался: «Я и в лесу не был, на лежанке весь день отдыхал» — «Кто же убил?» — «А я знаю? Ничего я не знаю». Репортер местной газеты Антонов, присутствовавший на суде, также утверждал, что дед виновным себя на суде не признал, категорически отказался от данных на следствии показаний. Антонов писал: «В один из моментов допроса плачет мать... Плачет дед, однако остается тверд и продолжает отрицать свое участие в убийстве». Ни судьи, ни прокурор, ни свидетели не смогли предложить ни единого конкретного доказательства, что дед убивал. Несколько человек, присутствовавших в зале суда, нам заявили, что дед виновным себя так и не признал. Чем же вызваны тогда колебания в поведении Сергея Морозова во время следствия, только ли пытками и избиениями? Его линия менялась из-за внука Данилы, показания которого были единственной уликой.

«Данила был дурачок», — рассказывала нам Татьяна Морозова. «Хорошего ничего в нем не было, — говорила Королькова, — оторви да брось. Но тупой он не был». В записях Соломеина находим: «Данила Морозов низкого роста, угрюмый. С людьми плохо разговаривал... с молодежью мало ходил. С девками не крутил». Беркина утверждает, что Данила был «чокнутый».

Иное заявили его учительницы. Позднина уверяла, что Данила с интересом учился и неплохо (в отличие от Павлика) говорил по-русски. Первое время он был даже переводчиком между русской учительницей и белорусскими детьми. К двоюродному брату Павлику Данила относился хорошо. Учительница Кабина вспоминала: «Данила и Павлик учились вместе. Данила вовсе не был таким, как его изображают. Не вышибала и не мрачный debil. Косил сено, пахал. Это был жизнерадостный трудяга-парень, немного простодушный. Сложения крепкого, невысокого роста, добрее и великодушнее Павлика. Если и дрался, то как все подростки. Данила не пил, как пижут. Тогда в деревне пили редко, а молодежь и подавно. Самогона не варили, потому что хлеба не хватало».

Данила, сын Ивана, который ушел жить в соседнюю деревню, был вскормлен и воспитан дедом и бабушкой, у которых прожил лет шесть. Дед собирался оставить Даниле нажитое. Печать называла Данилу «кулаком», но это нелепость. Данила своего имущества не имел вообще, хотя был трудолюбив, здоровьем не обижен и, когда вырос, стал опорой стариков.

Учительница Кабина уверяла нас: «Данила в те дни исчез». Когда стали арестовывать, он убежал к отцу Ивану в соседнюю деревню, сделав это по совету деда. Данилу арестовали быстро, но маловероятно, что дед стал бы губить любимого внука. Между тем следователь писал, что это именно так.

«Во время ареста, — говорится в деле, — сидели обои в амбаре при сельсовете, где старик Морозов Сергей подговорил своего внука Морозова Данилу показать при допросе, что

якобы пионера Морозова Павла и его брата Федора убил он, Морозов Данила». Слово «якобы» показывает, что следователю с самого начала было ясно, что Данила не убивал. И следователь сразу стал склонять неопытного Данилу к разоблачению деда.

На деле, когда арестованных уводили из деревни в Тавду, дед опять попытался спасти внука. Едва подошли к лесу, дед ему что-то шепнул, и Данила снял котомку с одного плеча, чтобы сбросить ее и рвануться в сторону. Соломеин записал показания очевидца. Конвоир сказал: «Одень на оба плеча, сволочь, а то пальну вдогонку».

Сидя в следственном изоляторе, Данила первое время выполнял наказ деда от всего отпираться. Тогда, по воспоминаниям Байдакова, который ссылается на рассказы уполномоченного из райкома, Данилу посадили отдельно и к нему впустили «наседку». Так называют доносчика, специально посаженного в камеру. Стал «наседка» втираться Даниле в друзья, сказал, что у него есть связь с волей. И действительно — «наседке» принесли водки и еды, и оба хорошо выпили. «Наседка» стал говорить, что Данилу, конечно, расстреляют, но могут и помиловать, если он покажет на деда и других. Деду все равно скоро помирать, а Даниле жить да жить... Данила и тут не отступил.

Тогда за Данилу взялся более опытный уполномоченный Секретно-политического отдела ОГПУ Быков. Он, в отличие от предыдущих следователей, на допросах говорил с Данилой без угроз и брани. От него Данила услышал, что дед указал на внука как на убийцу. Это был следственный прием, старый как мир. Но неискушенный Данила клюнул на приманку и дал показания против деда, а значит, и против себя. Провели между ними очную ставку, на которой Данила показал, что дед антисоветчик и убийца, а разъяренный предательством внука дед — что убийца — Данила. Этого следователи и добивались.

В секретной спецзаписке по вопросу террора, рапортующей об успехе допросов, вина Данилы полностью отсутствует:

«При допросе Морозова Данилы 16.9.32-го года последний показал, что убийство пионера Морозова и его брата произвел Морозов Сергей только за то, что Морозов Павел как пионер проявляет активность в проводимых мероприятиях Советской власти и партии на селе, кроме того, выказывает про кулацкие проделки властям. Морозов Сергей все время вел и ведет тесную связь с местным кулачеством, к Советской власти настроен враждебно, до убийства детей, указанных выше, завсегда, когда их видел, то наносил им угрозы со словами: *«Обождите, щенята-коммунисты, попадетесь мне где-нибудь, я вам покажу и с вами расправлюсь»* (выделено в оригинале — Ю.Д.). Это он говорил в присутствии Татьяны (мать зарезанных детей), своей жены Морозовой Ксении и внука Морозова Данилы».

Следствие сразу сдвинулось с мертвой точки. Данила стал незаменимым помощником следователям. Пошли одна за другой очные ставки. Все обвиняемые отрицали свою вину — Данила всех обвинял. И хотя он путался, следователи подправляли его как надо. То обстоятельство, что он был посажен отдельно, тоже доказывает, что он помогал следствию.

Но важнее другое: как видим, в показания Данилы сразу были добавлены все те политические соображения, которые нужны для будущего показательного процесса. Стало ясно, что дело почти готово. Это подтверждают и даты: Данила дал нужные показания против деда 16 сентября, а 17-го отправляется наверх секретная записка о победе следствия. В этот же день в районной газете «Смена» торжественно сообщается, что следствие уже закончено.

«Производит впечатление простого, тихого деревенского парня, — говорится в отчете о судебном заседании. — Встав перед столом суда, он заявил: «Здесь старик много путал, говоря правду и неправду, то признает себя виновным, то нет. Я буду говорить все так, как было». Журналист Антонов писал в газете «На смену!», что за два с половиной месяца допросов Данила сообщил пять-шесть вариантов участников преступления, и каждый раз потом брал свои слова обратно. Фантазии Данилы не смутили ни следствие, ни суд. Напротив, Данила оказался великолепной находкой: он аккуратно подписывал все, что перед ним клали на стол, охотно повторял, что поручали.

В свете поведения Данилы становится понятнее линия поведения деда. Пережив на воле предательство трех внуков — Ивана Потупчика, Павла и Федора, — Сергей Морозов защищал остатки семьи. Данила был последней надеждой деда, его опорой, единомышленником. И вот его четвертый внук продался басурманам. Такого поворота дед не ожидал, и это его надломило.

Мы можем только представить себе лютую обиду, которую испытывал Данила, когда в награду за свои старания получил смертный приговор, как и все.

Но жизнь Данилы не оборвалась. Учительница Кабина рассказала нам: «В Герасимовке ни почты, ни почтальона не было, а кто ехал из города, привозил письма, и они лежали на столе в сельсовете. Никто писем не трогал — ведь все в деревне неграмотные. После суда в газетах сообщили, что убийц расстреляли. Прошло месяца три. Как-то смотрела я почту в сельсовете. Вижу странный конверт: листок из книжки вырван, сложен и по краю зашит ниткой, сверху адрес написан и моя фамилия. Я открыла письмо, стала читать и глазам не верю. Данила писал, что стариков расстреляли, а он еще жив. И само письмо доказывало, что он жив: почерк Данилы я сразу узнала, ведь он мой ученик!»

— Где же это письмо? — спросили мы Кабину, навестив ее в ленинградской больнице, в которой она лежала после удаления катаракты.

— Сперва я его хранила, а потом стало страшно. Ведь официально объявили, что он мертвый, а у меня доказательство, что это обман. И я письмо уничтожила...

— Почему же его не расстреляли?

— А зачем расстреливать дармовую рабочую силу?

Учительница Позднина позже подтвердила, что Данилу не расстреляли «за большую помощь, оказанную советской власти». Его отправили в лагерь на лесоповал пожизненно. Фамилию ему переменили, стали звать Данила Книга (фамилия в белорусских деревнях распространенная). Рассказали об этом учительнице вышедшие на волю заключенные.

Глава седьмая. КТО ЖЕ УБИЙЦА?

Проводя наше частное расследование, мы то и дело натыкались на препятствие, затрудняющее поиск: следствием и показательным процессом занимались чекисты, но ни на процессе, ни в печати в связи с убийством детей Морозовых ОГПУ вообще не упоминалось. Кем, как и где проводилось следствие — об этом зрители и читатели могли лишь догадываться. Любопытно, что именно эта действующая тайно организация стремилась сделать процесс как можно более шумным.

Когда ОГПУ начало расследовать убийство? Из специальной записки по вопросу террора, находящийся в секретном деле N—374, видно, что РУП (районный уполномоченный) ОГПУ Быков «от милиции забрал дело к себе» и начал допросы деда и Данилы 16 сентября 1932 года, то есть через десять дней после того, как были обнаружены трупы детей. А 17 сентября Быков уже отправил спецкурьера в Свердловск с рапортом, что райаппарат готовит процесс.

Быков не точен. Его подчиненный, помощник уполномоченного особого отдела Карташов, как видно из другого постановления, забрал дело в ОГПУ 13 сентября. Но и Карташов составил постановление позже, чем принялся за работу. Еще 12 сентября Карташов провел в деревне Герасимовке собрание, выступил на нем и отправил своему начальнику Быкову «Протокол N—4». Текст гласит, что «убийство братьев Морозовых происходило по ранее намеченному плану группой чуждого элемента (кулачества и их подпевал)» и «что группа людей свой план ранее намеченный ударом ножа по несколько раз обоим братьям Морозовым привела в действительность». Собрание просит пролетарский суд выехать на место и эту группу чуждого элемента «привлечь к высшей мере социальной защиты — расстрелу». Одновременно неграмотные крестьяне, зная, что в деревне не было ни пионерии, ни комсомола, рапортуя вверх, что взамен выбывшего из рядов пионеров Павла записались в комсомол Чухонцев и Юдов, а Иван Потупчик и четверо других (из двадцати двух присутствующих) вступили в колхоз.

Под протоколом интересная подпись: «Копия верна: РУП ОГПУ Быков». А подлинник о своевременной организации колхоза отправлен наверх, где его ждут.

Значит, 12 сентября ОГПУ организовало колхоз, и Карташов выступил на собрании от имени общественности, требуя расстрела убийц. В постановлении он сформулировал все те политические фразы, которые войдут потом в обвинительное заключение и лексикон прессы на долгие годы. Но и это не все: первый допрос Татьяны Морозовой сам Быков провел накануне собрания, 11 сентября.

Рассмотрим теперь загадочный документ, обнаруженный нами. Это «Протокол по делу N—...». Номер дела не проставлен, поскольку оно еще формально не заведено. Но место для номера оставлено. Опрашивающий указывает свою фамилию и должность: «пом. Уполномоченного Карташов». «Опрошенный в качестве свидетеля» — Потупчик Иван, «образование низшее, канд. ВКП/б/», «отношение к подозреваемому или потерпевшему — посторонний». На самом деле опрошенный — внук Сергея Морозова и двоюродный брат Павлика Морозова.

В этом протоколе Иван Потупчик показал, что убийство было совершено «с политической точки, так как Морозов Павел был пионером и активистом, часто выступал на общегородских собраниях и говорил за проводимые мероприятия Советской власти, а также говорил про Герасимовских кулаков...» Далее перечисляются героические поступки пионера-активиста, разоблачавшего антисоветски настроенных лиц.

Но самое странное — дата на секретном документе: 4 сентября 1932 года. Ведь жители деревни и милиция узнали об убийстве только 6-го! Выходит, два человека — помощник уполномоченного особого отдела ОГПУ Карташов и его осведомитель, двадцатилетний деревенский парень, только что вступивший в кандидаты партии, Иван Потупчик — уже 4 сентября знают все подробности дела?!

4-го трупы еще лежат в лесу. Через двое суток крестьяне будут искать, и Потупчик «случайно» обнаружит детей. «Я их первым нашел», — гордо расскажет нам Потупчик через полвека о своем героизме, не подозревая о том, что нам известен секретный документ. Ведь выходит, что Потупчик знал, где искать!

Крестьяне добиваются приезда следователя, а следователь уже находится в Герасимовке. За двое суток до нахождения трупов Карташов уже опросил свидетеля Потупчика, и бумага готова. Преступники в ней уже указаны. Убийцами названы те самые антисоветски настроенные лица, которых после расстреляют, но пока они сами еще не знают, что они убили двоих детей. Потупчик будет активно участвовать в их арестах. В документе ни слова о том, когда и как совершено убийство, но уже утверждается, что оно политическое, классовое («по кулацкой агитации»). И заявлено, что убит пионер и активист, то есть представитель революционной организации — все, что надо для показательного процесса.

На осведомителя Ивана Потупчика, милиционера Якова Титова и двух следователей ОГПУ Карташова и Быкова ложится тяжелое обвинение. Двоих из четырех нам удалось разыскать.

Итак, что известно об Иване Потупчике? «Иван пошел в школу уже взрослым, — вспоминает Королькова. — Ходил он в класс вместе со мной и Павликом к учительнице Кабиной. А после на ней женился. Прожил с ней года два и бросил». В упомянутом протоколе допроса Потупчик назван «одиноким», значит, женился он на учительнице после убийства. «Ванька сам сроду досыта не едал дома, так ямы в чужих дворах разрывает», — говорил о нем его дед Сергей Морозов в книге Соломеина «Павка-коммунист».

Учительница Кабина, бывшая некоторое время за Потупчиком замужем, рассказывала нам: «Иван часто бывал в Тавде по делам, а в деревне следил за односельчанами. Он был здоровый, энергичный, в партию первым в деревне вступил, держал дома винтовку. Он любил по ночам поручения выполнять, в дома заходить: «Одевайся! Вези хлеб в Тавду!» Сонные мужики пугались, везли». Он грозил Арсению Кулуканову еще до ареста самолично отправить его в лагерь. В газете «Тавдинский рабочий» от 21 ноября 1932 года мы нашли два доноса на соседей. Один анонимный, за подписью «Знающий», другой за подписью Ивана Потупчика.

У Ивана были основания для злобы на деда. Устинья, мать Ивана, рассказывала Соломеину, что дед приходил и требовал от нее, чтобы внук прекратил доносы на соседей. Устинья пересказала этот разговор сыну. «А ему чего нужно? — закричал Ванька. — Могилу ему нужно? Вырою. Знаю, что делаю. Никому не указать!»

В квартире Ивана Потупчика, на центральном проспекте Ленина в Магнитогорске, где мы навели его, на видном месте стоял портрет Сталина, который при нашем следующем посещении был убран. Потупчик говорил медленно (перед этим у него был инсульт), жаловался на то, что случайные люди оттеснили истинных героев коллективизации. Подробности он рассказывал осторожно, пытаясь выяснить, что мы уже знаем. Впрочем, может, это нам только показалось, что он был настороже, так как наши подозрения зашли довольно далеко.

Потупчик охотно рассказал, что он с милиционером Титовым организовал поиски в лесу и трупы детей нашел первым именно он. «Только места убийства, на которых сейчас стоят два обелиска — Павлику и Феде, — фальшивые. Действительное место происшествия — на километр глубже в лес. Там, в высокой траве, дед с Данилой их зарезали. А близко к деревне ни один убийца не стал бы убивать».

Мы спросили у него дату, когда были найдены убитые дети, а также дату, когда был составлен первый протокол. Потупчик был готов к ответу. «За пятьдесят лет многое позабылось, — сказал он, — числа в печати неточные. Детей убили третьего сентября, это правильно, а найдены они были сразу. Так что протоколы вполне могли быть составлены 4 сентября. Потом сюда прибыла следственная группа из Свердловска и сразу заявила: «здесь был террор». Допрашивали полдеревни. Ну, я, конечно, участвовал, помогал. Взяли тех, на кого я указал. Никаких экспертиз не нужно было, и так ясно».

Потупчик рассказал, что его вскоре перевели из кандидатов в члены партии, а затем, сразу после суда, отправили служить в карательную дивизию ОГПУ. «За заслуги в области коллективизации», — добавил он.

Об Иване Потупчике много написано. Он был почетным гражданином Герасимовки, почетным пионером. Газеты называли его даже следователем, который раскрыл убийство Павлика Морозова. В 1961 году почетный пионер исчез с общественного горизонта. Он был осужден за изнасилование несовершеннолетней девочки. Вернулся он на свободу по амнистии, не отбыл срок полностью. После лагеря его опять хорошо устроили — на кадровую работу.

Каждый, кто жил в СССР, знает, кто «занимается кадрами». Газеты снова начали писать о нем как о герое, но уголовный розыск вскоре информировал газеты, и Потупчика перестали упоминать. Следователь уголовного розыска города Магнитогорска Яковенко, у которого мы навели справки, хорошо знал Потупчика и сказал о нем: «Почетный пионер изнасиловал пионерку. Как правило, такие люди совершают преступления неоднократно, но не попадают». Мы уже заканчивали работу над книгой, когда узнали, что Иван Потупчик умер.

Остановимся на второй фигуре из числа должностных лиц — на милиционере, а точнее, участковом инспекторе Якове Титове. «Я, участковый инспектор 8-го участка Управления РК (рабоче-крестьянской. — Ю. Д.) милиции Титов, принимал протокол-заявление от гражданина Морозова Павла, за ложные показания предупрежден по ст. 95 УК 1932 г. 27 августа в 9 часов дня я, Морозов Павел, пришел к Морозову Сергею за своей седелкой, где меня Морозов Данила избил и говорил, что я тебя в лесу убью. Больше показать ничего не могу. Протокол со слов записан верно, прочитан мне вслух, в чем подписуюсь — Морозов. Протокол принял участковый инспектор 8-го участка — Титов».

Это заявление имеется в деле N—374, но мать Павлика сначала утверждала, что он к милиционеру ходил, а потом — что не ходил. Титов знал, что он имеет дело с ОГПУ, понимал, что в одно мгновение сам окажется на скамье подсудимых в числе тех, кто погубил Павлика, если не найдет виновных, и хотел застраховаться. И правда, незадолго до показательного суда в газете «Уральский рабочий» репортер В. Мор писал: «То ли по политической близорукости, то ли по другим причинам, участковый милиционер не успел вмешаться в дело». Что это за

«другие» причины? Халатность Якова Титова, нежелание заниматься этим мокрым делом или — его соучастие в убийстве подростка, не дающего жить деревне?

Милиционер сперва участвовал в расследовании дела, но был быстро отстранен. Потом его сделали свидетелем на суде. Затем суд решил привлечь Титова к уголовной ответственности за то, что он не защитил Павлика от кулаков. Причем ему инкриминировали не должностную халатность, а политическую близорукость. Участковый Яков Титов был арестован вскоре после показательного процесса.

Как сообщил нам Иван Потупчик, делом милиционера занимался помощник уполномоченного особого отдела ОГПУ Карташов. «Карташов не любил Титова за то, что тот лез не в свое дело», — сказал Потупчик. Не исключено, добавим мы, что Титов что-то подозревал или знал об убийстве, и Карташов с ним рассчитался. Титова судил военный трибунал Урала. Ему дали семь лет. Он отсидел, вернулся, жил в Тавде. Умер он задолго до нашего приезда. В убийстве детей Морозовых Титов соучастником не был.

Первые секретные документы следствия по делу об убийстве детей, как помнит читатель, подписаны работниками ОГПУ Карташовым и Быковым. Сколько мы ни искали в печати тех лет эти имена, встретить их не удалось. Никто из очевидцев, включая Ивана Потупчика, этих имен не назвал. Однажды пожилая библиотечарша в Свердловске вынула из папки и протянула нам газетную вырезку, которую она хранила для очередной выставки, посвященной пионеру-герою. Под статьей «Песня о нем не умрет», опубликованной в газете «Восход» маленького уральского городка Ирбит, что неподалеку от Тавды, стояла подпись: «С. Карташов».

Через 31 год после убийства, 3 сентября 1963 года, следователь ОГПУ вдруг заговорил о себе в газете. Отбросим словесную шелуху о герое-доносчике и отметим важные новые детали. Следователь сообщает, что Федор был убит обухом топора, а не ножом, что трупы «сложили» рядом. Что нашел убитых детей Данила, который стал кричать, решив, что это снимет с него подозрения. А самое главное, в статье утверждалось, что Павлик с братом ушли в лес и были убиты не третьего сентября, как всегда считали, а на сутки раньше. Карташов — единственный человек, который назвал эту дату.

Почему же Карташов, тщательно избегавший славы, вдруг заговорил о своих заслугах, и не к круглой дате, а тридцать один год спустя? Решил, что дело за давностью лет списалось? Или хрущевская оттепель развязала язык? Сомнительно. Главным было то, что Карташову как раз исполнилось 60 лет и он пытался оформить персональную пенсию. Для этого давно выкинутому из секретных органов больному человеку надо было доказать свои выдающиеся заслуги перед партией, а документов у него на руках было мало. И расчет опытного чекиста оказался точным: персональную пенсию ему начислили.

В потоке юбилейных статей к 50-летию подвига героя-пионера имя Карташова появилось второй раз. Свердловский писатель Балашов в журнале «Уральский следопыт» назвал Спиридона Карташова старым чекистом, «кому мы обязаны тем, что дело об убийстве Павлика Морозова стало известно всей Советской России». В интервью впервые открыто говорится, что делом Морозова занималось ОГПУ. Карташов вспоминает, что он узнал об убийстве Морозова, когда находился в соседнем селе Городищи, выполняя другое задание. Поинтересовавшись, начал ли следствие Титов, и выяснив, что нет, он поехал в Герасимовку, арестовал всех кого надо, и за ночь арестованные признались.

В 1982 году мы приехали к Спиридону Карташову в Ирбит. Сидя с нами в захламленной и убогой комнате, похожей на ночлежку, вспоминая свою жизнь, персональный пенсионер Карташов рассказывал: «У меня была ненависть, но убивать я сперва не умел, учился. В гражданскую войну я служил в ЧОНе (часть особого назначения). Мы ловили в лесах дезертиров из Красной армии и расстреливали на месте. Раз поймали двух белых офицеров, и после расстрела мне велели топтать их на лошади, чтобы проверить, мертвы ли они. Один был живой, и я его прикончил».

Одно время Карташов служил в Одессе в погранотряде и с группой чекистов задержал пароход с людьми, пытавшимися бежать от большевиков. Всех их построили на берегу моря и расстреляли. Потом наступила коллективизация, и Карташова, выросшего из солдата в помощника уполномоченного особого отдела ОГПУ, прислали в Тавду. Ему давали разнарядку сколько человек раскулачить. Карташов вспомнил, как он с солдатами карательного батальона сгонял под конвоем в церковь зажиточных крестьян со всего района. Оттуда без суда их сразу отправляли в ссылку.

«Коллективизацию проводили всяко, — вспоминает он. — Бывало, сгонял единоличников в помещение, и кто не хочет вступать в колхоз, сидит на собрании под дулом моей винтовки до тех пор, пока не согласится». Карташов всегда носил два нагана: один в кобуре, другой, запасной, в сумке.

В 1932 году районный аппарат ОГПУ получил секретный приказ выявить, кто в деревнях антисоветчики и кто выступает против колхоза. Возле их фамилий в списках ставили букву «Т» — террор. В Герасимовку Карташов стал часто ездить потому, что там никто не хотел вступить в колхоз. Осведомителями у него в этой деревне были Иван Потупчик и еще двое.

«Вечером 11 сентября (новая дата, а не 13-е, как в журнале «Уральский следопыт». — Ю.Д.) я приехал в Герасимовку и остановился на квартире у Потупчика, — рассказывал Карташов. — Детей уже похоронили, и осталось привлечь убийц. Никого Потупчик сам не арестовывал. Он был у меня осведомителем. Он только нашел трупы. Лица, настроенные антисоветски, уже были в списках с буквой «Т», они и убили детей. Я их сразу арестовал. На место убийства я не ходил, так как все было ясно. Никаких экспертиз не было. Преступники сознались — зачем же проверять?»

Карташов вызвал конвой из Тавды. Пришли пять солдат, и арестованных этапировали туда. «Конвоирование врагов советской власти на деревню подействовало хорошо, — сказал Карташов. — Тут же было организовано собрание, чтобы зачислить крестьян в колхоз».

Мы спросили помощника уполномоченного о его начальнике.

— Быков в Герасимовку вообще не приезжал, — ответил Карташов, — он руководил из района. Без меня с этим делом Быков бы не справился. А командовали нами из Свердловска и Нижнего Тагила. Быков потом еще недолго работал и исчез.

— Куда исчез?

— А куда все. Работа у нас такая.

И Спиридон Карташов показал нам приказ по ОГПУ о себе: ему объявлялась благодарность «за преданность, дисциплинированность и стойкость при исполнении служебных обязанностей».

Многое выветрилось из памяти Карташова за истекшие полвека. Простим помощнику уполномоченного районного ОГПУ его стремление все заслуги в расследовании убийства приписать себе. Авторы книг о Павлике Морозове его вообще не упоминали, работа Карташова в те годы была не из легких.

— Я подсчитал, — скромно сказал он, — мною лично застрелено тридцать семь человек, большое число отправил в лагерь. Я умею убивать людей так, что выстрела не слышно.

— Это как? — удивились мы.

— Секрет такой: я заставляю открыть рот и стреляю вплотную. Меня только теплой кровью обдает, как одеколоном, а звука не слышно. Я умею это делать — убивать. Если бы не припадки, я бы так рано на пенсию не ушел. Припадки были еще до войны, но я не придавал им значения. А в войну попал в госпиталь.

В медицинском заключении говорится, что Карташову в связи с эпилепсией противопоказано нервное перенапряжение.

Мы спросили о протоколе от 4 сентября.

— Не помню такого, — ответил Карташов. — Это Потупчик врет. Я был в те дни в Тавде, с Быковым, в Герасимовку приехал 11 сентября.

Разговор наш закончился после полуночи, и Карташов, несмотря на возражения, заявил, что проводит меня до гостиницы. Он порылся в какой-то тряпке и сунул под пиджак за пояс солдатский клинок. «Немецкий, — сказал он, — сталь хорошая. А то у нас на улицах, бывает, балуются. Вы идите впереди, а я сзади». Мы молча шли в полной темноте минут двадцать. Спокойнее стало, когда показался фонарь возле гостиницы. Через лестничный пролет я увидел, как Карташов подошел к дежурной гостиницы и что-то записал на клочке бумаги, — наверное, сведения обо мне.

Вернемся еще раз к событиям в Герасимовке осенью 1932 года, когда теоретическая база террора против крестьян была узаконена. Политические убийства санкционировались сверху. «В борьбе против врагов Советской власти, — писала «Правда», — мы не остановимся перед зверством». За четыре месяца до убийства Морозовых в Москве было совершено покушение на немецкого посла. Покушавшиеся были задержаны ОГПУ, и было объявлено, что они действовали по приказу Польши. На самом деле они были секретными сотрудниками ОГПУ, и это была инсценировка для разжигания конфликта между Германией и Польшей. Таким же методом, то есть убийцей, направленным ОГПУ, позже был убит лидер партии Киров. Аналогий слишком много, чтобы их перечислить.

За десять дней до убийства Павлика и Феди вышло постановление советского правительства, разрешающее расправляться с кулаками, подкулачниками и спекулянтами на месте, без суда и без права амнистии. Обжалование беззакония запрещалось, на местах узаконивался произвол ОГПУ. Для показательного процесса на Урале требовалось показательное убийство. А в Герасимовке, где районному аппарату Секретно-политического отдела надо было организовать процесс, уголовного дела не произошло. Крестьяне были мирными, убивать друг друга не хотели, и им надо было помочь.

Попытаемся представить себе, как было осуществлено убийство.

Следствие, пресса и суд немало потрудились, чтобы способ убийства (один нож, два ножа, палкой, обухом топора и т. д.) и количество убийц остались невыясненными. Криминалисты и патологоанатомы, которых мы ознакомили со всеми имеющимися в нашем распоряжении материалами, утверждают, что непосредственный убийца, судя по ряду прямых и косвенных улик (способ убийства, действия после преступления и пр.), был один. Факт тем более весомый, что он противоречит всей логике следствия, стремившегося сделать виновными группу лиц. Вопрос в том, кто был этот один.

Итак, из Тавды в Герасимовку для выполнения специального задания направляется должностное лицо особого отдела, которое для простоты мы будем именовать «исполнителем».

Чтобы в Герасимовке его не видели, исполнитель останавливается в соседнем селе, в часе езды верхом, под предлогом расследования там уголовного преступления (которым он не занимается). Хотя исполнителю в принципе известно, что по будущему процессу пойдет семья Морозовых (спецзаписка по вопросу террора: «перечисленные неоднократно в рабочих сводках проходили как лица, настроенные антисоветски»), он собирает дополнительную информацию от осведомителей — сам или через подставное лицо. В частности, он узнает об угрозе деда Сергея внуку Пашке, который донес на отца, о том, что мать Пашки Татьяна просила Данилу зарезать ей теленка, мясо которого она повезла в Тавду, о том, что Пашка с братом ушли в лес на Круглый Мошок (место за деревней, где много клюквы), и там, возможно, заночуют.

Эти сведения были получены исполнителем 2 или 3 сентября. Кого убивать, исполнителю было в принципе все равно, лишь бы убийство было зверским. В тот день он отправился в лес, без особого труда разыскал детей и убил их, скорее всего, проколов их штыком винтовки, не слезая с лошади, чтобы не оставлять отпечатков подошв. Подбежавшего младшего мальчика исполнитель уложил ударом приклада, отсюда упоминавшийся след от удара на теле и рваные раны, по-видимому, от штыка.

Выждав время в соседнем селе, 4 сентября исполнитель вызывает к себе осведомителя из Герасимовки и сообщает ему, что в ОГПУ поступили сведения о политическом убийстве в

Герасимовке. Исполнитель и осведомитель отправляются на место убийства, где составляют «Протокол опроса по делу N—...». Исполнитель приказывает осведомителю в силу важности преступления молчать о случившемся, пока не поступит особое распоряжение.

В течение последующих трех суток по тайге прошли дожди.

Теперь конкретные следы преступления смыло. 7 сентября Потупчик, получив указание, организовал шумные поиски детей, и крестьяне (их было по разным оценкам от семи до пятнадцати человек) обнаружили убитых мальчиков.

В деревне началась паника, всеобщий плач, вопли женщин, испугавшихся за собственных детей и готовых отдать хлеб и все что угодно, лишь бы их сохранить. Страх сковал округу. Распространили слух, что будут судить всю деревню целиком за то, что не вступают в колхоз.

Милицонер Титов составил полуграмотный «Протокол подъема трупов». Он и сельсовет пытаются вызвать следователя из Тавды, но оттуда поступает неожиданная команда захоронить убитых без формальностей. После этого в деревне открыто появляется исполнитель и совместно с Титовым и своим осведомителем проводит обыски у ничего не подозревающих Морозова, Силина и Кулуканова.

Зоя Кабина вспоминала: «Никакого закона не было. Вошли в избу и сказали деду: «Давай ножик, которым убивал». И сами взяли его из-за иконы». Между тем нож для резки животных всегда там лежал, о чем внуку-осведомителю было известно, и Данила, зарезав теленка, положил нож на место. Позже в печати этот хозяйственный нож был превращен в финский, то есть профессиональное орудие убийства. В качестве улики при обыске забрали и одежду, которую Данила забрызгал кровью теленка, а бабушка не постирала. (К обвинительному заключению, составленному позже в ОГПУ, прикладывались нож, штаны и рубаха с пятнами крови, экспертизы которых не производилось.)

После арестов и оформления протоколов первых допросов миссия исполнителя в Герасимовке успешно завершилась, и «кулацкую террористическую банду» переместили в Тавду, где следствие взял в свои руки сам уполномоченный районного аппарата ОГПУ.

В течение двух недель продолжалось полное молчание прессы по поводу случившегося в Герасимовке. Уральские газеты сообщали о расстрелах в Москве служащих за хищения, о том, что газета «Дейли уоркер» обещает сделать Америку советской республикой, о подготовке рабочего класса всего мира к юбилею буревестника революции Максима Горького, о похищении партбилетов таких-то номеров, которые считаются недействительными, о полетах под куполом цирка акробатов Джиовани, и ни слова — об убийстве. Дело согласовывалось и увязывалось в инстанциях. Оно очищалось от ненужных улик, лишних свидетелей и подгонялось под заранее приготовленную для пропаганды форму: «Убийство пионера, представителя советской власти, кулаками и их агентурой».

Через две недели, как мы уже знаем, все обвиняемые «сознались». 17 сентября районный уполномоченный Быков рапортовал в Свердловск начальнику Секретно-политического отдела ОГПУ по Уралу: специальное задание выполнено. В этот же день газета объявила, что следствие закончено.

Теперь Павлик Морозов заполняет собой все средства массовой информации. Начинается «показательное следствие». В Свердловске возмущены теми районными властями, которые «не приняли мер по организации политического протеста против вылазки классового врага», то есть попросту еще молчат. «Никакой пощады классовому врагу», — заявила «Пионерская правда» 2 октября и сразу сформулировала суть подвига и будущий приговор суда: «Активисты пионеры Павел и Федор вскрыли и разоблачили кулацкую шайку, которая проводила в сельсовете вредительскую работу».

Корреспонденты газеты работают «совместно со следственными органами, — информировала читателей «Пионерская правда» 15 октября, — и им удалось установить полную картину преступления». В действительности журналисты даже опередили не только следствие, но и суд. Они в своих статьях доказали вину всех, кто был арестован, не дожидаясь

процесса, и требовали одного наказания для всех — расстрела. Вот названия статей в октябрьских номерах газет за 1932 год:

- «Концентрационный лагерь — за спекуляцию»,
- «Найти и судить виновных в утере тринадцати телят и одной коровы»,
- «Немедленно и сурово судить растратчиков»,
- «10 лет лишения свободы за воровство колхозной собственности».

Газеты печатают списки приговоренных к расстрелу в разных районах страны. Началась «волна народного негодования». Уже печатаются не письма, но списки организаций, проводивших митинги и единодушно требующих «высшей меры». Тысячи мальчиков и девочек, все как один, призывают власти расстрелять взрослых. Суд, назначенный на октябрь, откладывается, чтобы политическая кампания охватила всю страну. Наконец, 29 октября в газете «Колхозные ребята» обобщение: «Пионеры и школьники СССР требуют: расстрелять кулаков-убийц!» В труде писателя Балашова о Павлике Морозове имеется поистине гамлетовская фраза уполномоченного ОГПУ подле трупов Павла и Федора: «Не бережем мы личностей при жизни».

Суд несколько задержался из-за невероятной стойкости обвиняемых, которые упорно отказывались взять вину на себя. Но было бы наивностью полагать, что путаница, ложь и подтасовки — результат несерьезно проведенного следствия. Следы преступления умело ликвидировали с самого начала. Произвол демонстрировался преднамеренно, чтобы создать атмосферу беззащитности и страха. В основном, то есть в политических формулировках, никаких противоречий не было. Организация колхоза в Герасимовке, прием крестьян в партию (Потупчик был среди принятых), массовые собрания по всей стране с резолюциями, осуждающими обвиняемых, демонстрации — все говорит о том, что пропагандистская машина работала как раскручивающийся маховик. Через три недели после процесса праздновался 15-летний юбилей ОГПУ — «недремлющего ока диктатуры пролетариата». Сталин торжественно приветствовал работников тайной полиции, назвав их «обнаженным мечом».

После процесса таинственно исчезали возможности дополнительного расследования убийства Павлика Морозова: сгорел дом, в котором он жил, в лагерях оказались отец Данилы, а также родственник матери Павлика Лазарь Байдаков. Осведомителя Ивана Потупчика и помощника уполномоченного особого отдела Спиридона Карташова отправили в разные концы страны служить в карательных отрядах ОГПУ, занимавшихся жестоким подавлением недовольства.

Чистка коснулась и уральской партийной верхушки. Секретарь обкома Кабаков, руководитель террора на Урале и один из инициаторов создания показательного процесса о кулаках-убийцах Павлика Морозова, был арестован в 1937 году. Рядом с его фамилией председатель Совета народных комиссаров Молотов поставил знак «ВМН», что означало «высшая мера наказания», то есть расстрел. Уральский город Надеждинск на реке Какве, переименованный в царствование Кабакова в Кабаковск, два года жил без названия. Потом город назвали по имени героя-летчика — Серов.

После смерти Сталина в Тавду поступило указание перенести могилу братьев Морозовых с кладбища под окна правления колхоза в Герасимовке. Вышедший на пенсию работник райисполкома, принимавший участие в перезахоронении, рассказал нам, что обычное для таких случаев торжественное перенесение праха героев на этот раз выглядело странно.

Операцию назначили секретно, на ночь, так как боялись волнений в округе. Сколотили один ящик, куда в свете автомобильных фар сотрудники КГБ лопатами побросали все найденное в старой могиле, где лежали два гроба. Скелеты рубили лопатами, и кости обоих детей перемешали в одном ящике. Переносили его в темноте, под усиленной охраной. Другой очевидец нам рассказал, что один череп потеряли, и школьники играли им в футбол. Опущенные в новую глубокую яму остатки пионера-героя и его брата были залиты двухметровым слоем жидкого бетона, на котором поставили скульптуру мальчика в пионерском галстуке. Перенос останков

таким способом был санкционирован теми, кто начал опасаться подлинного расследования дела. Теперь ревизия могилы невозможна.

Об изъятии или засекречивании в архивах дела Морозова мы уже говорили. Даже местные газеты с наиболее важными материалами, связанными с процессом, в библиотеках Москвы и на Урале отсутствуют. Достать их нам помогли наши добровольные помощники. С ними мы откровенно обсуждали, кто же все-таки совершил убийства в Герасимовке.

Как уже заметил читатель, в картине убийства, нами выше набросанной, реальные имена осведомителя, уполномоченного ОГПУ и исполнителя (то есть профессионального убийцы) опущены, хотя весьма прозрачно проглядываются. Опущены имена потому, что это лишь гипотеза, в которой есть значительный процент вероятности, но — не окончательный ответ. Для того, чтобы вписать имя убийцы, у нас недостаточно доказательств.

Потупчик и Карташов отрицательно отвечали на все вопросы, их компрометирующие. Титова и Быкова мы не застали в живых. Можем добавить то, что говорили нам некоторые свидетели. Учительница Позднина: «Карташов — страшный человек, а больше ничего не скажу». Врач психиатрической больницы, в которой лежал Карташов: «Он на себя наговаривал, как он детей штыком колот и на лошади топтал». Но и это не доказательства.

Оставим окончательный приговор тем, кто сумеет раскопать дело об убийстве Павлика Морозова глубже нас. Наверняка ясно одно: кто бы ни был исполнителем, убийство либо совершено руками ОГПУ, либо им спровоцировано. Преступные действия ОГПУ остаются даже в том случае, если удастся доказать, что убийство двух мальчиков совершено родственниками из мести доносчику. Сотрудники тайной советской полиции сделали все, чтобы это убийство состоялось.

Пока мы не знаем всех секретных документов по делу об убийстве Павлика Морозова, не знаем и всех лиц, этим делом занимавшихся. Но, кроме упомянутых следователей, можем назвать еще пятерых организаторов дела N—374. Это уполномоченный второго отделения Секретно-политического отдела полномочного представительства ОГПУ по Уралу Шепелев, временный начальник того же отделения Воскресенский, начальник Секретно-политического отдела Прохоренко и заместитель начальника ОГПУ по Уралу Тучков. Их подписями скреплены итоги труда ОГПУ — обвинительное заключение по делу Морозовых. Наконец, нужно прибавить тогдашнего начальника Уральского ОГПУ Решетова.

Все они в 30-х годах проживали в Свердловске и Нижнем Тагиле. Кто из них уцелел, мы не знаем. Это они — подлинные герои сложившейся системы, участники реальной, а не придуманной государственной террористической организации. Вряд ли их будут когда-нибудь живых или посмертно судить, но мир должен знать их имена.

Глава восьмая. МИФ: ОБРАЗЕЦ НОВОГО ЧЕЛОВЕКА

Можно считать доказанным, что при жизни Павлика Морозова никто героем не считал. Ни слова о его подвигах написано не было. Никто за пределами деревни о его существовании не знал. Смерть его героической также никак не назовешь. Убийство было совершено не с целью сделать из мальчика мученика-героя, но для запугивания крестьян и ускорения коллективизации. Морозов стал героем потому, что такой герой понадобился. Аппарату пропаганды предстояло создать образец человека, наделенного нужными качествами, эталон, по которому можно оценивать пригодность людей и делить их на своих и врагов.

В тот самый день, когда в Тавде открылся показательный суд над убийцами Морозова, в Москве начался пленум Центрального комитета комсомола. На нем говорилось об идеологической подготовке юношества к служению партии, о воспитании преданности. Эту установку дал от имени Сталина выступивший на пленуме член Политбюро Павел Постышев. «Павлик должен быть ярким примером для всех детей Советского Союза», — заявил в докладе заместитель председателя Центрального бюро юных пионеров Василий Архипов, и «Пионерская правда» это опубликовала.

Имя Морозова зазвучало с трибун съездов и совещаний. ЦК комсомола разработал план пропаганды подвига Морозова. В декабре выходит специальный бюллетень ТАСС N—50 «Всем комсомольским и пионерским газетам Союза». Сверху спущен приказ «обеспечить написание сценария для кинофильма и пьес для детских театров», издание книг и плакатов о пионере-герое Морозове. Все это означало, что простым усилием воли руководителей партии один из двух зарезанных в Герасимовке мальчиков воскрес из мертвых и начал свою новую жизнь.

«Пионерская правда» сообщила, что собраны десятки тысяч рублей на самолет «Павлик Морозов», предлагалось организовать сбор средств на постройку танка имени героя. Весь 1933 год в детской и юношеской прессе страны проходил не в борьбе с кулачеством (с ним было в основном покончено), но в воспитании преданности так называемого третьего поколения партийному руководству.

По Ленину следовало «строить коммунизм из массового человеческого материала, испорченного веками и тысячелетиями рабства». Ленин требовал переделывать этот испорченный человеческий материал. Сталин упростил задачу и начал ликвидировать испорченный материал. Этим испорченным материалом были те, кто мешал Сталину. Начал он с первого поколения старых большевиков, занимавших государственные посты. Второе поколение, воспитанное до революции, тоже несло груз отживших моральных принципов. У порога стояло третье поколение, родившееся в послереволюционные годы. Именно они, сверстники Павлика Морозова, и предназначались для того, чтобы выполнять любые указания вождя.

Старых моральных критериев эти молодые люди не знали. Они не имели возможности сравнивать и всегда были «за», готовые, как предлагала популярная песня тех лет, «петь и смеяться, как дети, среди упорной борьбы и труда». Пропагандистские формулы гипнотизировали: «Модель трактора мы заимствовали у Америки, — писал в «Комсомольской правде» Илья Эренбург. — Но наши трактористы — модели новых людей, которых не знает старый мир».

Заместитель наркома просвещения, вдова Ленина Надежда Крупская, требовала «получить определенный тип человека». Нарком просвещения Анатолий Луначарский с трибуны Всероссийского съезда педагогов так разъяснял сущность задач большевистского воспитания: «Поскольку государство является военной диктатурой, в нем нельзя проводить гуманитарных начал, тех начал, которые являются основой нашей веры. Практиковать сейчас добро и человечность — предательство, нужно сначала с корнем вырвать врагов». Пропаганда ненависти, направленной на классовых врагов, на родственников и соседей, и обучение бдительности, то есть постоянной подозрительности ко всем людям, включая отца и мать, стали фундаментом этой новой системы воспитания.

За полгода до убийства Морозова, 13 февраля 1932 года, газета «Дружные ребята» вдруг решила изменить название. Приведем объяснение редакции: «Дружные — плохое название, — заявили ребята. — Ведь мы не дружим с кулаками. А по названию газеты получается, что мы дружим со всеми». Через несколько дней газета вышла под названием: «Колхозные ребята б. Дружные». Согласно разъяснению заместителя председателя Центрального бюро юных пионеров Архипова в «Пионерской правде», основная задача пионерской организации — «воспитывать ненависть». Морозов стал образцом для воспитания ненависти к врагам партии. Первое художественное произведение о Морозове поэта Михаила Дорошина называлось «Поэма о ненависти». Новое поколение приучалось к тому, что оно живет в стане врагов, что дети должны с детского сада разоблачать троцкистов, кулаков и шпионов. И в наши дни, переиздавая книгу о Морозове, Солoméин назвал первую главу весьма недвусмысленно: «Не всякий брат — брат».

Молодой лидер комсомола Александр Косарев говорил с трибуны: «У нас нет общечеловеческой морали. Мораль — классовая. Наша мораль — это та, что взрывает капитализм, уничтожает его остатки, укрепляет диктатуру пролетариата, двигает вперед строительство социализма».

Создавалась кастовая мораль взамен отмененной общечеловеческой. Этой новой моралью отменялись стыд, совесть, жалость, сострадание, великодушие, доброжелательность, сопереживание, терпимость — то есть оттенки, которые и составляют особенность человека, отличие его от зверя. Но зверь никогда не предаст, не донесет. Что же это тогда — новый человек?

Показательный процесс по делу об убийстве Павлика Морозова освещался в газетах с частым использованием известного афоризма Максима Горького: «Если враг не сдается, его уничтожают». Так имя Морозова с первых публикаций оказалось рядом с именем основоположника социалистического реализма, назначенного в начале 30-х годов главным инженером душ третьего поколения новых советских людей. В статье «О старом и новом человеке» Горький писал: «В Союзе Советов растет новый человек, и уже безошибочно можно определить его качество. Он обладает доверием к организующей силе разума (к диктатуре, по-видимому. — Ю.Д.) — доверием, которое утрачено интеллигентами Европы, истощенными бесплодной работой примирения классовых противоречий».

Горький писал, что «масса все более героизируется». Его теорию надо было подкрепить практикой. «Пионерская правда» и другие газеты обращались с призывами к писателям показать пионера-героя Павлика Морозова. И Горький тоже обратил на мальчика внимание. Помог ему в этом молодой журналист из провинции Соломеин, которого мы многократно цитировали выше. Именно Соломеин создал первую версию мифа о Павлике Морозове.

В автобиографии, предоставленной нам его дочерью, Соломеин писал, что происходит из середняков, но его отец имел две лошади, а такие считались кулаками. Мать его потом вышла замуж за кулака. Отчим жестоко избивал Соломеина, а потом убил его мать. Соломеин беспризорничал, жил в детских колониях. Образование получил трехклассное. Он был учеником столяра, рабочим бойни и махорочной фабрики, копал канавы, работал рассыльным, пока в 30-м году не был послан как кандидат в члены партии в колхоз в числе двадцати пяти тысяч других таких же уполномоченных проводить коллективизацию. Это и было началом его партийно-литературной карьеры.

Он начал писать, и вскоре его взяли в редакцию свердловской газеты «Всходы коммуны», где он дорос до заместителя редактора. После этого Соломеин сменил не менее шестнадцати должностей в местных газетах на Урале и умер от хронической болезни сердца в 1962 году. О мировоззрении Соломеина в какой-то мере можно судить по его сравнению капитализма и социализма: там бьют детей, а здесь бьют барабаны. Толчком к тому, чтобы сделаться писателем, Соломеину послужило специальное распоряжение Уральского обкома написать книгу о новом человеке — Павлике Морозове. Срок установили — десять дней.

В Герасимовку Соломеин приехал примерно через месяц после убийства. Он был не просто представителем газеты, но и уполномоченным райкома партии по раскулачиванию. Его называют даже председателем колхоза в Герасимовке, но, хотя в музее висит его фотография с соответствующей подписью, это домысел. Собирая материал для книги, Соломеин не надеялся на память, благодаря чему мы получили тщательные записи всего, что он первым увидел в Герасимовке.

К несомненным достоинствам Соломеина следует отнести его равнодушное отношение к жизни, трудолюбие и скромность. В отличие от большинства авторов, Соломеин добросовестно опрашивал людей. Но он был представителем органов пропаганды, имеющих определенную задачу. Честный интервьюер, он записывал подчас и то, что работало против героя. Партийный журналист, он рапортовал только о подвигах пионера-доносчика.

В воспоминаниях Соломеина, относящихся к жизни в Герасимовке, имеется второй герой-доносчик, и читать о нем не менее интересно, чем об официальном герое Павлике Морозове.

Соломеин искренне рассказывает, как после смерти Павлика из-за отсутствия доносов стало трудно выполнять хлебозаготовки. Тогда он стал искать в деревне доносчика, который заменил бы Морозова. Васька Карлович был дурашковат и пьянчуга. «Только через неделю,

после неоднократных разговоров, Васька согласился помочь сельскому совету найти кулацкий хлеб. По утрам приходил ко мне в квартиру или в сельсовет и рисовал в моем блокноте план с надписями: «Конюшня. Десять шагов по направлению к бане». Или: «Баня. Восемь шагов вправо, к большой сосне». Я перерисовывал эти планы своей рукой на маленьких листочках и передавал их членам комиссий сельсовета. Комиссии приходили во двор кулака, заглядывали во все уголки и в конце концов, как правило, «случайно обнаруживали» яму, наполненную хлебом. В красных обозах имени Павлика Морозова, которые мы направляли в Тавду один-два раза в неделю, было немало возов, найденных в ямах».

Доносил Васька, простодушно объясняет Соломеин, не от любви к советской власти, а за бутылку водки. Соломеин скрывал имя личного соглядата и говорил, что у него «сорок помощников-пионеров», то есть, вообще-то, подвергал детей риску разделить участь Морозова. Следом за конфискацией хлеба шли процессы, на которых общественным обвинителем выступал сам Соломеин, а каждый крестьянин, укрывший хлеб, получал причитающиеся ему пять или десять лет лагерей. Соломеин ходил по деревне с пистолетом в кармане, а когда ему пригрозили, стрелял и ранил крестьянина. Он же арестовывал людей, которые заглядывали в окна сельсовета, — по подозрению в покушении на него, журналиста, а по совместительству — уполномоченного райкома. Эти воспоминания Соломеина опубликовала газета «Тавдинская правда» к очередному юбилею подвига Павлика Морозова.

Как видим, первому биографу Павлика Морозова пришлось не только создавать светлый образ доносчика в литературе, но и самому заниматься доносительством, что он успешно совмещал. Однако с первой книгой Соломеину не повезло. Он написал «В кулацком гнезде» за двадцать дней и ночей и — за опоздание на десять дней — получил партийный выговор. Издавали книгу поспешно, о чем свидетельствует множество корректорских ошибок. Книга была быстро издана на других языках народов СССР. Отрывки из нее печатались в Париже, в журнале компартии «Мон Камрад». Соломеин послал книгу в дар вождю пролетарских писателей Горькому и еще нескольким писателям. Ответил ему только Горький, причем сразу.

Известно, что основоположник соцреализма охотно хвалил ничтожные и полуграмотные книги, если они принадлежали перу пролетарских авторов. Какой бы неумелой ни была книга «В кулацком гнезде», она, казалось бы, как нельзя более кстати иллюстрировала задачи, поставленные перед новой литературой, и отвечала призывам самого Горького. И вдруг: «Плохая книжка; написана — неумело, поверхностно, непродуманно... Героический поступок пионера Павла Морозова, будучи рассказан более умело и с тою силой, которая обнаружена Морозовым, — получил бы очень широкое социально-воспитательное значение в глазах пионеров. Многие из них, наверное, поняли бы, что если «кровный» родственник является врагом народа, так он уже не родственник, а просто — враг и нет больше никаких причин щадить его».

Далее критика Горьким книги приобретает сатирический характер: «Читатель, прочитав ее, скажет: ну, это выдуманно, и — плохо выдуманно! Материал оригинальный и новый, умный — испорчен. Это все равно, как если б вы из куска золота сделали крючок на дверь курятника или построили бы курятник из кедра, который идет на обжимки карандашей».

Зубодробительный ответ корифея советской литературы, опубликованный много раз, закрыл Соломеину пути в издательства, заставил десятилетиями думать, как переписать книгу, чтобы герой «соответствовал». Переделать книгу Соломеину мешала катастрофическая безграмотность. Уже немолодым он делал упражнения по школьным учебникам русского языка, но издательства отвергали его рукопись из-за недостаточного количества запятых. Перед смертью он с помощью журналистки-дочери и бойкого собрата по перу снова переписал книгу. Освеженная легенда вышла под названием «Павка-коммунист».

Горький отчитал Соломеина за то, что тот не обобщил черт нового героя. А Соломеину мешало, что он слишком хорошо знал подлинные события и был неопытен в умении их извращать. Последующие авторы предпочитали поменьше соприкасаться с живыми фактами и просто конструировали образ Морозова, каким он должен быть. К этому с опозданием пришел и Соломеин.

Через месяц после письма Соломеину центральные газеты выходят со статей Горького, в которой в совершенстве сделаны обобщения, оказавшиеся не под силу провинциальному журналисту. «Борьба с мелкими вредителями — сорняками и грызунами — научила ребят бороться и против крупных, двуногих. Здесь уместно напомнить подвиг пионера Павла Морозова, мальчика, который понял, что человек, родной по крови, вполне может быть врагом по духу и что такого человека — нельзя щадить».

Устами Горького партия провозглашала, что главное теперь — выявлять двуногих вредителей, врагов по духу в среде своих родных и близких, а это значит — подозревать, следить и сообщать. Отныне главным героем Страны Советов провозглашался не маленький борец за коллективизацию, а — доносчик.

По странности человеческой судьбы статья Горького появилась как раз в то время, когда по Москве поползли слухи, что его сын Максим Пешков завербован и сообщает личному секретарю писателя чекисту Петру Крючкову, о чем отец беседует дома в отсутствие своего помощника. Об этих разговорах у Горького докладывалось главе ОГПУ (с 1934 года — НКВД) Генриху Ягоде и лично Сталину. Чуть позже Максим, по официальным данным, был умерщвлен врагами партии. Два года спустя та же участь, если верить печати 30-х годов, постигла Горького, затем публично судили и расстреляли его секретаря Крючкова и Ягodu.

После статьи Горького миф обогащается: деревенского мальчика-доносчика газеты стали называть «непримиримым бойцом за дело рабочего класса». «Память о нем не должна исчезнуть, — заявил Горький, — этот маленький герой заслуживает монумента, и я уверен, что монумент будет поставлен». Уверенность Горького, полагаем, исходила не от него самого: не сам же он решил воздвигнуть монумент в центре Москвы. А уже начался сбор средств среди детей на постройку памятника Павлику Морозову. Рядом с Тверской, главной московской улицей, переименованной к этому времени в улицу Горького, в столице предстояло вознестись фигуре пионера-доносчика, который оказался в центре внимания Первого съезда советских писателей, торжественно открывшегося в августе 1934 года.

Вопрос о Морозове возник сразу после приветствия, которое писатели направили Сталину. Горький обратил внимание писателей на то, что «рост нового человека особенно ярко заметен на детях». После содоклада Самуила Маршака о детской литературе совершился ритуал приветствия участников юными пионерами. Опубликованный стенографический отчет и газетные статьи сильно отличаются, поэтому сведем их здесь вместе.

От имени пионеров Сибири выступила пионерка Алла Каншина:

«Алексей Максимович совершенно правильно сказал, что Павлику Морозову памятник нужно поставить. Нужно это сделать, и мы, пионеры, этого добьемся. Мы уверены, что вся страна нас поддержит. Павлик Морозов заслужил этого. Где еще в мире вы найдете, чтобы страна ставила памятники ребятам? Слышали мы, что где-то за границей есть один-единственный памятник: голый парнишка стоит около фонтана. Вот война была, и на него надели генеральский мундир. Что может сказать этот памятник? Ничего. А наш памятник будет звать всех нас, ребят, к героизму. (Аплодисменты.) Товарищ съезд, организуем это дело! Поставим памятник! (Продолжительные аплодисменты)».

Как возникают подобные детские инициативы, читатель знает не хуже нас.

Согласно отчету в «Комсомольской правде», девочка заявила с трибуны: «А ведь у нас таких тысячи!» Далее газета пишет: «Тут же вносится предложение президиума немедленно организовать сбор средств на памятник отважному пионеру Павлу Морозову. Алексей Максимович берет стопку писчей бумаги и пишет: «На памятник пионеру-герою Павлу Морозову. М. Горький — 500 р.». Горького окружил весь президиум. Лист покрывается длинной вереницей фамилий».

В «Пионерской правде» дело описывается иначе. После обращения девочки не Горький, а Николай Тихонов «предлагает немедленно начать сбор средств... Максим Горький первым вносит 500 рублей, затем подписывается Демьян Бедный, персидский поэт Лахути, Тихонов и другие делегаты съезда». В заключительном слове Горький не забыл мальчика, усыновленного

Союзом писателей, и опять просил правительство разрешить союзу литераторов поставить памятник герою-пионеру.

Основной задачей советской литературы с начала 30-х годов становится внедрение в сознание общества стереотипов поведения, требующихся власти в данный момент. Едва Павлик Морозов был предложен, писатели поспешили доказать свою преданность и готовность на все. Им показалось, что монумент сделать быстрее, чем написать книги, и монумент будет выглядеть эффектнее. Эталоном нового человека и положительным героем эпохи социализма был провозглашен предатель, подобный тем, кого Данте поместил в девятый круг ада.

После Первого съезда писателей процесс создания моделей новых людей принял индустриальный размах. Детскую литературу в печати называли в те годы «школой ненависти». Не художественные качества книги, а соответствие требованиям сделалось главным критерием литературы. Павлик Морозов стал основной моделью для создания положительного героя. «Писатели стараются написать о Павлике Морозове такую книгу, — позже объяснил суть дела поэт Александр Яшин в «Комсомольской правде», — чтобы она показала лучшие, типичные черты наших детей, стремятся создать образ пионера, которому бы подражали поколения советских ребят».

Перед смертью в 1936 году Горький опять вспомнил о Морозове: «Это одно из маленьких чудес нашей эпохи». Человечеству было известно только семь чудес света. Горький разглядел восьмое — маленького доносчика. Но были в жизни знаменитого писателя и другие времена, когда он иначе оценивал предательство и донос. После февральской революции 1917 года он записал в своем дневнике, а затем опубликовал следующий эпизод. К нему, тогда редактору петроградской газеты «Новая жизнь», пришла милостивая женщина, немного смущенная: «Видите ли, я была агентом охранного отделения... Это очень гадко?» Женщина объяснила, что у нее был роман с офицером, который сделался жандармским адъютантом. В ее квартире собирались разные люди, и она доносила через любовника, о чем они говорили.

«— Вы многих предали?»

— Я не считала, конечно. Но я рассказывала ему только о тех, которые особенно не нравились мне.

— Вам известно, как поступали с ними жандармы?»

— Нет, это не интересовало меня. Конечно, я слышала, что некоторых сажали в тюрьму, высылали куда-то, но политика не занимала меня...»

Великий пролетарский писатель был возмущен. Он молча выслушал исповедь доносчицы, «огромным напряжением воли скрывая тоскливое бешенство». Он думал тогда: «Я знал Гуровича, Азефа, Серебрякову и еще множество предателей... Когда одно за другим вскрывались их имена, я чувствовал, как кто-то безжалостно-злой иронически плюет в сердце мне». Горький не жалеет слов, чтобы раскрыть читателю всю мерзость падения этой женщины: она донесла жандармам на отца, которого не любила за то, что он разошелся с ее матерью. «Разве не я отвечаю за всю ту мерзость жизни, которая кипит вокруг меня, — спрашивает Горький, — не я отвечаю за эту жизнь, на рассвете подло испачканную грязью предательства?»

Полтора десятилетия спустя, в соответствии с новой моралью, тот же Горький призвал увековечить героя Павлика Морозова. Предатель отца стал национальным советским героем.

Глава девятая. ТВОРЦЫ И ЖЕРТВЫ ГЕРОИЗАЦИИ

Едва политический заказ был сформулирован, он начал срочно выполняться. Кроме уральца Соломеина, о котором уже рассказано, были два других очевидца показательного суда над убийцами братьев Морозовых, два столичных конкурента: Губарев и Смирнов. Всю творческую жизнь три указанных автора посвятили созданию мифа о подвиге героя-донсика 001.

В Краткой литературной энциклопедии говорится, что Виталий Губарев участвовал в расследовании дела об убийстве Морозова и опубликовал первые материалы о нем. Как

выяснилось, статью для энциклопедии Губарев написал о себе сам. Приехав после службы в Красной армии в Москву, Губарев начал делать комсомольскую и журналистскую карьеру. Телеграмма с места была опубликована в «Пионерской правде» за подписью Губарева, что и дало ему основание считаться «первооткрывателем героя-пионера». Первая статья Губарева была опубликована 15 октября — на неделю позже статьи Соломеина, а книга вышла позже на несколько лет.

Та же энциклопедия сообщает, что в 1933 году Губарев опубликовал книгу «Один из одиннадцати» (выдумка о том, что в деревне было одиннадцать пионеров). На самом деле, это не книга, а газетная статья. Незадолго до смерти Губарев рассказал нам, что Горький, с которым он встретился в редакции «Крестьянской газеты», поручил ему написать книгу о мальчике-герое. Первый вариант под названием «Сын. Повесть о славном пионере Павлике Морозове» появился в журнале «Пионер». Губарева сделали редактором «Пионерской правды» и за пропаганду подвига пионера Морозова наградили орденом «Знак Почета». В последнее десятилетие жизни писатель издавал назидательные книги о верности детей делу партии. Умер он в 1981 году от инфаркта, причиной которого стал хронический алкоголизм. Позже редактор журнала «Пионер» (столько сделавшего для героизации Павлика Морозова) Станислав Фурин, узнав о доносе на него своей сотрудницы, выбросился из окна кабинета и погиб.

Третьим после Соломеина и Губарева создателем мифа о Морозове был Елизар (точнее — Елиазар) Смирнов. В редакции он носил другое имя, из-за чего мы с трудом нашли знавших его коллег. Смирнов вырос в детском доме, где его называли Вил (аббревиатура имени В. И. Ленина, позже переделанная в Вильям). Настоящее свое имя он узнал уже взрослым. Сын учителя, Смирнов учился в Ленинградском институте журналистики, работал в газетах, в том числе военных, имел чин полковника, награжден орденами. В 1962 году он был найден в своей московской квартире через несколько дней после смерти. Это произошло в один год со смертью Соломеина.

Смирнов, общественный обвинитель на процессе в Тавде, участвовал в редактировании текстов судебных документов, написал ряд статей о Морозове, книгу «Павлик Морозов» и несколько книг о пионерском движении, но на приоритет в создании мифа не претендовал. Более того, в очерке, опубликованном за год до смерти, он отдал пальму первенства другим и даже не упомянул о своей активной роли в показательном процессе. Возможно, этому есть объяснение. В последние годы жизни он общался с Евгенией Гинзбург, репрессированной писательницей, автором самиздатских книг, опубликованных на Западе, и начал что-то понимать. Но в 30-е годы именно Смирнов оказался не только главным «мифотворцем», но и основным поставщиком информации для других авторов, в частности, когда героем Морозовым занялся по заказу детского издательства маститый писатель Александр Яковлев.

Яковлев взялся за тему позже других, в преддверии 1937 года. Он «жадно искал в человеке лучшее», по выражению писателя Вл. Лидина, сделавшего предисловие к другой книге Яковлева. Мы можем только догадываться о причинах, по которым тот, кто жадно искал в человеке лучшее, пришел к воспеванию доноса.

До революции активный член эсеровской партии, он дважды арестовывался и пробыл в ссылке пять лет. Глубоко религиозный человек, он отказался от веры. Сын неграмотного маляра, Яковлев написал одну из первых книг о большевистской революции — роман «Октябрь», изъятый из библиотек. В повести «Повольники» Яковлев, как говорится в литературной энциклопедии, воспевал «анархическую крестьянскую силу». В 1929 году вышло семитомное собрание сочинений писателя, а после этого вдруг произошла смена декораций. Он стал корреспондентом «Правды», но это не помогло: в середине 30-х годов Яковлева перестали печатать. Он месяцами жил на даче один, разговаривал с птицами. Лидин вскользь замечает, что писатель возмущался несправедливостью «только в личной беседе». Решение Яковлева взяться за книгу «Пионер Павел Морозов» было ускорено многочисленными арестами в Союзе писателей.

Яковлев в Герасимовке не был и не скрывал, что делает компилятивную книгу. Сын Смирнова в беседе с нами вспоминал: помогая Яковлеву, отец, смеясь, приговаривал: «Он художник, а мы поденщики». Позже Яковлев написал несколько книг с названиями вроде: «Великие стройки коммунизма». Писатель умер в один год со Сталиным, могила Яковлева затерялась на кладбище.

К описанию подвигов Павлика Морозова были подключены десятки творческих работников в разных сферах искусства. Писать о нем начинали Демьян Бедный и Александр Твардовский. Что им помешало, мы не знаем. Большинство авторов использовало для своих сочинений о героическом ребенке публикации указанной четверки мифотворцев. Периодически между авторами вспыхивали ссоры.

В Архиве Соломеина сохранилась рукопись статьи «Творческий метод писателя Яковлева». «Странное дело, — писал Соломеин, — ни один автор не удосужился выехать на место происшествия, поговорить с героями, изучить быт жителей Герасимовки, нравы. Читаешь рассказы, повести и пьесы о Павлике и с грустью констатируешь, что тут больше вымысла, чем исторической правды». Соломеин перечислял жителей Герасимовки, которые выдуманы Яковлевым, приводил примеры: «Апрель, как всегда в Зауралье, стоял светлый. Вереницами летели на север гуси, утки, журавли. На озере Сатоково останавливались лебеди». Соломеин добавляет, что эти строки у любого жителя деревни вызвали бы смех: в апреле в Герасимовке нередки тридцатиградусные морозы. Соломеин потешался над тем, как Яковлев описывал Павлика Морозова, и делал вывод: «Это манекен, который только и говорит о колхозе и мировой революции. У него нет ни одной отрицательной черты». Сопоставляя абзацы из своей книги «В кулацком гнезде» и книги Яковлева, Соломеин обвинял Яковлева в плагиате.

Друзья Соломеина советовали воздержаться от скандала. В этом был резон: Соломеин и сам заимствовал целые абзацы у коллег. Его Павлик Морозов тоже в изрядной степени походил на манекен. А главное, конфликт невольно затрагивал официального героя, и это могло кончиться печально для его участников. Статья осталась неопубликованной, да и вряд ли ее разрешили бы напечатать. Но обиду Соломеина понять можно. Вынужденный умолкнуть после разгромной горьковской рецензии, Соломеин из глуши наблюдал, как предприимчивые столичные авторы наживали капитал на «его» героя.

Яковлев издал и переиздал книгу о Морозове, а затем написал пьесу. Смирнов издал книгу «Павлик Морозов. Жизнь и борьба отважного пионера». Губарев благодаря служебному положению (редактор центральной газеты) публиковал бесконечные варианты одной и той же повести о Морозове для детей младшего, среднего возраста, для семилетней школы, для нерусских школ, для дошкольников. Книга Губарева переиздавалась в десятках городов советской страны, а также неоднократно в Праге, Братиславе, Будапеште, Бухаресте, Софии. В театрах широко ставилась его пьеса.

Используя личные связи в верхах, Губарев пресек все возможности для Соломеина печататься в Москве, прекратил переиздание книг Яковлева и Смирнова и стал таким образом монополистом, поставив героя на конвейер: перечень изданий губаревского «Павлика Морозова» (под разными названиями) занимает несколько страниц. В последних книгах Губарев изображал себя в качестве следователя. Этот следователь очень напоминал барона Мюнхгаузена. Губарев в «Пионерской правде» писал: «Жизнь, борьба и смерть Павла Морозова займут славную страницу в истории». Начал он со страницы, а пришел к тысячам страниц, изданных миллионными тиражами. Павлик кормил писателя до смерти. Затем пробились в печать новая книга Соломеина, издание пошло за изданием. На Урале в маленьком городишке мы зашли в книжный магазин. Там продавалась только одна книга, и ею были заставлены все полки. Это был соломеинский «Павка-коммунист».

Сопоставим теперь сведения о Морозове: каким он был в жизни и каким оказался в книгах. Другими словами, как создавали миф.

Когда пришло сообщение о смерти пионера Морозова, газетам потребовалась фотография. У матери таковой не нашлось, но у жителей деревни отыскивали групповой снимок учеников, сделанный заезжим фотографом за два года до убийства детей. Как ни удивительно, именно этот единственный реальный портрет никогда до нашей книги не публиковался. В облике Павлика тут нет ничего героического, а слева от него стоит его официальный будущий убийца Данила с красным флагом в руке.

Изображение мальчика вырезали из общей фотографии и послали в редакцию. Там, как вспомнила тогдашняя сотрудница «Пионерской правды», решили, что это фотография трупа. Для большей убедительности ретушер соскоблил расстегнутую косоворотку и подрисовал голую шею. В номере от 15 октября 1932 года так и написали: «Убитый кулаками пионер Павлуша Морозов». На групповой фотографии Морозов совсем ребенок, хотя ему уже одиннадцать. В это время отец его еще не был арестован. Павлик в огромной отцовской фуражке. У него большие печальные глаза.

Вырезанная из школьного снимка голова Морозова начала самостоятельную жизнь. К ней пририсовали спортивную майку, воротник шинели, курчавые волосы, затем руку, держащую книгу с символическим названием «Новый путь». Во втором издании Большой советской энциклопедии Павлик уже в новой фуражке, белоснежной рубашке и пионерском галстуке — форме, введенной в школе по приказу Сталина после Второй мировой войны. Выражение лица улучшено в соответствии с мифической ролью главного пионера страны.

Любопытная фальшивая фотография выставлена в Тавдинском музее. На первый взгляд, это фрагмент известной школьной фотографии. Но сам Морозов старше, выражение лица из угрюмого стало оптимистически-целеустремленным, на шее пионерский галстук. Фальшивка в чистом виде.

Реальный Морозов не годился для мифа. Вот почему в редакциях подбирали изображения, которые казались более подходящими для образа героя. Например, через 35 лет, 27 августа 1967 года, газета «Тавдинская правда» под заголовком «Публикуется впервые» внесла свой вклад в миф: «Перед нами подлинная фотография Павлика Морозова. Семейный снимок, на котором запечатлен герой-пионер, был обнаружен в архивах свердловской фотохроники...» Учительница Кабина видела даже фальшивые фотографии судебного процесса над отцом, Трофимом Морозовым: «Мне присылали фото суда. Сидит учительница — липовая, и Павлик разоблачает отца — липовый. Просили подписать где кто. Но это была ложь».

Как же выглядел пионер 001? Павлик был сероглазый, глаза блестящие (Кабина в рассказе Соломеину, 1932 год), с темными глазами (Кабина в рассказе нам, 1981 год), черноглазый (Губарев, «Пионерская правда» 15 октября 1932 года), голубоглазый (тот же Губарев в той же газете 3 сентября), голубоглазый и черноглазый (на этот раз Соломеин в газете и в личных записях), кареглазый (писатель Коряков, предисловие к книге Соломеина «Павка-коммунист»). Имеются более общие описания: «Ясные, очень честные, очень смелые глаза». Все Морозовы были крупные, высокие, как вспоминают их знакомые. А Павел? Он был небольшого роста (Кабина), маленький и худенький от голода (Татьяна Морозова), высокий ростом (Соломеин), «костлявый да длинноногий — лучший бегун в деревне» (Губарев). «У Павлика было на правой щеке родимое пятно размером с ноготь», — вспоминает Морозова. Губарев для придания мужества нарисовал Павлику шрам над правой бровью.

В книгах и статьях находим множество разночтений, касающихся цвета волос, голоса, одежды героя. О Павлике написано, что он ходил в дядиной фуражке, отцовской размахайке, папахе, картузе с высокой тульей и шапке-ушанке — одно ухо оторвано. Запутываясь в выдуманных подробностях, авторы переходили к общим описаниям вроде: «Очень славный и вполне обыкновенный паренек» (писатель Коряков), или: «Каждый школьник чем-то на него похож» (поэт Дорошин). С годами источников для проверки мифа становилось все меньше. Многие, знавшие его, черпают подробности для воспоминаний из книг. «Учился Павлик хорошо, — пишет учительница Исакова в газете «Тавдинская правда» через тридцать пять лет. — К

урокам относился серьезно. Был очень дисциплинированным. Он очень любил своих братьев. Павлик заботился о Феде, следил, чтобы он был тепло одет». Кабина, которая знала его лучше других, утверждала обратное: «Помогать в учебе он не помогал другим, он и школу-то посещал редко...»

В блокноте Соломеина читаем: «Любил хулиганить, драться, ссориться, петь песни нехорошие, курил». В печатном тексте проблема «курил ли Павлик» будет выглядеть так: «Бывало, соберемся вместе, кто-нибудь из ребят возьмет папироску, а Павлик теревит его за рукав: «Брось, не надо, куренье вредит здоровью»».

На наш вопрос: «Как Павлик проводил досуг?» — учительница Кабина отвечала: «Любил играть в карты на деньги». А на вопрос: «Какие пел песни?» — «Всекие. С ребятами заворачивали блатные». Учительница вспоминала, что Павел любил дразнить, травить кого-либо: «Сколько ни уговаривай, отомстит, сделает по-своему. По злобе часто дрался, просто из склонности к ссорам». Родственник Морозовых Лазарь Байдаков, беседуя с нами, подвел итог так: «Павлик был просто хулиган. Ходил по деревне переросток-оборванец, всегда голодный, от этого злой, и искал где бы нашкодить. Вот все его и ненавидели».

Пионерская униформа, галстук, ботинки — все это миф. Морозов ходил в лаптях. «Пальто, — говорила Кабина, — рваное, старое, отцовское». «Павлика звали в деревне «срака драная» и «голодранец», — вспоминала мать Татьяна Морозова. «Если честно сказать, Павлик был самый грязный из всех в школе, не мылся, — говорила нам его одноклассница Матрена Королькова. — Дети в семье Морозовых, когда ссорились или просто развлекались, обычно мочились друг на друга и так шли в школу. От Павлика всегда нестерпимо воняло мочой. Губарев сочинил, что мы с Павликом мечтали пожениться. Вы только подумайте!»

Учебник в руках Павлика на фотографии дал авторам возможность изобразить его ненасытным читателем, эрудитом, идейным вожаком детей и взрослых, полпредом новой власти в деревне. Газеты называли разные любимые им революционные стихи и песни, благодаря которым, как писал поэт Александр Яшин в «Комсомольской правде», Павлик почувствовал «с детства всей своей чистой душой великую правду и благородство идей партии Ленина-Сталина». Отметим, что после смерти Сталина Яшин написал весьма откровенный и мрачный рассказ о деревне «Рычаги», запрещенный на долгие годы.

Обычные качества, свойственные любому подростку, такие, как самоуверенность, стремление отстаивать свое мнение, категоричность оценок, авторы переносили в область политики и говорили об убеждениях Морозова, его преданности партии, идеологической зрелости. Писатель Коряков: «Он был ярым, воинствующим правдолюбом».

Немало написано о беззаветной храбрости мальчика. По свежим следам Соломеин писал в газете «Всходы коммуны», что Павел, бросив Федора, первым побежал от убийц. «Бежать! И Павел бросился в чашу осинника. Он хотел напрямик выбежать в поле. Недалеко убежал. Всего несколько метров. Кулацкий нож вонзился в его шею. Прежде чем вскричать, Павел услышал предсмертный крик Феде». В последующих изданиях поведение пионера исправлено: не испугавшись убийц, Морозов пытается спасти младшего брата; приняв удар на себя, дает Феде возможность убежать, но это не удается.

Иногда авторы лгали преднамеренно. В речи на суде корреспондент газеты «Пионерская правда» Смирнов неожиданно заявил, что Морозову было пятнадцать лет, хотя до этого сам указывал меньший возраст. Почему? Да потому, что он привел известную цитату из Ленина: «То поколение, которому сейчас пятнадцать лет, оно увидит коммунистическое общество». Для пущего эффекта Смирнов просто подогнал возраст Павлика к ленинской цитате: «15-летний герой... убит».

Газеты требовали новых материалов о герое, а взять их было неоткуда. Приходилось сочинять новые подробности. Губарев рассказывал в «Пионерской правде», как беспощадный к врагам Павлик одновременно «по-товарищески относился к окружающим, заботливо разъяснял ребятам и взрослым, в чем их ошибки...». Смирнов писал, что Морозов «со всей

горячностью и классовой ненавистью разоблачал агитацию классового врага... почти каждый день собирал вокруг себя ребят-школьников и подолгу объяснял им сущность сопротивления классового врага, призывал к борьбе с кулачем, учил ребят вести разъяснительную работу в семьях».

Ребенок разъяснял цели партии, задачи стороительства социализма, проводил читки газет для крестьянок, рекомендовал жителям принять новый Устав сельхозартели и критиковал левые перегибы районных уполномоченных. Весь аппарат Тавдинского райкома партии и Свердловского обкома, если полагаться на миф, не сделал столько, сколько один Павлик Морозов.

Сегодня все это звучит пародийно, но тогда, когда создавался литературно-политический миф, авторы всерьез соревновались в придумывании для убитого мальчика новых заслуг. Между тем реальная жизнь Морозова совсем не походила на ту, что сочинили литераторы.

В реальной Герасимовке и близлежащих деревнях крестьяне перероднились между собой, большинство браков было кровными. В результате нередко появлялись дети с чертами вырождения. Мать Павла была психически больна, сообщения об этом проскакивали в советской печати.

Есть сведения и о том, что Павлик был нервным и неуравновешенным: «У него нервно подергивался подбородок; мальчик немел от судороги, дрожал, сказать ничего не мог» (писатель Губарев). Учительница Кабина Соломеину: «Морозов говорил с отрывками, гавкая, не всегда понятно, на полурусском-полубелорусском языке, вроде: «Гн ведь бальша нэ прыйдеть». Учительница Кабина нам: «Он был щуплый, нездоровый ребенок. О развитии его мало что можно сказать. Какое там развитие!» Учительница Позднина: «Игры товарищей его редко интересовали, он больше сидел в стороне и лишь наблюдал за ними...». Одноклассница Павла Королькова: «Был он слабенький, болел часто. Если бы у него были нормальные условия и мать нормальная, он был бы нормальным». Крестьянин Байдаков: «Павел был недоразвитый мальчик».

Косноязычие, бедный запас слов — это свидетельство позднего и замедленного развития, при котором нарушена познавательная деятельность, а также мотивация поведения. У таких детей больше интереса к тому, что происходит за забором, чем к своим занятиям. За год до смерти Павлик поступил в первый класс. Добавим: в третий раз. Ему было почти тринадцать лет. В середине года учительница перевела его во второй класс, так как он еле-еле научился читать.

В начале 30-х годов советские педагоги считали, что если родители оба малокультурны, то и ребенок растет умственно отсталым. Позже было официально запрещено считать причиной умственной отсталости социальные причины, разрешались только болезни нервной системы. Современные психологи, однако, признают малоразвитыми детей, педагогически запущенных, лишенных надзора, с дурными привычками и склонностями, то есть фактически возвращаются к признанию важной роли социальных факторов. А недоразвитие считают достаточной причиной для зачисления в категорию умственно отсталых.

Умственно отсталый ребенок часто не обдумывает своих действий, не предвидит их результата. Такой ребенок подвластен воздействию ситуации, у него с опозданием формируются духовные чувства: совесть, долг, ответственность. Такого ребенка легко побудить обидеть кого-либо, совершить хулиганский поступок. У Павлика Морозова, судя по рассказам знавших его, наступали периоды угнетенного мрачного состояния, злобы и раздражения, которые сменялись эйфорией: он веселился, дурачился. Затем наступала апатия — потеря детских интересов и привязанностей. Вот почему разные люди указывают на разные черты его характера. Упрямство Павлика отмечается многими авторами, хотя называется по-разному. Отметим также сутяжнический характер и чрезмерную обидчивость.

Живого Павлика Морозова не обследовали невропатологи. По свидетельству матери, его вообще ни разу в жизни не осмотрел врач. Нам хочется считать его здоровым, однако он, по

современной научной терминологии, является трудным, педагогически запущенным подростком из семьи с ненормальным психологическим климатом. Поведение Павлика Морозова было результатом воспитания в условиях неполной семьи, дефектов в нравственной атмосфере, дезорганизованности отношений родителей и детей, безнадзорности, низкой культуры.

Современная педагогика называет три фактора, к которым должно быть привито уважение с детства: личность, закон и собственность. Человек без уважения к этим трем фундаментальным ценностям бытия — потенциальный преступник. В некоторых натурах чужие беды вызывают чувство удовольствия. Понятно, что донос для такого человека есть один из кратчайших путей получить подобное удовольствие.

Именно такой мальчик, превращенный посредством героизации в фанатика идеи, взят советскими психологами за образец для воспитания в детях чувства морального долга. В исследовании современного психолога, например, говорится, что Павлик Морозов в труднейших обстоятельствах поднялся в своем поведении до подлинного, то есть вполне осознанного, самопожертвования.

Однако для авторов, создававших образ героя-доносчика 001 в советском искусстве, все это не имело никакого значения. Вслед за театром, в котором пьесы о Морозове не сходили со сцены до 60-х годов, образ Павлика Морозова начали разрабатывать художники и композиторы.

На выставках появились драматические сюжеты из его «биографии». С холста он перекочевал в симфоническую музыку. Московский композитор В. Витлин создал о мальчике кантату для хора и симфонического оркестра. Ленинградский композитор Ю. Балашкин написал симфоническую поэму «Павлик Морозов». Сошлемся на журнал «Советская музыка»: «Поэма написана в свободной форме, своеобразно претворяющей черты сонатного аллегро». В конце «в высоком регистре флейт вновь, как воспоминание о Павлике Морозове, звучит тема пионерского марша. Слушатель уносит в сердце светлый и мужественный образ юного героя».

В 50-х годах в Москве шла опера Михаила Красева «Павлик Морозов». На сцене звучали лирические песни, переходящие затем в задорные плясовые, арии учительницы и уполномоченного, пионерские хоры. «Зачем его пустил я в пионеры?» — пел арию отрицательный отец героя. Павлик стоял в дозоре, спасая от поджога колхозный хлеб, героя сопровождал хор колхозников:

Что за Пашенька!
Честный, смелый он!
Врагов не испугался,
С отцом не посчитался.
Что за Пашенька!
Скромнен да умен.

Девочки водили хоровод вокруг Павлика, укладывали его в постель и пели ему колыбельную. По ходу действия Павлик случайно находил в кустах оброненную сплетницей Акулиной (вымышленный персонаж) подделанную отцом справку. Павлик отдавал ее учительнице, а та — уполномоченному. Опера восхвалялась за музыку, но критиковалась за сюжетный ход: по мнению критики, найти бумажку и донести мог и семилетний малыш, а надо сообщать прямо в ОГПУ.

Коллизия с колхозным хлебом, который якобы спасает Павлик, заимствована либреттистами оперы из кинофильма, широко разрекламированного, но которому так и не суждено было увидеть экран.

Здесь следует задержаться еще на одном создателе мифа о Павлике Морозове — Александре Ржешевском. В молодости этот человек отличался недюжинной храбростью. Он был особым уполномоченным ЧК по борьбе с политическим бандитизмом и действовал под началом знаменитого соратника Дзержинского Яна Петерса, а в конце жизни спился.

В своих воспоминаниях, сильно урезанных советской цензурой, Ржешевский с гордостью рассказывает, как в детстве издевался над учителем Закона Божьего, и с грустью — о том, как

его товарищи, узнавая, где он, став взрослым, работал, переставали с ним здороваться. Знакомые после его смерти вспоминали, что в результате работы в органах ЧКУ Ржешевского выработался своеобразный дальтонизм. Всех людей он делил на друзей и врагов. О первых говорил — «поддержит», о вторых — «предаст». Такими же были и герои его произведений, полных политической трескотни и поддельного энтузиазма.

Если верить Ржешевскому, его увлекла героическая жизнь Морозова, и он пришел в Центральный Комитет комсомола с предложением написать о нем сценарий для кино. В действительности ему просто дали задание увековечить память пионера 001, поскольку автор подходил для такой работы по своей биографии. Изучать жизнь и смерть Павлика Морозова он поехал не в Герасимовку, на Урал, а в Орловскую область (Центральная Россия), в деревню Спасское-Лутовиново, бывшее имение русского писателя XIX века Ивана Тургенева. Местный секретарь райкома и начальник ОГПУ показали образцовый колхоз, откуда столичный автор должен был взять жизненную канву. Название «Бежин луг» сценарист взял у классика, бывшего владельца имения.

В фильме предстояло столкнуться двум укладам: старому деревенскому убожеству и советскому энтузиазму, технике, атеизму. Пионер отвозит на кладбище тело матери, до смерти забитой отцом, и доносит о том, что кулаки хотят поджечь колхозный хлеб. Кулаки прячутся в церкви. Церковь новые власти хотят превратить в клуб и для этого устраивают в ней погром. Вместо лика Богородицы в выбитой иконе появляется лицо колхозницы. Кулаков арестовывают, но они бегут, убивая конвоиров. Отец убивает сына, мстя ему за донос. Фоном фильма служили тургеневские идиллии, романтические среднерусские пейзажи.

Можно сказать, что в сценарии Ржешевского миф о Морозове уже окончательно освободился от жизненной основы, которая тяготила первых журналистов. Ложь стала абсолютной.

Сценарий был готов, когда появился знаменитый режиссер. Он вернулся из Америки, полный желанием делать фильмы о молодом человеке XX века, о новом человеке в СССР. Это был Сергей Эйзенштейн, увидевший в Морозове именно такого героя. Американский киновед Джей Лейда в то время учился в Москве в Институте кинематографии у Эйзенштейна и работал его ассистентом на съемках «Бежина луга». В кастрированном виде его воспоминания из книги «История русского и советского кино» опубликованы на русском языке.

Лейда вспоминает, как на Международном кинофестивале в Москве Эйзенштейн объявил, что делает фильм на колхозную тему. Актера на роль мальчика-героя выбирали из двух тысяч детей и взяли сына мосфильмовского шофера. Мальчик был симпатичный и неумоимо повторял сцену, в которой его смертельно ранили (умирал он под реквием Моцарта). Подросток покорял всех непосредственностью и обаянием.

Начало фильма снимали в старинном селе Коломенское возле Москвы, что, по мнению Лейды, связывало картину с эпохой Ивана Грозного. Никто не собирался ездить на Урал. «Реальную жизнь» оператор нашел на юге, на берегу Азовского моря, в образцовом совхозе имени Сталина. Соцреализм, как его понял Лейда, означает идеализацию каждого героя и каждого факта. Поля для съемок весной перепаживали под личным надзором Эйзенштейна, чтобы снимать их осенью. В фильме играли крупные актеры, снимал известный оператор Эдуард Тиссэ. Во время съемок Эйзенштейн демонстрировал свой метод многочисленным советским и зарубежным гостям. Выпуск картины задержался, так как режиссер заболел.

Невозможно усмотреть хоть какую-либо автономность мышления сценариста или режиссера. Разница в их взглядах состояла в том, что Ржешевский рассматривал мальчика-доносчика как маленького героя нашего времени, а Эйзенштейн — как вестника будущего коммунистического общества. Критик Виктор Шкловский позже в книге об Эйзенштейне назвал фильм правдивым и великим произведением, в котором отражено торжество жизни и литературы. На деле создатели картины отражали торжество советской власти в деревне.

Но, показывая жестокость и насилие в период коллективизации, авторы перестарались. Стало видно, что насилие ничем не оправдано, хотя они и пытались объяснить, что причина

жестокости — не в новой власти, а в закоренелой культурной отсталости крестьян. В сущности, стремление авторов морально оправдать необходимость насилия только обнажило всю бесчеловечность происходящего.

Разумеется, Эйзенштейн не был противником классовой борьбы. Но и его размышления о праве на убийство и необходимости убивать ради высоких целей вряд ли могли понравиться тем, кто занимался именно этим и предпочитал делать это тихо. Отснятый материал был в сыром виде просмотрен руководством и оценен как формалистический и зараженный мистицизмом. Авторам предложили мотивировать переход отца к вредительству и предусмотреть оптимистический финал: отца после доноса арестовывают, а сын остается жив.

Отвергнув счастливый конец, Эйзенштейн все же принялся за переработку сценария, витиевато объяснив свою ошибку тем, что обобщенность образов пришла в противоречие с конкретным материалом. Эйзенштейн увлекся работой над фильмом, не обратив внимания на то, что вышло постановление Совнаркома и ЦК ВКП/б/, устанавливающее новый порядок в вопросах классового воспитания в бесклассовом обществе. Постановление, в частности, требовало «усилить наблюдение за детской литературой и кинофильмами, не допуская литературы и фильмов, могущих иметь вредное влияние на детей». Чиновники управления кинематографии в этой связи особенно настороженно относились к каждой новой детской картине.

Для переработки сценария Ржешевского режиссер привлек другого бывшего чекиста, известного писателя Исаака Бабеля. Тот, по выражению Лейды, принялся за «ревизию текста», переписав его на шестьдесят процентов. Некоторые имена героев заменили, дав им, недолго думая, имена актеров и работников «Мосфильма». Философские обобщения (в частности, нравственное оправдание доноса и убийства) стали еще более четкими.

Между тем времена изменились. Поднимающаяся волна арестов пугала руководителей кино. Они во всем видели для себя опасность. В съемочной группе Эйзенштейна — Тиссэ был свой Павлик, который обо всем сообщал куда следует. Борис Шумяцкий, глава Управления кинематографии и заместитель председателя Комитета по делам искусств, запретил Эйзенштейну съемки, намекая на то, что фильм вредительский. Шумяцкому нужна была крупная жертва, которой он мог бы прикрыться. Это ему не помогло: сам Шумяцкий был вскоре уничтожен.

От создателей фильма «Бежин луг» потребовали, как тогда выражались, публичного покаяния. Эйзенштейн заявил, что он готов каяться немедленно, но власти это не устраивало. Им нужен был шумный суд. В журналах и газетах началась травля режиссера. Печать резюмировала результаты обсуждения инцидента в высших инстанциях: вместе с Эйзенштейном виноваты все, кто его не критиковал.

Эйзенштейн каялся в кабинетах руководства, с трибун и в печати, называя свое детище порочным, политически несостоятельным. Он обвинял себя в том, что за человеческой драмой сыноубийцы скрыл от зрителя классовую ненависть к кулаку. Кляня себя за слепоту, беспечность, отсутствие бдительности, отрыв от коллектива и масс (вся эта терминология его собственная), режиссер умолял дать ему возможность снять фильмы о 1917 и 1937 годах — героические, партийные, военно-оборонные. Он клялся в своих благих намерениях и преданности Сталину. Он не без основания чувствовал себя на волосок от ареста. Но в этот момент ему вдруг великодушно разрешили исправиться и показать победы «ленинско-сталинских кадров». Многолетняя травля позже привела Эйзенштейна к инфаркту.

Ржешевский оправдывался тем, что он старался как можно ярче показать Морозова языком большевистского кино. То обстоятельство, что его отстранили от работы и заменили Бабелем, оказалось его спасением. Тем не менее карьера Ржешевского на фильме о Морозове закончилась. Его после того почти не печатали. Жертвой репрессий оказался и новый соавтор сценария Бабель, который исчез на Лубянке. Недоснятый материал первого звукового фильма Эйзенштейна, как объясняют теперь одним иностранным гостям, случайно погиб от воды, которая залила помещение. Другим говорят, что во время войны в это помещение попала бомба.

Творцы героизации сами стали ее жертвами. Просчет авторов, которые вовсе и не собирались стать диссидентами, состоял в том, что они начали делать фильм в 1933-м, а закончили его в 1937-м, и то, что допускалось раньше, стало крамолой. К этому времени никакие философские оправдания доноса уже не требовались, ибо оправдания следовали за размышлениями, а размышлять было не о чем. Из Кремля уже сказали, что доносить хорошо, и дискутировать на эту тему могли только классовые враги.

Созданный миф помогает понять сущность метода социалистического реализма. Герой, по формуле китайских вождей, — это «продукт партийного руководства, горячей помощи масс и труда писателя». В процессе воссоздания мифического образа Павлика Морозова реальная фигура его все глубже утопала в домыслах. Герой был придуман наверху и опущен в псевдодействительность. Задача искусства оказалась вывернутой наизнанку: материю пытались изменить посредством воли, осуществляя операцию в духе чистого идеализма, причем нетерпимого к какой бы то ни было критике.

Все произведения, созданные за полвека о Морозове, называются документально-художественными, полудокументальными или, как выразился в газете «Литературная Россия» уральский писатель Евгений Пермяк, «почти документальными». С таким же успехом их можно назвать почти художественными. Газетный образ мальчика стал прототипом литературного образа. Бумажному герою стали ставить бронзовые монументы.

Глава десятая. СЛАВА ДОНОСЧИКАМ!

16 марта 1934 года «Пионерская правда» опубликовала донос. Он занимал почти целиком третью страницу газеты и начинался так: «В Спасск. В ОГПУ. Довожу до сведения органов ОГПУ, что в деревне Отрада творятся безобразия...»

С портрета, помещенного рядом, смотрит симпатичное личико пионерки Оли Балыкиной, девочки из Татарии. С подробностями, не забыв ни имен, ни дат, она перечислила всех, кто, с ее точки зрения, нарушал что-либо. Не забыла Оля и собственного отца. Письмо заканчивалось так: «...Я вывожу всех на свежую воду. Дальше пускай высшая власть делает с ними, что хочет». Редакция в своем комментарии сравнила Олю с Павликом Морозовым и добавила: «Медицинский осмотр установил, что в результате побоев здоровье Оли надорвано. Олю отправили лечиться в санаторий на два месяца». Во время Второй мировой войны Ольга Балыкина попала в плен к фашистам. После освобождения на нее донесли, что она была в плену. Это автоматически вело к десяти годам советских лагерей. После реабилитации о пенсионерке Ольге Балыкиной снова вспомнили в газетах как о героическом Павлике Морозове в юбке.

Публикация в центральной газете образцового доноса свидетельствовала о том, что акция вступает в новую фазу. Ни одна кампания не проходила в стране с таким пафосом и энтузиазмом, как вовлечение в доносительство. Донос стал газетным жанром, доступным непрофессионалам, даже детям. Павлик Морозов был героем новой эпохи, и эта эпоха требовала от детей новых черт. Поэт Александр Яшин называл это обучением бдительности и отметил, что пионерам помогали два качества: смекалка и наблюдательность. Причины героизма просты и понятны каждому. «Почему Павлик Морозов не боялся разоблачить своего отца и дядю Кулуканова? — спрашивала «Пионерская правда» и отвечала: — Потому, что он был настоящий пионер. Умел отличать друзей от врагов».

Вожди партии (Крупскую в начале 30-х годов печать также называла вождем) делились мыслями вслух, как детям участвовать в жизни. «Поглядите, ребята, кругом себя, — рекомендовала Крупская. — Вы увидите, как много еще старых собственнических пережитков. Хорошо будет, если вы их будете обсуждать и записывать. Боюсь, что у вас получится целая толстая тетрадь».

Прибывшие из-за границы деятели международного коммунистического движения приветствовали зорких наблюдателей. Радио, газеты, книги, речи пели хвалу каждому доносу,

обучая тонкому искусству осведомления органов. «Пионерская правда» печатала очерк о герое-пионере Коле Юрьеве, который сидел в пшенице с осколком увеличительного стекла. Он увидел девочку, которая срывала колоски, и схватил ее. Вырваться девочке, которая съела несколько зерен хлеба, не удалось. Голодные люди, рвавшие колосья, на жаргоне тех лет в печати назывались «парикмахерами колхозного хлеба». После создания колхозов в стране начался голод, и неудивительно, что крестьяне крали зерно.

«Стой! Откуда? Куда?» — так окликают станичные пионеры каждого чужого человека, проходящего по полю, и, если человек окажется вором, задерживают его», — писала «Пионерская правда». Газета весело рассказывала, как дети сами, в отсутствие взрослых, обыскивали чужие дома. Настоящий пионер Проня Колыбин смело разоблачил свою мать, которая пошла в поле собрать опавших зерен, чтобы накормить его самого. Мать посадили, героя-сына отправили отдыхать в Крым, в пионерский лагерь Артек. Сведения о герое Колыбине хранятся в картотеке кабинета истории Всесоюзной пионерской организации.

Школьник из-под Ростова-на-Дону Митя Гордиенко ловил голодных в поле несколько раз. Выступая на суде свидетелем, он говорил: «Разоблачив воров колхозного хлеба, я даю обязательство организовать на охрану урожая тридцать ребят нашей коммуны и быть руководителем этого пионерского отряда...» Так, после одного из доносов Мити на двоих взрослых муж был приговорен к расстрелу, а жена — к десяти годам лишения свободы со строгой изоляцией. Митя получил за этот донос именные часы, пионерский костюм, сапоги и годовую подписку на местную газету «Ленинские внучата».

Знаменитый поэт Николай Асеев сочинил в ту пору «Песню пионерохраны урожая»:

Застукали на поле
И за руку сцапали
С поличным
на месте
врага.

В то же время Асеев отправил донос в ОГПУ, что поэта Владимира Маяковского, застрелившегося из пистолета три года назад, якобы убили троцкисты, и начал писать поэму, прославляющую в веках ОГПУ.

Даже мелким ябедникам газеты пели дифирамбы. Дети-корреспонденты (деткоры) сообщали, кто опаздывает на занятия, прогуливает уроки, получает плохие оценки или не хочет подписываться на «Пионерскую правду». Редакция поручала своим читателям следить за товарищами в дни религиозных праздников. Дети отзывались: пионер такой-то вместо школы ходил в церковь. Некоторые дети перестали учиться, а следили за теми, кто не посещает школы.

Народный комиссар просвещения Андрей Бубнов издал в 1934 году приказ отдавать под суд неблагонадежных родителей, которые нерадиво относятся к своим детям. Схема следующая: ребенок доносит учителю, что он недоволен отцом или матерью. Школа подает на них в суд.

«Газеты должны повышать политическую боеспособность деткоров, — поучал, ссылаясь на указания Политбюро, редактор «Пионерской правды» Гусев в книге «Деткоры в школе» (1935). — Это значит следить за учителем, быть зорким в борьбе за качество преподавания в классе». Среди учителей дети должны были обнаруживать и разоблачать классовых врагов. И дети охотно выполняли поручения. Мальчик написал в газету, что директор его школы дал на уроке детям такую задачу: «Всего в селе было 15 лошадей. А когда люди вступили в колхоз, 13 лошадей сдохли. Сколько осталось?» Директор как классовый враг был привлечен «к суровой ответственности».

Дети охотно сообщали фамилии своих учителей и вожатых, которые, по их мнению, ленивы или профессионально непригодны. Интимная жизнь взрослых также занимала пионеров. Газета «На смену!» напечатала анонимное письмо мальчика о его соседе, который живет с комсомолками, а потом их выгоняет и приводит других. Пионерам вменялось в обязанность

подслушивать каждый звук, каждый шорох, каждый вздох. Перелистаем «Пионерскую правду» конца 1933 года.

7 ноября. «Леня поймал двух воров». Леня выследил и сообщил куда следует о двух подозрительных людях.

15 ноября. «Зоркий дозор! Виновных в избиении строго судить!»

29 ноября. «Деткор разоблачил кулаков». Пионер донес в газету, газета — немедленно в ОГПУ. Тот же общественный обвинитель от имени газеты Смирнов выезжает на место, где сам организует следствие.

3 декабря. «Пионерский дозор на транспорте». Пионер-дозорник задержал грузчицу с украденной рыбой.

11 декабря. Пионер «уверенно рассказал суду о кулацких проделках в деревне».

15 декабря. На суде выступил опять Смирнов. Он «останавливается на классовой борьбе в нашей стране». Те, на кого донесли пионеры, получают «10 лет строгой изоляции в концентрационных лагерях».

17 декабря. Газета цитирует Сталина: врагов «не нужно искать далеко от колхоза, они сидят в самом колхозе...»

Когда кампания разворачивалась, свердловская газета «Всходы коммуны» делала предупреждение пионерам, которые почему-то не донесли на своих родных: те, кто промолчат, после этого — не пионеры. Тот, кто не доносит, сам враг, и о нем следует немедленно сообщить. Год спустя председатель Центрального бюро пионеров Валентин Золотухин гарантировал доносчикам покровительство государства: «Вся страна смотрит за каждым уголком Союза, за каждым пионером. И пионеру некого бояться». Страна следила за доносчиками, доносчики — за страной.

Вскоре выходит книга журналиста Смирнова «Юные дозорники», инструкция для пионеров. Автор учит, где могут быть враги народа, как их искать, куда сообщать. Смирнов учит детей посылать письма так, чтобы враги партии не перехватили доносы на местной почте: пионеру следует возить их на станцию и самому опускать прямо в почтовый вагон проходящего поезда. «Пионерская правда» становится центром сбора доносов от своих читателей со всей страны. Здесь они обрабатываются, учитываются и передаются в учреждения, ликвидирующие врагов народа. Пионерская организация становится филиалом секретной полиции, всесоюзной школой стукачей. Поразительное откровение находим у советского психолога: «Такого рода преступные организации, которые используют в своих целях детей и калек, были описаны еще Ч. Диккенсом и Б. Брехтом».

Сам призыв «Будь готов!», взятый у скаутов, приобретает зловещий смысл. Читатели-агенты называются «бойцами», «дозорными», «следопытами». Призывая доносить, газеты дают деткорам, постоянным клиентам, кличку «Зоркий глаз», а имя держат в тайне. Одна газета хвалит подростка за то, что он, не задумываясь ни на минуту, побежал донести в сельсовет. Это очень важно — не задумываться. Чтобы деятельность на местах не носила кустарного характера, предлагалось создавать пионерские посты бдительности. Газета советовала: «Не доверяй тому, в ком ты хоть чуть сомневаешься». Газета требовала: «О всех чуждых, незнакомых и подозрительных лицах необходимо немедленно сообщать в сельсовет». Чтобы стать героем, надо лишь заметить подозрительного человека и немедленно сообщить о его местопребывании. Заметить и сообщить. За это следопыта ждет награда.

Доносительство надо было узаконить, и в 1933 году вышло любопытное указание Прокуратуры СССР о привлечении к расследованию дел представителей печати и селькоров, то есть тех, кто «сообщал». На практике доносчиков привлекали не только к расследованию, но и к обвинению. Газетная статья теперь практически приравнивалась к статье уголовного кодекса. Затем создаются ОСО — особые совещания, заменяющие суд, — административная опора массовых репрессий.

Газеты печатали списки расстрелянных и списки героев-доносчиков. Ходатайства о помиловании были отменены. Популярная детская игра «Палочка-выручалочка»

переименовывается в книге Соломеина о Павлике в «Стуколки». (Кого увижу — бегу застучать.) Сталин призывал присмотреться не только к троцкистам, но и к тем, кто проходил по той же улице. Журнал «Социалистическая законность» в августе 1938 года прояснял, что такое свобода слова в нашей стране. Оказывается, осведомление власти как раз и является обеспеченной Сталинской конституцией свободой слова.

Упомянутое указание вождя обеспечило работу пионерам в городах, где кулаков не было, но троцкисты по улицам гуляли. Осведомители понадобились в промышленности, на транспорте, в учреждениях, в школах.

Мальчик Михась Чачновский выявил расхитителей сахара на пищевой фабрике. За донос награжден путевкой в пионерский лагерь Артек. «Прошу: вышлите, пожалуйста, комиссию по проверке хлебных складов», — сообщал пионер Шишкин. Председатель комитета по заготовкам товарищ Клейнер отметил бдительность пионера Шишкина и премировал его велосипедом. Клейнер был арестован по доносу и уничтожен в 1937 году.

Известно, что Ленин заклеил паспорта как позорное прошлое царской России. Но в 1932 году паспорта были введены в СССР. Причем давали их только горожанам. Жить без паспорта в городе стало невозможно. Крестьянам же паспортов не выдали, чтобы они не бежали из своих голодных деревень в город.

Газеты, однако, объяснили возникновение паспортной системы иначе. Кулачье, а также другие паразиты устремляются в большие города, где им легче затеряться. Они организуют хищение товаров из наших магазинов и начинают жить за счет трудящихся. Цель паспортизации — очиститься от кулацких элементов. Новый долг пионеров — проявить максимум бдительности в связи с паспортизацией, помогать органам милиции разоблачать паразитические элементы. Была даже сделана попытка поручить детям проверять на улицах паспорта у взрослых. Но эта затея наверху не была одобрена. Литературовед Александр Храбровицкий, работавший в 30-е годы журналистом, рассказал нам, что номер «Пионерской правды» от 3 февраля 1933 года прочитал председатель Совнаркома Молотов и сделал на первой странице надпись: «Какой дурак редактирует эту газету?» Редактор Георгий Солдатов был снят с работы.

В школе дети давали клятву: «Я обязуюсь... зорко следить за сохранностью школьного имущества». Само по себе это неплохо, но книга-инструкция «Юные дозорники» призывала учеников наблюдать за своими товарищами — кто что не сохраняет, ломает, берет. Газета восторженно рассказывала о пионерлагере имени Павлика Морозова, где дети постоянно с утра до вечера и даже ночью следят друг за другом и сообщают в газету. Это была хорошая тренировка для более серьезных дел. Детям советовали закаляться, так как сейчас особенно необходимы зоркие глаза, стальные нервы и железные мускулы. В статье «Быть хорошо вооруженным» вдова Ленина Крупская объясняла, для чего это нужно: началась партийная чистка.

Из партии, согласно указанию сверху, удаляли классово чуждых людей, оппортунистов, двурушников, нарушителей железной дисциплины, разных шкурников, бюрократов, лиц, морально разложившихся, и просто обманщиков. Чистку предстояло пройти всем, кроме членов ЦК и ЦКК. Заместитель наркома просвещения Крупская призывала детей выявлять вражеские элементы, обманом пробравшиеся в партию, чтобы вредить ей.

Идея с проверкой детьми членов партии была не более умной, чем проверка паспортов у взрослых. Однако она не встретила возражений. «Нужна большая бдительность, нужно уметь своевременно заметить врага, своевременно выявить его работу, вредящую делу, помешать этой работе». Новую задачу подхватили газеты. «Пионер не должен колебаться, если кто-нибудь, хотя бы даже и его отец, вредит рабочему классу, — писала «Пионерская правда». — Два дня ходил Румянцев по улицам и не решался сообщить. Два чувства боролись в нем: чувство сына и пионерского долга. Пионерское победило — Румянцев пришел в горбюро. Румянцев рассказал все, что знал о своем отце. Милиция немедленно произвела обыск». Получив благодарность, пионер донес и на брата. Герой ушел из семьи и отдыхает в пионерском лагере.

Каждая область страны популяризировала своих юных доносчиков. Создается всесоюзная красная доска почета для пионеров-дозорников, на которую заносят имена лучших. Газета «Правда» записала на красную доску почета всю Северо-Кавказскую школьную организацию за охрану колхозного урожая. Так называемая «легкая кавалерия» действовала там по формуле: «увидел — помчался — сообщил». В газете перечисляются 44 активиста-доносчика. 6 января 1934 года «Правда» и другие газеты поместили письмо пионеров села Новая Уда, в Восточной Сибири, Сталину. Пионеры с места бывшей ссылки вождя рапортовали, кто на кого в селе донес, и затем в порядке критики и самокритики сообщали друг о друге и сами о себе.

«Пионерская правда» набирала крупными буквами имена юных осведомителей. Их подвиги: разоблачил пастуха, сдал в ОГПУ своего отца, выявил вредителя, раскрыл шайку расхитителей колхозного добра, поймал кулачку. Двести дозорных едут отдыхать в Крым, в привилегированный пионерский лагерь Артек. Черноморский курорт превращается в зону заслуженного отдыха юных стукачей-добровольцев.

Дети-доносчики разных областей страны вызывают друг друга на всесоюзное социалистическое соревнование: кто больше донесет. Делегации пионеров-дозорников начинают путешествовать из области в область, обмениваясь передовым опытом: как следить, как сообщать. На Украине состоялся республиканский слет дозорных, и член Политбюро Постышев стал его почетным гостем.

Кажется, кампания достигла апогея, донесено на всех. Но для выражения преданности третьего поколения делу партии коммунистов этого недостаточно. Сверху требуют самокритики и саморазоблачения от тех, кто еще не начал доносить, и вот ответственные работники, писатели, артисты, инженеры, чиновники, рабочие, колхозники, школьники — все начинают каяться и обещают исправиться. За неделю до Первого съезда писателей поэт был наказан за недонос на себя. За сокрытие происхождения (сын лесопромышленника) поэта Александра Ойслендера исключили из комсомола, но затем помиловали — строгим выговором за чистосердечное раскаяние. Писателю-комсомольцу П. Панченко, знавшему об отце Ойслендера, но не известившему органы, на первый раз поставили на вид.

Между тем слава о детях-доносчиках просачивается в виде неопределенных слухов на Запад. Подлинным строителям светлого будущего это только придает новую энергию. «Пусть в бешенстве лгут бежавшие за границу белогвардейцы, что... красные пионеры являются оком ЧК в своей семье и в школе, — реагировали руководители комсомола в книге «Детское коммунистическое движение». — Бешенство наших врагов — лучшая похвала для нас, младшего поколения большевиков».

Разумеется, доносчиками были не только дети, но и дети были не только доносчиками. Девочка-героиня Мамлакат Нахангова прославилась на всю страну и получила орден за то, что собирала хлопок двумя руками, тогда как взрослые женщины — одной. Маленькая девочка помогла вдвое повысить производительность тяжелого женского труда в среднеазиатских республиках и увеличить производство пороха в стране. Газеты рассказывали о пионерах, которые выращивали лошадей и овчарок для Красной армии. В Кремле приняли юных лауреатов музыкального конкурса в консерватории.

Все это было. В поэмах и операх, однако, прославлялись не сборщики хлопка, не собаководы, не юные Паганини, а доносчики. Все эти герои сравнивались с пионером 001 — главным героем страны Морозовым. Павлик стал основоположником, юным революционером, как окрестила его «Пионерская правда». Подвиг его воспевался в песнях, их пели хоры по всей стране. Наиболее оперативным поэтом оказался молодой Сергей Михалков, который написал первую песню о Павлике, опередив десятки других создателей жанра доносительской лирики.

Михалков начал с воспевания подвига доносчика и стал секретарем Союза писателей России. Сочинял он и стихотворения-доносы, требуя в них смертной казни врагам народа. Впрочем, он не был одинок. У доносительского жанра литературы появились свои классики —

Демьян Бедный, Александр Безыменский, Бруно Ясенский, но это уже особая тема. «Песня о Павлике Морозове» Михалкова публиковалась и исполнялась бесчисленное число раз. Музыку к ней сочинил венгерский композитор Ференц Сабо, который тогда жил в эмиграции в СССР. Автору этой книги тоже довелось ее петь в хоре, десяти лет от роду, в доме художественного воспитания детей. Учитывая, что официальное содержание подвига известно, для экономии бумаги приведем только рифмы:

Сером — стороне — примером — пионер.
Недаром — горячо — в амбарах — кулачье.
Павел — учил — выступая — разоблачил.
Травы — звеня — расправой — родня.
Летний — лист — малолетним — коммунист.
Тучи — прямой — лучших — домой.
Знамя — в стороне — кулаками — пионер.
Утروив — в рядах — героя — никогда.

Глава одиннадцатая. СКОЛЬКО БЫЛО ПАВЛИКОВ?

Подготовка к показательному процессу по делу об убийстве Павлика Морозова была в разгаре, когда в селе Колесникове Курганской области застрелили из ружья другого мальчика — Колю Мяготина. Событие это, судя по официальным материалам, выглядело так.

Вдова красноармейца отдала сына в детский дом, так как ей нечем было его кормить. Там мальчик стал пионером, а позже вернулся к матери. Богатых крестьян уже выслали, но в селе остались пьяницы и хулиганы. Настоящий ленинец, мальчик прислушивался к разговорам взрослых. «Обо всем, что Коля видел и узнавал, он сообщал в сельский совет». Но Колин друг Петя Вахрушев донес на Колю классовым врагам (то есть сообщил родным, кто доносчик). «Пионерская правда» в деталях описывала убийство Коли.

«Иван выстрелил ему в ноги.
— Живой? — подошел он поближе.
Побледневший Колька плакал. Из ног лилась кровь...
— Живой...
— Добить его надо, а то нам плохо будет.
Выстрел в упор...»

Один пионер донес представителям власти, другой — друг Мяготина, Петя, донес тем, на кого донесли. На допросах, как сообщали газеты, Петя исправился и донес на своих старших братьев представителям власти. Судя по печати, надвигалась новая волна насилия: «Рука пролетарской диктатуры раздавит гадов». По правилам того времени следом за большим показательным процессом организовывалась серия мелких — на местах. Расстрела уже казалось мало, и дети требовали «самого жестокого наказания убийцам», но не могли придумать, какого.

Для участия в новом процессе выехали знакомые нам журналисты Соломеин и Смирнов. На суде выступил не один, а уже три общественных обвинителя из разных газет «от имени миллионов пионеров и школьников». Во время суда присутствовавшим раздавался специально напечатанный листок «Будь начеку!», призывающий к новым доносам. Мяготина убил один, расстреляно по делу пятеро, кроме того, большая группа «воров, пьяниц и вредителей» приговорена к десяти годам лагерей. Очередной район очищен от противников советской власти. Убитый пионер-герой Мяготин записан в Книгу почета пионерской организации ЦК ВЛКСМ вслед за Павликом Морозовым, под номером 002.

Мы не знаем, как и кем был в действительности убит Коля Мяготин, ибо уже имели возможность проверить достоверность сообщений печати. Но несомненно, что борьба за доносчиков уже давно сталкивалась с борьбой против них.

Возникает вопрос: для чего лучшим пионером страны был объявлен тот, кто и пионером-то не был и чьи доносы близко не соприкасались с политическим фанатизмом? Может быть, дело в том, что в ряду героев-доносчиков Морозов первый по времени? Это не так.

Нами собраны сведения по меньшей мере о восьми случаях убийства детей за доносы до Павлика Морозова. Первым был тоже Павлик по фамилии Тесля, украинец из старинного села Сорочинцы, донесший на собственного отца пятью годами раньше Морозова. Семь доносов связаны с коллективизацией в деревне, один — с врагами народа в городе (Витя Гурин, Донецк). Наиболее известный из восьми — доносчик Гриша Акопян, зарезанный на два года раньше Морозова в Азербайджане. Официальное издание «Детское коммунистическое движение» (1932) еще до смерти Павла Морозова сообщало, что имеют место случаи убийства за доносы «десятков наших лучших боевых товарищей», которые яростно борются против левых загибов и правых примиренцев. Но слава всех этих доносчиков меркнет на фоне Павлика Морозова. Почему же ему с такой помпой отдаются почести, которых он не заслужил?

Официальный герой-доносчик 001 должен был появиться тогда, когда он стал необходим для политической кампании, то есть перед большой чисткой и массовыми репрессиями, и он, как мы знаем, появился, когда надо.

Кампании, начатой в глухой деревне Герасимовке, придавался все более массовый характер.

Октябрь, 1932, «Пионерская правда»: «На смену ему... идут и еще придут новые сотни и тысячи ребят».

Ноябрь, 1932, «Тавдинский рабочий»: «Павел Морозов не один, таких, как он, легионы. Они разоблачают зажимщиков хлеба, расхитителей общественной собственности, они, если это нужно, приводят на скамью подсудимых своих отцов». Вряд ли слово «легионы» было бы использовано, если бы автор текста или цензор знали, что слово это вышло из Библии, а там говорится о числе бесов. В данном случае количество героев пока не ясно, ибо легион — военное подразделение в Древнем Риме — от 4,5 до 7 тысяч, а в древнерусском счете — 100 тысяч.

Август, 1933, «Пионерская правда»: «Миллионы зорких пионерских глаз будут следить...»

Сентябрь, 1933, «Пионерская правда»: «Миллионы Павликов учатся в школах...»

Широкий охват пионеров (предисловие к книге «В кулацком гнезде», 1933): Морозов — «типичный выразитель действий и настроений нашей шестимиллионной армии пионеров».

Всеобщий охват взрослых (декабрь 1937), передовая «Правды»: «Каждый честный гражданин нашей страны считает своим долгом активно помогать органам НКВД в их работе».

Член Политбюро Анастас Микоян в докладе на собрании, посвященном 20-летию НКВД, воскликнул со сцены Большого театра: «У нас каждый трудящийся — наркомвнуделец!». Микоян вспомнил об идеале советского человека — «верном сторожевом псе партии» Дзержинском и призвал все население страны учиться сталинскому стилю работы у наркома НКВД Ежова.

В сущности, в сталинском стиле ничего нового не было, ибо Ленин заявлял то же самое: «Хороший коммунист в то же время и хороший чекист». Микоян лишь популяризировал суть ленинско-сталинского стиля работы: «Вместо дискуссий — методы выкорчевывания и разгрома». Празднование очередного юбилея тайной полиции совпало с окончанием пятилетки по уничтожению классов в стране. Пятилетка была перевыполнена, враждебные классы уничтожены, но Сталин заявил, что классовая борьба еще больше обостряется.

Двойники Морозова выросли. Часть из них теперь работала в НКВД, реализуя на практике политвоспитание, полученное в школе и пионерской организации. Другие служили добровольцами.

Многочисленные Павлики не просто проявляли личный энтузиазм, как сообщали газеты. Их деятельность становилась обязательной частью строительства нового общества. От доверчивых и неопытных подростков руководители страны требовали новых подвигов и новых жертв. Член Политбюро Лазарь Каганович, обращаясь к пионерам, говорил: «Каждый из вас

должен себя спросить: готов ли я на жертвы, на страдания и лишения за дело пролетарской борьбы, за дело коммунизма?». По мысли Кагановича, жертвой достоин стать не каждый, и в пионеры следует принимать тех, кто сперва докажет, что достоин. Донос был вернейшим путем этого доказательства.

Но произошло непредсказуемое: убийство вызвало не столько ненависть к врагам партии, сколько к самой партии. Волна насилия, идущая сверху, столкнулась с ответной волной. Не видя защиты от произвола государства, народ творил самосуд. Чем сильнее нагнеталось давление сверху, тем ожесточеннее и отчаяннее был протест. Жертвами этой борьбы оказались ни в чем не виноватые дети, которых система растлевала в угоду интересам лиц, стоявших у власти.

В 1935 году в речи на совещании писателей, композиторов и кинорежиссеров Максим Горький заявил: «Пионеров перебито уже много». Журналист Соломеин в воспоминаниях рассказывал: «Только мне привелось участвовать в расследовании примерно десяти убийств пионеров кулачем. Только мне. А всего по Уралу, по стране — сколько их было, подобных жертв! Не счастье».

Пресса представляла дело таким образом, будто детей убивали за то, что они пионеры. Убивая Павлика Морозова, писала газета «Тавдинский рабочий», кулаки знали, что они «наносит глубокую рану детскому коммунистическому движению». Смерть двух девочек-доносчиц Насти Разинкиной и Поли Скалкиной «Пионерская правда» комментировала так: «Выстрел в Настю и Полю есть выстрел в пионерскую организацию». Но кто в действительности и почему убивал пионеров, отнюдь не всегда было ясно. Газета «Правда» откровенно призывала к самосуду: «Дело каждого честного колхозника помочь партии и советской власти казнить мерзавца, который посмеет тронуть ребенка, исполняющего долг перед своим колхозом, а следовательно, и перед всей страной». Колхозники, однако, понимали честность по-своему, и властям приходилось пожинать плоды развязанного ими террора. В то время как власти окружали убитых доносчиков ореолом славы, народ мстил властям, множа число жертв и таким образом поставляя новых героев, используемых пропагандой.

«Пионерская правда» опубликовала беседу с государственным обвинителем А. Виноградовым «Зорче охранять молодых бойцов!». В интервью обвинитель признал, что проблема стала серьезной, и обещал провести необходимые мероприятия по охране юных осведомителей. Лицемерие этих заявлений особенно видно теперь, когда мы знаем, с каким рвением использовала пропагандистская машина убийства детей. Расправы, однако, судя по прессе, росли. В 1932 году (после убийства Павлика и Феди Морозовых) было три убийства доносивших детей. В 1933 году мы насчитали шесть убитых доносчиков, в 1934-м — шесть, в 1935-м — десять.

Власти действовали грубо и разжигали измененные инстинкты толпы. Но кто убивал и почему — для разжигания борьбы или из мести, — в большинстве случаев остается неизвестным. Всего за годы сталинского террора мы насчитали 57 убийств детей-доносчиков. Всем им присвоены почетные звания пионеров-героев. О них пишут книги, их именами названы улицы и Дворцы пионеров.

Витя Гурин доносил на верующих, Василиса Килина — на лучше живущих соседей, Мотя Тараданова — на ссыльных, Женя Рыбин — на беспризорных детей, Кычан Джакыпов — на священника. Коля Яковлев выследил крестьянина, спрятавшего зерно. Миша Дьяков письменно сообщал имена тех колхозников, которые утром не вышли на работу. Женя Сосновский выследил пастуха, который завел коров в болото и утопил. Нюра Соколова разоблачила крестьян, которые пытались вызвать крушение поезда. Павлик Манин указывал на тех, кто дома молится. Федя и Оля Мальцевы сообщили, что их отец критиковал советскую власть. Гена Шукин обнаружил троцкистов, которые задумали сорвать работу золотодобывающего рудника. Коля Рябов сигнализировал, что его брат отвинтил гайку от колхозной сеялки. Все эти и многие другие дети, согласно публикациям, были зарезаны ножом или серпом, задушены

проводом, убиты из ружья, пистолета или торопом врагами советской власти. Что произошло с каждым из них в действительности, сказать не можем, ибо каждый случай потребовал бы расследования, подобного проделанному с Павликом Морозовым.

В 1938 году, однако, сообщения о новых героях-доносчиках из печати исчезли. Видимо, был дан приказ прекратить организацию подобных акций.

Судьбы юных соглядатаев, оставшихся в живых, представляют собой отдельную тему для размышлений. В поселок Анадырь Чукотского округа к чукчам приехали проводить раскулачивание и создавать колхоз двое большевиков-уполномоченных. Их убили. Через день появился милиционер. Убийц выдал мальчик Ятыргин, сын Вуны, прибавив, что они убежали на Аляску. Часть чукчей-оленоводов решила уходить с оленями туда же. Услышав об этом, Ятыргин украл у соседа собак и сани, чтобы донести об этом тоже. Соседи подкараулили мальчика, ударили его топором и бросили в яму, но он выполз оттуда и остался жив. «Пионерская летопись» рассказывает: когда Ятыргина принимали в пионеры, уполномоченные переименовали его имя на Павлик Морозов. Новое имя записали потом в его паспорт. В 70-х годах Ятыргин под именем Павла Морозова был школьным учителем, членом партии.

Реклама доносительства приносила свои плоды, и ею занимались самые высокопоставленные лица советского государства. Незадолго до своей таинственной гибели в 1937 году член Политбюро Серго Орджоникидзе в речи на всесоюзном совещании стахановцев восхвалял семью патриотов Артемовых. Отец, Алексей Артемов, его жена Ксения, два сына и три дочери сообщили органам о 172 подозрительных людях, по их мнению, вражеских лазутчиках. Все подозреваемые были арестованы. Членов семьи чемпионов-доносчиков наградили орденами и ценными подарками.

Последствия кампании массового доносительства выглядели печально. За парадной афишей вовлечения миллионов павликов в дело строительства коммунизма страну стала захлестывать детская преступность. После ликвидации миллионов родителей и от голода на улице очутились миллионы бездомных детей — бракованная часть третьего поколения строителей социализма. Закон 1935 года о малолетках постановил: в целях ликвидации данного явления «привлекать к уголовному наказанию» детей с 12 лет. Быстро росла система детских принудительных учреждений: детдомов, спецдетдомов, изоляторов, трудовых колоний и приемников-распределителей, внедрялся детский принудительный труд.

Теперь система как бы уравнивалась: взрослые по доносам детей шли в исправительные лагеря, а дети по доносам взрослых направлялись в исправительные колонии. Размах и пафос кампании не оставляет сомнений в том, что санкционировалась она с самого верха.

Глава двенадцатая. ДАННЫЙ МАЛЬЧИК И ТОВАРИЩ СТАЛИН

Мы не располагаем письменным указанием Сталина о Павлике Морозове. Сталин часто высказывал мнение устно, и этого было достаточно. О нашем герое такого распоряжения не могло не быть. Есть косвенные доказательства, что вопросы, связанные с героем-доносчиком, великий вождь решал сам и возвращался к ним неоднократно.

«Сталин, конечно, принимал участие в судьбе Морозова, — утверждает Матрена Королькова, соученица Павлика из Герасимовки. — В январе 1934 года меня с группой пионеров привезли в Москву. Мне дали понять, что сейчас отвезут на прием к Сталину, чтобы я рассказала о Павлике. Мне объяснили, что надо говорить и как. Я ждала долго. Потом визит отменили, сказали, что Сталин занят. Меня отправили в пионерский лагерь Артек. Туда мне прислали сто рублей, а потом в деревню еще два раза по двадцать пять рублей».

Наиболее вероятно, что внимание Сталина на убитого мальчика обратил кто-то из трех аппаратчиков, занимавшихся делом Морозова по долгу службы: Постышев, Косарев или Поскребышев.

Члену Политбюро Павлу Постышеву в 1932 году было 45 лет. Он носил усы, шинель, сапоги и фуражку, полностью подражая облику Сталина. Секретарь Центрального Комитета

партии, он одно время заведовал двумя наиболее важными его отделами: организационным, а также агитации и пропаганды. Постышев занимался политической кампанией по ликвидации кулачества и контролировал комсомол. Газеты называли его любимым другом пионеров, боевым соратником товарища Сталина. Пионерские отряды носили имя Постышева. О том, какую роль он играл, можно судить по вышедшему в 1932 году в Москве сборнику «О пионерах и пионердвижении», в котором говорилось, что в нем публикуются речи видных деятелей партии от Ленина до Постышева, а Сталин не упоминался вообще.

Постышев успешно осуществлял часть плана по созданию массовой сети всеобщего доноительства через отделы писем и редакции газет в ОГПУ. В речи на XVI съезде партии Постышев сочинил небылицу о том, что кулаки создали свою агентурную сеть внутри большевистской партии.

По прямому указанию Постышева Центральный Комитет комсомола и Наркомат просвещения развернули пропаганду подвига мальчика-доносчика. Осуществлял ее Александр Косарев, двадцатилетний генеральный секретарь ЦК комсомола, любимец Сталина и правая рука Постышева.

Косарев подписывал многие документы о распространении опыта Морозова среди детей. Косарев принял делегацию из Герасимовки, рапортовавшую ему об успешных донесениях пионеров на Урале. Непосредственно руководили кампанией служащие Косарева: секретарь ЦК комсомола Сергей Салтанов, глава юных пионеров Валентин Золотухин и его заместитель Василий Архипов.

Впоследствии Постышева арестовали по доносу его сотрудницы Николаенко, которую объявили героиней. Пионерские отряды имени Постышева переименовали в отряды имени Павлика Морозова. Косарева и Салтанова также арестовали по доносам и расстреляли в лагерях. Уничтожен был и нарком просвещения Бубнов. Согласно одной из легенд, Косарев исчез после того, как написал письмо Сталину против доносов и массовых арестов. Однако и Косарев, и Бубнов отправили на смерть многих. Удравший от ареста на фронт Архипов был застрелен в спину.

Прошлое Сталина накладывало отпечаток на его педагогические взгляды и моральные позиции. Мнение о том, что Сталин до революции сотрудничал с охранкой, существует и не опровергнуто, хотя и не доказано. Став генеральным секретарем партии, он занимался подслушиванием коллег лично посредством специальной аппаратуры.

Систему всеобщего доноительства в советской республике начал создавать еще Ленин. Анжелика Балабанова в книге «Ленин» рассказывает, как он говорил: «Провокаторы? Если бы я мог, я бы поместил провокаторов в армии у Корнилова». Соратники Ленина вспоминают, что он поручал им писать анонимные пасквилы, чтобы скомпрометировать своих политических оппонентов. Подготовкой показательных процессов Ленин руководил сам, после это делал Сталин. Сталин и Троцкий соревновались в доноительстве друг на друга Ленину, пока Сталин не одержал победы. Троцкий, кстати, был убит по личному указанию Сталина столь же зверским методом, как дети Морозовы.

Ленин назначил Сталина командовать РКИ — Рабоче-крестьянской инспекцией, в которой собирались компрометирующие сведения о всех служащих госаппарата. В сущности, сталинская РКИ собирала доносы и занималась чисткой.

Сталин еще раньше начал использовать аппарат ОГПУ, чтобы избавиться от неугодных ему лиц. Секретари Сталина получали от ОГПУ основанные на доносах (подлинных и сочиненных) компрометирующие сведения. А Сталин через личных секретарей передавал устное указание, какое вынести решение. Тогда ОГПУ еще не могло арестовывать членов партии; это произошло через десять лет -- ко времени убийства Морозова. В это время создается и действует Особый сектор при личном секретариате Сталина. Особому сектору подчиняются спецсекторы в райкомах и обкомах, имеющие своих лиц на всех предприятиях и в учреждениях. Внутри ОГПУ такими подразделениями были ОО — особые отделы и связанные с ними СПО — секретно-политические отделы. Спецсекторы подчинялись напрямую Сталину и больше никому.

Особый сектор возглавлял сорокалетний Александр Поскребышев. Он, по выражению Никиты Хрущева, был преданнейшим псом Сталина. Крупные черты жесткого лица, бритая голова и сталинский полувоенный стиль одежды — таков его портрет. Старые партийные работники, знавшие его в 30-е годы, рассказывали нам, что Поскребышев — выходец из Екатеринбурга, то есть потом Свердловска, став тенью Сталина, сохранил прочные связи на Урале. Все акции ОГПУ на Урале проходили под наблюдением Поскребышева. Документы оттуда доставлялись, минуя другие виды связи, прямо ему. Таким образом, система всеобщего доносительства конденсировалась в аппарат слежки, который нес информацию непосредственно к самому источнику власти, делая Сталина всевидящим. Эта канцелярия, управлявшаяся лично Сталиным через Поскребышева, сделалась в 30-е годы силой, командующей страной.

Жена и сын Постышева были расстреляны, жена Косарева провела треть жизни в лагерях. Когда арестовали жену Поскребышева, он сказал: «НКВД всегда прав». Позже, по распоряжению Сталина, Постышеву привезли новую жену — красивую казачку. Свадьбу справили на сталинской даче. А первую жену замучили в лагере. Сам Поскребышев благополучно пережил не только Сталина, но и послесталинскую чистку. Он умер в 1965 году и с почетом похоронен на элитарном Новодевичьем кладбище. Говорят, лежа в Кремлевской больнице, он писал мемуары. Уцелел и сподвижник Косарева Золотухин. Он стал генералом, заведующим административным отделом ЦК и при Хрущеве занимался реабилитацией вышедших из лагерей.

Структура СПО нуждалась в миллионах морозовых. Именно ее каналами шли документы следствия по делу об убийстве Морозова.

Было бы ошибкой, однако, усматривать в доносительстве одну злую волю Сталина и его аппарата. Кризис, развязанный в сельском хозяйстве, и голод привели к недовольству в партии, и ее среднее звено искало выход. Налицо были страх партии перед возмущением народа и страх вождя перед партией. К трудностям внутренним в 1932 году добавилась неустойчивость внешней политики. Шаткость положения толкала Сталина к репрессиям. Известно, что в этот критический год Сталин отсутствовал на заседаниях Политбюро с весны до осени. Вождь сам заявил: «Еще никогда мы не оказывались так загнаны в угол, как теперь». Сталину нужна была информация, чтобы удержаться. Доносительство стало для него практическим инструментом ослабления позиций оппонентов и средством укрепления личной власти.

Создавался усовершенствованный механизм политического надзора и контроля надумами людей, целью которого было помогать крепко держать вожжи. Для подчиненных донос стал средством проверки преданности, наиболее верным путем сделать карьеру, заслужить благосклонность вождя.

Донос подавался как новое качество новых людей: их открытость, честность, критика, способствующая улучшению жизни, необходимое средство для достижения великой цели, в которую многие из доносчиков всех возрастов верили искренне. Часть народа шла навстречу предложению, находила сладость в доносе, участвовала в кампании не просто послушно, но и с энтузиазмом. Черное вылезало из души и окрашивалось в красный цвет.

Часто думают, что советских героев открывали и популяризировали по сталинской любимой поговорке «Взят из грязи да посажен в князи» или, как пелось в популярном советском шлягере 30-х годов: «У нас героем становится любой». На деле герои отыскивались нелегко.

Отобранный в лидеры человек должен был подходить по многим показателям. На своем этапе такой человек становился единственным кумиром. Культу нужны были культки. Это не новая мысль: помнится, в 60-х годах в Москве ходила по рукам работа о том, как в разных областях утверждались микросташины: в науке, культуре, юстиции, даже в области питания. Такими культками были: Горький — в литературе, клоун Карандаш — в цирке, антигенетик Лысенко — в науке, нарком Микоян — в колбасном деле (мясокомбинат имени Микояна) и т. д. Не было своего культа лишь у детей. Морозов стал таким культком. Подсчет показывает, что в 1932-1934 гг. имя Морозова встречается в «Пионерской правде» чаще, чем имя Сталина.

Однако, возвеличивая Морозова, авторы, разумеется, восхваляли Сталина, соединяя оба имени кратчайшей прямой. В поэме «Павлик Морозов» Степана Щипачева отобранный у родных и соседей хлеб герой везет с красным знаменем в руках и с мыслью о вожде: «Сталин за это, чего же бояться мне! А тронуть меня попробуют, им не сойдет это так...». Предавая отца, Павлик, по замыслу поэта, понимает, что отец у него теперь будет другой:

Отец — дорогое слово!
В нем нежность, в нем и суровость.
Сталину, совершая
Всей жизни своей поворот,
Любовь свою выражает
Этим словом народ.

Если есть новый отец, Сталин, зачем Павлику, с точки зрения Щипачева, старый отец, который его наказывал? И мальчик выбирает из двух отцов того, который ведет в светлое будущее, а не в хлев — вывозить навоз. Старого же отца следует «пустить в расход», как тогда говорили, не сомневаясь, ведь Сталин освобождает человека от предрассудков и всю моральную ответственность берет на себя. Павел !

Стоит, как под знаменем, прямо,
Не скрыв от суда ничего.
С простенка, из тоненькой рамы,
Сталин глядит на него.

Морозов и уполномоченный ОГПУ мыслят в унисон. У уполномоченного своя программа вырасти: ему надо сообщить о доносе Павла в Москву.

Тоненький медный провод
Бежит до Москвы, до Кремля.

И низовой работник мечтает, что в случае удачного доноса его жизнь переменится:

И, может, из мест лесистых
Дойдет до трибуны в Кремле,
Товарища Сталина, может,
Увидит...

Отца заменили на вождя, а вождь уже подготовил замену и для матери. «...Будьте достойными сыновьями и дочерьми нашей матери — Всесоюзной коммунистической партии», — писал Сталин. Он призывал поднять ярость миллионных масс. В стране по его инициативе активизируется деятельность государственного учреждения для сбора доносов: Бюро жалоб — своеобразного общесоюзного уха. Фактически сведениями, поступавшими в Бюро жалоб, пользовались прокуратура и ОГПУ.

В биографической хронике Собрании сочинений Сталина говорится, что законы в это время гениальный вождь сочинял сам. По ним местные власти начали осуществлять уничтожение кулачества. В разгаре этой кампании был поднят на щит Павлик Морозов.

Многие биографы Сталина отмечали его способность приписывать врагам собственные криминальные намерения и рассчитывать политические интриги на ряд ходов вперед. В НКВД работал особый центр, фабриковавший дела типа дела Павлика Морозова. Начиная коллективизацию, вождь уже замышлял последующие массовые акции, для которых система массового доносительства была необходима. Там, в кабинетах, загодя моделировали детали показательных процессов над оппонентами, которые якобы хотели убить Сталина. Герой-доносчик в этой программе выполнял поистине историческую миссию.

Через год после Первого съезда советских писателей Горький писал в отдел культуры и пропаганды ленинизма ЦК партии Алексею Стецкому и Александру Щербакову (последнего

Сталин назначил секретарем в Союз писателей): «Обращаю внимание Ваше на тот факт, что до сей поры еще ничего не сделано по вопросу о памятнике Морозову». Одновременно Горький ратовал за памятник Пушкину в Ленинграде, но с меньшей настойчивостью. В речи на совещании писателей, композиторов, художников и кинорежиссеров Горький опять напоминал, что в книгах недостаточно пионеров, которые разоблачают врагов партии. Присутствовавший в президиуме Щербаков вставлял реплики, свидетельствуя, что тема одобрена наверху. Щербаков был «умерщвлен путем вредительского лечения», как сообщила «Правда». Эта формула применялась, когда жертва была отравлена по личному указанию Сталина.

В январе 1934 года председатель Центрального бюро юных пионеров Золотухин заявил в «Пионерской правде», что вопрос о постройке памятника в Москве разрешен. Он не сказал, кем разрешен, но пояснил, что деньги надо не просить у партии и правительства, а собирать. Не знала, кем разрешен вопрос, и Крупская, относясь к памятнику без энтузиазма. В письме редактору газеты «Колхозные ребята» Крупская писала: «Уважаемый товарищ, возвращаю альбом деткоровских проектов памятника Павлику Морозову. Вся кампания, которая проводилась в связи с убийством Павлика, имела очень большое значение, обостряя вопрос о необходимости повышать политическую активность ребят. Но по части памятников я не спец, больше придаю значения живым памятникам». Редактор газеты «Колхозные ребята» Татьяна Наумова была одним из энергичных исполнителей кампании, связанной с детскими доносами, в том числе с помпезной выставкой проектов памятника герою 001. Наумову арестовали по доносу, она погибла в лагерях.

В 1936 году вышла книга поэта Валентина Боровина, в предисловии к которой сообщалось, что имя Морозова «носят тысячи отрядов, звеньев, клубов и домов колхозных ребят недаром, и недаром ему при входе на Красную площадь в Москве воздвигается памятник». Монумент еще не сооружался, но бумажки по канцеляриям ползли.

Тот факт, что памятник мальчику было разрешено поставить у Кремлевской стены, устраняет сомнения в решении этого вопроса лично Сталиным, ибо даже крупнейших деятелей партии и государства замуровывали в стене без памятников. Таким образом, завершилось бы идеальное архитектурное триединство центра страны: мавзолеем основателю, монумент доносчику и лобное место, где по доносам в средние века рубили головы диссидентам.

Книга о Морозове корреспондента «Пионерской правды» Смирнова, вышедшая в 1938 году, заканчивалась так: «Помнит о нем и тот, кто неустанно заботится о счастье народов, — любимый вождь и отец всех ребят товарищ Сталин. (Итак, он один заменил всех отцов страны. — Ю. Д.) Год тому назад товарищ Сталин предложил Московскому совету поставить у Красной площади памятник Павлику Морозову. Лучшие скульпторы, художники, а также сотни пионеров думали над проектом памятника. Теперь проект утвержден. Скоро у Александровского сада, при входе на Красную площадь, будет поставлен памятник. В дни революционных праздников мимо памятника будут проходить тысячи радостных и веселых детей — пионеров и школьников. Они отдадут салют Павлику Морозову и будут петь песни о счастливой жизни, которую создали нам родная большевистская партия и наш дорогой вождь и учитель Иосиф Виссарионович Сталин».

Такие слова не могли быть опубликованы без согласований. Цензура зорко следила за каждым упоминанием в печати имени Сталина. Однако неясности остаются. Памятник поставили спустя еще десять лет, и не у Красной площади. До самого последнего момента было неясно, где он окажется. Говорят, у Сталина просто боялись спросить.

Комсомольский работник и журналист Гусев в книге «Юные пионеры» писал, что открытие памятника состоится недалеко от городского Дома пионеров, у Кировских, бывших Мясницких, ворот. А появился монумент в неухоженном сквере одного из самых грязных и бедных районов Москвы, не отстроенном до конца и теперь, на Красной Пресне, появился там, где Нововаганьковский переулок, неподалеку от старого кладбища, еще в 30-е году переименовали в переулок Павлика Морозова.

Почему бронзовый герой был установлен с таким опозданием? В связи с чем Сталин передумал и отправил Морозова с Красной площади на задворки?

Установка монумента затянулась сначала как будто бы по финансовым, затем по художественным причинам и, наконец, в связи с войной. Но более существенно то, что изменилась позиция самого Сталина, иначе он мог бы попросить автора проекта скульптора Иосифа Рабиновича поработать сверхурочно. Не исключено, что дряхлеющий вождь уже готовил место рядом с Лениным для себя. Но имелась и более веская причина.

Ритуал открытия памятника усугубляет подозрения, что отношение Сталина к Морозову изменилось. На открытии присутствовали лица второстепенные. Рассказывая об открытии монумента в декабре 1948 года, газета «Вечерняя Москва» даже не упомянула великого вождя всех народов и заявила: «Мечта Горького осуществлена». Собравшиеся на митинг послали в конце приветствие Сталину. Но то была рутина. По Москве поползла шутка, что в ней теперь два монумента первым людям: первопечатнику и первоносощику. Первопечатником в России считается Иван Федоров (XVI век).

Группа писателей в связи с открытием памятника выразила верноподданнические чувства, призвав в «Пионерской правде» всех детей страны продолжать делать то, что делал Морозов. Коллективное обращение подписали самые известные писатели, драматурги, поэты того времени: Александр Фадеев, Леонид Леонов, Самуил Маршак, Всеволод Иванов, Валентин Катаев, Всеволод Вишневский, Сергей Михалков, Лев Кассиль, Анатолий Софронов, Михаил Пришвин, Агния Барто, Сергей Григорьев, Борис Емельянов, Лазарь Лагин. Авторы обращения недвусмысленно говорили, что те дети, которые будут следовать путем Павлика Морозова, станут героями, учеными и маршалами.

За письмом, как ни странно, не последовали обычные отклики прессы. Многие газеты вообще не упомянули о монументе. Такое в Советском Союзе случайно не случается. Мы видели памятник вскоре после его открытия. На цоколе был текст: «Павлику Морозову от московских писателей». Потом эту дарственную надпись соскоблили. Старая волна доноительства 30-х годов прошла, а новая волна 40-х — начала 50-х, связанная с антисемитизмом и делом врачей, вынесла новую, образованную, героиню-осведомительницу — врача Лидию Тимашук, доносчицу на своих коллег, имя которой, как писала в «Правде» журналистка Ольга Чечеткина, «стало символом советского патриотизма, высокой бдительности, непримиримой, мужественной борьбы с врагами нашей Родины». За две недели до смерти Сталина газета назвала Тимашук «дочкой нашей Родины», и ее наградили орденом Ленина за помощь, оказанную правительству в деле разоблачения так называемых «врачей-убийц».

Оглядывая волны доноительства с исторического расстояния, заметим, что первая волна, разгоревшись в 1932-м, в 1938-м пошла на убыль. Вторая волна (1948-53) оказалась не столь массовой, и наиболее известные доносчики этих лет были в основном люди взрослые.

Ситуация изменилась, но про нашего героя Сталин не забыл. Через четыре года после установки памятника Павлику Морозову в Москве вождь разрешил построить монумент в Зауралье, на родине доносчика. В найденном нами в архиве Соломеина письме заведующий Тавдинским районным отделом культуры Г. Фомин сообщал: «Состоялось постановление Совета Министров СССР, подписанное лично тов. Сталиным И. В., о предоставлении льгот колхозу. Выделено на 1953 год 220 тысяч рублей на строительство сельского клуба им. П. Морозова и 80 тысяч рублей на строительство памятника П. Морозову...». Как видим, собрать деньги на добровольных началах так и не удалось.

Монументы Морозову возводились, но доноительство в стране временно перестало восхваляться. Что вынудило Сталина прекратить кампанию? Доноительство стало неуправляемым. Эпидемия эта просто мешала нормальной деятельности охранительных организаций. Возможно, были приняты в расчет и соображения ставших взрослыми павликов — партийных чиновников третьего поколения. Они уже занимали посты и не хотели, чтобы на них доносило четвертое. Кампания массовых доносов в какой-то степени затронула семью

самого Сталина. Вторая жена его Надежда Аллилуева покончила с собой как раз в разгар кампании, призывающей расстрелять родственников Морозова. Существуют предположения, что самоубийство произошло от ужаса женщины перед кровавым террором, развязанным ее мужем. Когда Сталину донесли на сына Якова, что он что-то не то сказал, Сталин, чтобы наказать Якова, посадил его жену. Другой сын, генерал Василий Сталин, донес на своего начальника, маршала авиации Новикова, за что тот был предан суду, а оправдан лишь после смерти Сталина.

Но, конечно, главная причина отказа от детей-доносчиков — сокращение репрессий, начиная с 1938 года. Приближающаяся война требовала выдвинуть на первое место тип героя, готового пролить кровь в боях за Сталина на фронте, а не в драке с родственниками. Старый герой отошел на второй план.

Как же все-таки сам Сталин относился к Павлику Морозову?

Выдвижение и уничтожение людей было для генсека будничной и обязательной работой. Обязательной потому, что без нее он не удержался бы долго у власти и сам. Досье на тысячи морозовых готовили аппараты всех учреждений, и прежде всего ЦК партии, ОГПУ, комсомол и их местные органы. Вождю подавались предложения, наиболее выгодные в данный момент не только для него самого, но и для руководителей данного ведомства. Видимо, так был создан и утвержден Морозов — доносчик 001.

Судя по отношению Сталина к другим людям, безраздельно ему преданным, которых он отправил на смерть, этот мизантроп презирал всех без исключения, а приближал и выдвигал тех, в ком в данный период нуждался. Так вождю понадобился и Морозов. Известно, что Сталин легко переводил людей из категории живых в мертвецов. В данном случае был совершен перевод полезного вождю человека из мертвых в живые. Приходится признать, что Сталину и его мафии удалось создать армию подражателей Морозову. Миф стал реальностью советской жизни.

Глава тринадцатая. ПАЛОМНИЧЕСТВО В ГЕРАСИМОВКУ

После двух судебных процессов, расстрела и последующих арестов из большой семьи Морозовых осталась в деревне мать Павлика с младшим сыном Романом. Двое ее детей были убиты, четвертого, Алексея, она сама сдала в детский дом. В газетах Татьяна Морозова значилась матерью героя — привилегированная должность в советской стране. Как бы ни оценивали мы поступки Павлика, для матери он остался сыном. А она потеряла тогда двоих. И мертвых она любила их до конца своих дней. Это свято.

О том, что происходило тогда в Герасимовке, мать Павлика помнила хорошо и охотно нам рассказывала. Всенародная любовь к герою, о которой писали газеты, в рассказе этом выглядела не столь рекламно: «Врагов у Павлика было много. Могилу его затапывали, звезду ломали, полдеревни ходило туда испражняться».

Смерть ее сыновей была только началом. На Голгофу матери еще предстояло взойти. Через месяц после похорон, по случаю 15-летия Октябрьской революции, власти организовали в деревне большевистские поминки по убиенным детям. Манифестация протекала жизнерадостно, в соответствии с особой ролью убитых детей. Миф, созданный наверху, пришел в деревню и начал вытеснять реальность.

«Оживилась изба-читальня от веселого гомона и песен ребят, — бодро писал журналист Соломеин в «Пионерской правде», назвав статью «На свежей могиле». — Вместе с двумя женщинами в сельсовет вошла Татьяна Морозова, худая, постаревшая от переживаний мать Павлика». На столе венок. Ребята поют, веселятся, с гоготом идут гулять на кладбище. Там, возле могилы, заранее сколочена трибуна. С нее приезжие представители произносят речи о подвиге пионера Морозова и кулаках-убийцах. «Небольшой курьез, — читаем далее, — результат культурной отсталости и неграмотности матери Павлика — Татьяны Морозовой. Тела Павлика и Феди Морозовых, конечно, хоронили без попа. На могиле — красная звезда и траурное знамя с надписью: «Братская могила братьев Морозовых». А напротив... стоит крест...

Татьяна Морозова понимает, что кулак — «злой человек», но вера в бога, подкрепленная советами набожных соседок, крепко засела в сознании обезумевшей от горя матери». Газета требовала: «Не плакать, а еще больше сплотиться вокруг партии».

Морозову переселили в большой дом, хозяев которого перед этим арестовали. Она получила часть кулацкого имущества, но в Герасимовке ее ненавидели, оскорбляли. Крестьяне возлагали на Татьяну вину за воспитание ребенка, который причинял столько горя деревне. Привилегии, ей созданные, еще больше озлобили людей. Из деревни ей пришлось переехать в районный центр. «Меня НКВД взял на казарменное обеспечение, — вспоминала Морозова. — Дали комнату, кровать, две подушки, продукты. Я как мать героя не работала».

Неприязнь к матери Павлика Морозова сохранилась в Герасимовке и через полвека, мы ее почувствовали, но выражается она сдержанней.

Учительница Кабина вспоминает: «Татьяне дали квартиру на улице Сталина, освободившуюся после высылки врагов народа. Мебель, тюлевые занавески, белье, одежда — все это было чужое, а стало ее. Ей такое и во сне не снилось. Люди везде голодали, а ей выдавали в ОГПУ хорошие продукты, сладости. Сына ее, Алексея, отправляли каждое лето в пионерский лагерь Артек». Об этом писали и газеты: правительство позаботилось о матери героя, ей назначили пожизненную персональную пенсию, и врачи предложили переехать жить на курорт в Крым. Говорили, что Сталин лично распорядился позаботиться о ней. Но она умела и сама требовать. Входила и заявляла: «Я — мать героя-пионера...» И отказать боялись.

В Крыму еще существовала татарская автономия, но уже выселяли греков и немцев. Воронцовский дворец в Алушке стал правительственной дачей. В округе шла чистка кварталов, и освободившиеся дома заселяли доверенными людьми. Здесь, на южном берегу, Морозова проживала до конца дней.

Третий ее сын, Роман, был в конце войны ранен, умер дома у нее на глазах, и она осталась одна. Судьба не была к ней милосерднее, чем к другим, скорее, наоборот: ведь единственный оставшийся в живых Алексей, который с нею вместе показывал на суде на дедушку и бабушку, требуя их расстрелять, этот ее сын тогда сидел в тюрьме. Вот что писал о родном брате Павлика заведующий отделом культуры райисполкома Фомин писателю Соломеину в уже цитированном письме: «Алексей Морозов сидел с 1941 по 1951 год. Осенью 1951 года освобожден. Работает в городе Нижний Тагил на заводе. Сидел за измену Родине (не выполнил задания командования)». «Алексей был приговорен военным трибуналом к расстрелу, — вспоминает крестьянка Беркина, — но мать за него хлопотала, и как брату героя расстрел ему заменили на десять лет».

Причины ареста Алексея Морозова неясны. Он окончил летное училище. В его воинской части были свои павлики морозовы, могли донести и на невиновного. Крестьянка из Герасимовки, тетка Алексея, Беркина, к которой он приезжал с женой и сыном после освобождения, рассказала, что ее племянник напился перед боевым вылетом. Ей он сказал, что его тогда подпоили и что с тех пор он не пьет. Родственник же его Байдаков, отсидевший по той же 58-й статье, рассказывал нам, что повстречался с Алексеем в тюрьме. В летной части Алексея не любили за то, что он требовал особого положения как брат пионера-героя. Товарищи по части напоили его, а когда он заснул, положили ему за голенище сапога как криминальный материал фотопленку с изображением линии фронта. После этого вызвали представителя СМЕРШа — военной секретной полиции.

Тот факт, что брат пионера-героя отсидел десять лет за шпионаж, тщательно скрывался советской печатью. В наши дни Алексей — молчаливый трудолюбивый человек. Вспоминать о старом не хочет. Два года отработал грузчиком на вредном химическом производстве, чтобы получить пенсию побольше.

Сын Алексея назван в честь убитого дяди-героя Павликом — пятое поколение известных нам Морозовых. Он отслужил в армии, где потерял зубы, находясь во вредной зоне, и стал работать слесарем на заводе. Павлик Морозов-младший женился, о чем сообщалось в печати, и вскоре развелся, о чем печать умолчала. «Так теперь молодые живут», — сказала нам Татьяна

Морозова, осуждая мораль нового поколения. А Павлик — жизнерадостный молодой человек, живет в свое удовольствие, любит выпить с приятелями, учиться не хочет, из кинофильмов предпочитает иностранные и, в отличие от своего знаменитого дяди, не собирается доносить на родителей и соседей.

Седая старушка в цветастом халате и пестром платке встретила нас в комнате, похожей на запасник провинциального музея. На стенах, на шкафу, на столе и на комодке — портреты и бюсты разных размеров ее знаменитого сына-героя. Тут же бюсты Ленина и писателя Антона Чехова, который жил неподалеку в Ялте. А между портретами Павлика — иконы.

Жили оставшиеся Морозовы в уютном доме на горе, омываемой Черным морем. Вокруг, за высокими заборами, стояли санатории и роскошные виллы для советской партийной элиты. Наследники Морозовых вернулись к тому, с чем сверстники Павлика боролись полвека назад — к скромному предпринимательству. Летом они сдают отдыхающим свой домик и сарайчики вокруг. Это приносит неплохой доход.

В пору послесталинских разоблачений в «Курортной газете» Крыма появилась статья. «Бабушка Морозиха», говорилось в ней, скупает по дешевке фрукты и продает на рынке втридорога, спекулирует. Газета призывала «сделать выводы». Но власти дело это замаяли.

«Никто ко мне не едет, — жаловалась Татьяна Морозова в наш последний приезд, — никому я теперь не нужна. Письма приходили раньше по пять, а то и по восемь в день. А сейчас мало писем. Пишут дети глупости: «Дорогая Таня, в каком ты классе? Давай с тобой переписываться». А мне-то скоро девяносто!»

До последних дней (она умерла в 1983 году) мать пионера 001 сидела в президиумах идеологических мероприятий — живой образец преданности делу коммунизма. На нее под аплодисменты надевали пионерский галстук. Единственная трудность наступала, когда надо было выйти на трибуну. «Будьте такими, как мой Павлик!» — произносила неграмотная женщина и умолкала, не умея прочесть текст, который ей заготовили и сунули в руку комсомольские лидеры. Периодически мать героя, соучеников и родственников Павлика власти приглашали на различные торжества в Герасимовку, куда для массовости собирали население всей округи.

Колхоз носит имя Павлика Морозова по сей день. На его примере можно видеть достижения коллективизации. После убийства Морозова в колхоз записались пятеро. Через два года колхоз организовался еще раз, и в него вошли семнадцать крестьян. К 1937 году в колхоз вступил еще один человек. А в 1941 году стало 50 членов колхоза. Между тем на длинной герасимовской улице было 104 двора. Выходит, что к тому времени, когда советская власть торжественно праздновала четверть века своего существования, половина Герасимовки оставалась единоличной.

«Кулаков у нас вообще не было, — говорила нам крестьянка Вера Беркина. — Но стало много активистов, которые хотели не работать, а жить за чужой счет. Они, бывало, выселят кого-нибудь из деревни по доносу, а потом сами разоряют его дом. Гуляют, все выпьют, съедят и расходятся по своим избам, опять становятся активистами. Выслали бы из деревни и больше, да у нас самый бедный имел корову, а самый богатый — две коровы. На всю Герасимовку было девять самоваров, а дети и скотина зимой находились в избе вместе и ели из одного корыта».

Разорение 30-х годов усугубилось почти полным отсутствием мужчин в войну и после нее. Заведующий районным отделом культуры Фомин в письме сообщал Соломеину: «Колхоз экономически слаб, трудоспособных колхозников мало. Урожайи получает низкие. Продуктивность общественного животноводства также низкая, посеы колхоза в течение нескольких послевоенных лет подвергались вымоканию. Это обстоятельство и подорвало экономику колхоза». Нет, не это обстоятельство подорвало экономику, и не только колхоза, но всей России.

Разоблачая кулаков, якобы разоряющих деревню, журналист Смирнов писал в «Пионерской правде» какой была Сибирь до революции: «А рынок был большой, богатый.

Отсюда шла за границу первосортная пшеница, лучшие сорта масла, сыров, меха, кожи». В год смерти Сталина уровень сельского хозяйства в стране был ниже дореволюционного. С тех пор как завершилась борьба с кулачеством, мяса и масла в Сибири и на Урале не хватало. Все это стало по талонам. Молоко давали только детям, очередь нужно было занимать с пяти утра. Пшеница, как известно, идет из-за границы.

Эксплуатация колхозников в Герасимовке такая, которая и не снилась помещикам в царской России. За барщину в колхозе крестьянин получает право на участок, где может вырастить что-то на пропитание себе. Тут он работает второй рабочий день. По официальной статистике еще пять часов к девяти основным. А живет впроголодь. В поезде мы разговорились с детским врачом из местной поликлиники. Хроническое недоедание, рассказывала она, приводит к тому, что подростки здесь ростом ниже городских сверстников, а смертность их от психических расстройств в три раза выше, чем подростков в городе. Много рождается больных и умственно неполноценных.

Когда Герасимовка стала местом организованного политического паломничества, Сталин лично, как мы уже знаем, отпускал сюда деньги. Приближенные к герою люди и колхоз имени Павлика Морозова, так сказать, стригли купоны со славы героя. Его бывшая учительница с гордостью рассказывала нам, что ей раз в месяц дают лишний талон на двести граммов масла. В деревню проложили асфальтированную дорогу и провели электричество. На многих домах солону сменил шифер, встали телевизионные антенны. Напротив новой могилы доносчика 001 построили кирпичную семилетнюю школу. Каменный Павлик видит на ней выцветший лозунг, зовущий строить коммунизм, светлое будущее человечества. Заборы всем в деревне велено побелить. И стоят они, все одинаковые, в подтеках от дождя. Вдоль заборов в автобусах провозят туристов в музей Павлика Морозова. До сих пор партийные чиновники командуют в Герасимовке, заставляя колхозников работать, правда, теперь уполномоченные ездят не верхом, а в служебных легковых машинах. Но хотя все церкви сожжены и разрушены до фундаментов, в домах по-прежнему иконы, а не портреты вождей или Павлика Морозова.

Стоит Герасимовка между лагерей принудительного труда, раскинутых по всему обширному пространству Урала и Сибири. Едешь поездом из Свердловска в Тавду — и часами тянутся колючие заграждения в несколько рядов, вышки. Днем и ночью слышится лай собак. В поселках — автобусы с железными решетками на окнах, без сидений, забитые изможденными зеками, обритыми наголо. А у задних дверей откормленные овчарки, которых держат молоденькие солдаты внутренних войск. Куда ни глянь — военные, милиция, специфические личности в штатском, с подозрением оглядывающие каждого. Страшная, бесчеловечная земля, заселенная, однако, людьми.

По-разному сложились судьбы современников Павлика Морозова. Его одноклассник Яков Юдов, который, как писали газеты, впереди всех с гордо поднятой головой нес пионерское красное знамя, исчез, скрывался от семьи, от уплаты алиментов, стал пьяницей и был убит в драке. Одноклассница Павлика Матрена Королькова работала в спецдетприемнике — доме для детей, оставшихся после арестов родителей. Мы нашли ее в Харькове. Она служила в охране, в милиции, на письма пионеров отвечать не хотела, говорила, что ей это надоело.

В больнице удалось нам разыскать учительницу Зою Кабину. Писатель Губарев не встречался с ней, но уверенно писал в журнале «Молодой коммунист»: «Без преувеличения можно сказать, что это она воспитала Павлика героем». Теперь мы знаем иное. Разойдясь с осведомителем Иваном Потупчиком, Кабина вышла замуж за спецпереселенца, сына кулака, и за брак с классовым врагом была исключена из комсомола. Говорят, Кабина швырнула в лицо уполномоченному комсомольский билет. Учительнице пришлось работать в магазине продавцом. Когда мы с ней встретились и беседовали, она была на пенсии, благополучно жила в Санкт-Петербурге, воспитывала внуков. О прошлом она говорила осторожно, без восторга и без осуждения.

Дожили на почетных пенсиях до середины 80-х годов помощник уполномоченного ОГПУ Спиридон Карташов и осведомитель, каратель и кадровик Иван Потупчик. Мы успели застать обоих в живых.

О людях, попавших в орбиту героя, написано немало, и в уста им вложено то, что нужно было органам власти. «Многие из героев, — возмущался Соломеин своими коллегами в неопубликованной статье, найденной нами в его личном архиве, — и сейчас живут. Читают они книги и морщатся от этой лжи, которая написана о них». Впрочем, многие не морщатся, а наоборот, довольны.

Места умирающих современников прославленного героя-пионера занимают другие люди, греющиеся у его славы. Они называют себя его учителями, хотя появились в герасимовской школе после его смерти, другие уверяют, что сидели с Павликом на одной парте. Мы посчитали по воспоминаниям, и оказалось, что на двухместной парте с героем сидело около двадцати человек.

Герасимовка оставляет противоречивое впечатление. Вековая дикость и приметы нового фантазмагорически смешались. Природа тут с остатками былой красоты. Сказочные озера и порожистые реки отравлены химией. Царственные леса — одни вырубаются, другие горят на тысячи верст. Топи, тучи комаров, заснешь — съедят живьем. Накануне нашего приезда медведь задрал в лесу корову. Не так давно крестьянин пошел ловить рыбу на озеро, заблудился, бродил по болотам тринадцать дней, еле выполз к человеческому жилью. А по лесам ходят батальоны солдат с рациями и автоматами, разыскивая и расстреливая беглых заключенных.

В деревне школьники, одетые в джинсы, дома крутят магнитофонные пленки с музыкой рок и смеются над героем-доносчиком, а на уроках с выражением читают посвященные ему стихи. Местные газеты рассказывают, что счастливая жизнь, за которую боролся Павлик Морозов, наступила, а в автобусе, в котором мы возвращались из Герасимовки в районный центр, из-за освободившегося места подрались двое парней, лилась кровь. На остановке жены их били друг друга, грязно матерились, в бешенстве угрожали отомстить всей семье.

О жизни односельчан Павлика Морозова рассказала нам старая крестьянка Елена Сакова, первая из тех, кто когда-то осваивал эти места: «Самое страшное у нас в деревне — пьянство: все теперь пьют, вся Герасимовка. И детей спаивают. Если водки и самогона нет, пьют одеколон и жидкость от клопов. У моей соседки, тетки Павлика Морозова, недавно сгорел в машине сын: пьяный на грузовике столкнулся с автобусом. Жертв было!.. Жена его сейчас заведует музеем. Деньги получает за героизм Павлика. Она у нас специально обучена, как правильно про этот героизм рассказывать надо. А у меня ты, сынок, коробочку на столе больше не нажимай и тетрадочку убери, ничего не записывай. За это знаешь что бывает?»

И старая крестьянка положила на столе по два пальца обеих рук крест-накрест. Только после смерти Саковой решились мы ее слова опубликовать.

Глава четырнадцатая. ДОНОСИТЬ ИЛИ НЕ ДОНОСИТЬ?

Как же «надо» рассказывать про Павлика Морозова? Иными словами, остается ли герой-доносчик государственным эталоном поведения гражданина, как это было в 30-е годы? Журнал «Огонек» при Сталине писал, что Морозов являет собой «историю родной страны в сталинскую эпоху». Кончилась ли она, эта эпоха?

Произвол Сталина официально был осужден, как и массовые репрессии. Советская историческая энциклопедия, например, толкует роль активистов вроде Морозова в коллективизации не иначе как отрицательную. В 60-е годы сделаны были попытки (не увенчавшиеся, правда, успехом) общественно осудить доносчиков 30-х годов. И тем не менее через три года после смерти Сталина произошло нечто, казалось бы, нелогичное: имя Павлика Морозова «навечно» вписывается в Книгу почета Всесоюзной пионерской организации под номером 001.

Памятники Сталину сняты, а памятники герою-доносчику остались. Одинаковые памятники — пионер с красным знаменем — воздвигнуты во многих городах, унылый оброк социалистического реализма. В поздних советских исторических исследованиях период коллективизации переписывается заново. В этих сочинениях вообще не упоминается основная задача партии — уничтожение кулачества. Иногда витиевато пишется о воспитании крестьян. Есть работы, где вообще нет слова «кулак». А как с доношением?

Обратимся к книге Томаша Ржезача «Спираль измены Солженицына», выпущенной советским издательством «Прогресс» в 1978 году, эпиграфом к которой взяты слова Плутарха: «Предатели предают прежде всего самих себя».

Ржезач считает, что доношение есть следствие трусости. Писатель, которого книга клеймит позором, по мнению автора, доносил с детства. Он «доносил и доносил об антисоветской деятельности... на свою жену... на друзей... на случайного попутчика... на людей близких и далеких». Когда во время войны писателя посадили, ему, по Ржезачу, сбавили срок за доносы, за то, что он стал тайным информатором лагерной администрации. Согласно этой книге, советские органы безопасности использовали этого заключенного «лишь на самой низкой ступеньке — в роли лагерного стукача», которого ждала после этого «нравственная смерть».

Цель книги Ржезача — попытка скомпрометировать всемирно известного писателя. Прозрачен автор — сквозь него виден заказчик данной работы. В то же время книга недвусмысленно толкует образ советского гражданина, сотрудничающего с тайной полицией, как подонка. Советские власти не смогли найти другого способа замарать человека, кроме как распространить массовым тиражом слух о том, что он был стукачом. В портрет доносчика, по этой книге, входят глубокая непорядочность, изворотливость, лживая и грязная душа. У доносчика элементарная психология, характерная для преступника.

Такова напоказ обновленная официальная советская оценка деятельности павликов морозовых, суть которой — аморальность политического доноса в принципе, и мы готовы разделить эту точку зрения.

В отдельные годы пропаганда подвигов Павлика Морозова велась вяло, затихала или даже не одобрялась. Похоже, что властям было не ясно, что с этим мальчиком делать, как его отретушировать. Во втором издании Большой советской энциклопедии написано, что Павлик «разоблачил своего отца»; в третьем — что пионеры «разоблачали вражеские действия кулаков». В третьем издании Малой советской энциклопедии уже не сообщается не только о том, что Павел донес на отца, но и вообще, что он кого-либо разоблачал. Оказывается, он «вместе с крестьянами-бедняками участвовал в изъятии хлеба в период коллективизации». В предисловии к первому изданию «Детской энциклопедии» (1962 г.) Никита Хрущев положительно оценивал Павлика Морозова, назвав его «бессмертным ровесником». Во втором издании Морозова отодвинули и первым назвали малоизвестного героя — деткора пионерской газеты Никину Семина. В третьем издании туманно говорится, что Павлик и другие такие дети «совершили трудовой и гражданский подвиг».

Оболочка мифа оставалась, а суть подменяли: Морозов просто был героем и за это убит. Он многозначительно называется «трагическим героем». Заслуги его выражены в неопределенно-расплывчатых формулировках: «благородный нравственный облик», «пример беззаветного служения народу». Писатель Губарев в своих воспоминаниях, опубликованных в журнале «Молодой коммунист», вообще пересмотрел суть дела. Уже не Морозов предал отца, а наоборот — отец сына: «тяжело до слез переживал мальчик предательство отца». В последних изданиях по истории Морозов вообще не упоминается.

Но — официально пионерская организация еще недавно называлась в печати «гвардией Морозова». Морозов канонизирован. Заскорузлая машина пропаганды крутила одну и ту же пластинку. День его убийства был включен в систему государственных юбилеев. В его честь давались священные клятвы, пионеры в торжественной обстановке брали горсть земли с его могилы, организовывались спортивные игры на приз его имени, уроки мужества с барабанным

боем и состязания за право зажечь костер в день смерти героя. Имя Морозова присвоено множеству улиц, школ, библиотек, лагерей, парков, пионерских дружин, колхозов, домов культуры и домов пионеров и даже лесничеству (видимо, потому, что Павлик и Федя Морозовы были зарезаны в лесу). Специальное постановление обязывало создать Национальный парк с мемориалом в деревне Герасимовке.

А в жизни? Все население внутренне отрицает героя-доносчика по чисто практическим соображениям. Воспитывая доносительство, власти достигли обратного результата. Неуважение государства к личности и личной собственности не могло не воспитать ответную реакцию неуважения личности к государству и его собственности. Когда все дети знают, откуда матери потихоньку приносят колбасу, а отцы — гвозди и доски, в семьях все труднее отыскать павликов. Нужны ли дети-предатели руководителям страны?

Идеология требует верности идеалам отцов, а верность подорвана именно доносчиками. Дети ответственных работников всех рангов рвутся на службу в то учреждение, с которым сотрудничал Морозов, не для того, чтобы работать мелкими сексотами, а чтобы больше получать и ездить за границу. Когда требуется доносить, они, разумеется, доносят, но при этом оберегая свою семью. Двойная мораль становится тройной: для себя, для родных и друзей, для чужих. А может, и многослойной, в зависимости от уровня культуры, внутренних табу и обстоятельств.

Формула всеобщего доносительства в новых условиях также не годна: доносить должны те, кому положено, и на тех, на кого сейчас необходимо. Само слово «доносить» звучит для русского уха неприятно, поэтому с шестидесятых годов газеты стали призывать трудящихся «сигнализировать». Система вербовки стала секретной, героев держат на учете без рекламы, но за реальные вознаграждения. Аппарат слежки вырос в несколько раз и усовершенствован с использованием западной компьютерной техники. К тому же технический прогресс сделал донос дистанционным и, кстати, менее обременительным для совести осведомителя.

В глазах все большего числа граждан старомодный стукач энтузиаст превращается в антигероя. В компании про незнакомого человека осторожно спрашивают, не Павлик ли он Морозов. Трудно найти среди уважаемых авторов того, кто взялся бы теперь восхвалять подвиги доносчика 001.

Так, может быть, проститься с мифом, реабилитировать жертвы морозовских процессов и назвать реальных убийц? И, вообще, может, больше не надо ни новой, ни классовой морали, вернемся к обыкновенной, то есть человеческой?

Ан нет! Один ответственный партийный работник объяснил нам, что разрушать представление о героях — это тяжелое нравственное потрясение, и делать это трудно. Сейчас многие знаменитости воруют и спиваются. Поэтому имена живых героев присваивать учреждениям запрещено. А старые герои проверены. Павлик немного устарел, заключил этот партийный работник, но еще пригодится.

Власти в стране волнует применительно к истории практическое соображение: обвиняя своих предшественников, доказать, что они, новые руководители, лучше. Уходит поколение функционеров, сверстников Морозова, коим за семьдесят, те ровесники Октября, которые, обладая качествами Павлика, долго занимали ключевые позиции в партии. Все, чем они владели, а владели они всем, было достигнуто благодаря морали Морозова. Казалось, герой умрет вместе с ними. Но нынешнее поколение лидеров пробиравшись к власти тем же способом, ибо другого, открытого, демократического не было. Невозможно представить себе, что человек вошел в правящую верхушку без кооперации с органами. Даже если завтра власти откажутся от Павлика Морозова, послезавтра они заменят его другим мифом. Эпохи и лидеры меняются, а призывы доносить — живут, покуда живет тоталитарная система. Случайно ли это?

Во всех утопических моделях государства осведомителям отводилась важная роль в охране модели от посягательств ее разрушить. Но вот утопическая схема реализована, а нет ни обещанной свободы, ни благоденствия.

Наступает второй этап — всеобщее разочарование и недовольство. Для власти, узаконившей насилие, процедура подавления технически не сложна, однако имеет, так сказать, демографическое ограничение. Можно покончить с не нравящимися этническими группами, можно уничтожить половину населения, но нельзя умертвить весь народ, ибо тогда некем будет управлять. К тому же перманентная гражданская война ведет к голоду и экономическому развалу. Постепенно всеобщее подавление недовольства сменяется выборочным. И органам подавления нужна обратная связь, чтобы узнать, что именно осталось неподавленным.

Социальное положение осведомителя неустойчиво: из страха или по природной склонности он клюнул на наживку, но в ней оказался крючок. Доноситель строит свое счастье на чужих бедах. Он пытается быть еще более преданным своим нанимателям, но для них он все равно не свой. Вернуться к покою доноситель не может: этого не допустят наниматели. Юридический статус осведомителя тоже не ясен. В органах принуждения он значится под кличками, подачки за труд получает подпольно, профсоюза стукачей, защищающего его интересы, пока не создано. Как правило, он вынужден выполнять иную работу для прикрытия своей деятельности: быть дворником или поэтом.

В демократическом государстве аппарат осведомителей крайне ограничен и используется для выявления нелегальных акций, например террора. В тотальном — для слежки за любыми действиями индивида, ибо легальность тех или иных действий здесь либо отсутствует вообще, либо временна. Неофициальная духовная жизнь, подпольная экономика и другие проявления естественной жизни населения побуждают власть постоянно расширять сеть осведомителей. Растущий аппарат управления страной, военное ведомство и сама госбезопасность буквально начиняются осведомителями. В отличие от репрессий, охват тут теоретически может достигнуть ста процентов. Финал — все в стране следят друг за другом.

Всеобщее доносительство загоняет оставшихся в индивидуальную скорлупу. Общество как совокупность мыслящих людей в 30-е годы перестало существовать, стало порошком, люди превратились в тени -- это был единственный путь выжить. Не потому ли, достигнув апогея, многолетняя кампания «героизации» доносчиков в конце 30-х годов утихла. Власти охватили, завербовали, стали получать информации больше, чем могли переварить. Они почти приблизились к теоретическому идеалу.

Разумеется, и тогда власть опиралась в основном на взрослых доносчиков. Детское доносительство было вспомогательным с точки зрения практической пользы, но важным для воспитания будущих граждан. Кроме того, детей легче убедить в том, что подлость в новой системе является подвигом. Не случайно доносы детей на взрослых насаждались в гитлеровской Германии, в так называемых братских социалистических странах Восточной Европы, в коммунистическом Китае, в Кампучии, Афганистане. Судьба главного героя фильма «Возмездие» по книге А. Проханова «Дерево в центре Кабула» «во многом напоминает судьбу Павлика Морозова».

Появление миллионного Павлика Морозова есть закономерность системы, которая без доносчиков давно бы развалилась. Мы не знаем другого героя, который бы точнее выражал сущность строя с однопартийной идеологией.

Вопрос о доносах в 20-е годы обсуждался советским правительством. Директор института Маркса-Энгельса-Ленина Давид Рязанов требовал добиться того, чтобы «всякий гражданин знал, что донос в суд — это не есть донос, это обязанность. Если вы хотите воспитать чувство доверия... то развивайте способность доноса и не пугайте за ложное донесение». Сам Рязанов также был арестован по доносу и уничтожен в лагерях. Вряд ли сегодня найдется ответственный работник в аппарате власти, который публично огласит столь грубую позицию руководства. Но, по сути, донос нужен всегда: и в период мрака, и в периоды оттепели, чтобы старикам помогать затягивать гайки, а новой группе лидеров, пришедшей к власти, расправиться со своими противниками. Как говорится, вопрос риторический: можно ли войти в историю без стука?

В хрущевскую оттепель газеты откровенно искали новых морозовых. «Откуда у отца столько денег? — задумывается пионер Валерий Железный. — На какие средства живет приятель отца? Ведь он нигде не работает!» Валерий выступил против отца, не стал прятаться после суда от отцовских единомышленников. Мы гордимся тобой, Валерий».

Еще через двадцать лет, в период брежневского застоя, газета «Правда» эмоционально рассказала о матери и ее подруге, которые донесли куда следует, что сын получил из-за границы письмо и слушал иностранные радиопередачи. Органы безопасности, как писала газета, уже давно следили за молодым человеком и все знали. Сына расстреляли за шпионаж. Донос матери был просто выражением ее морального долга. Что же произошло? Да просто раньше павлики доносили на родителей, а теперь они выросли, стали сами родителями и доносят на своих детей. Трагедия поколений, принесенных в жертву молоху одной из самых аморальных идеологий в истории человечества.

В стране объявляется гласность, но в КГБ это слово понимается как глазность. Газеты призывают сообщать, кто из соседей живет не так, как все, а тайная полиция регистрирует все проявления инакомыслия, которые ей придется душить последующие двадцать лет. Полнеют досье, обновляются кадры информантов.

В новой волне доносительства, начатой советской печатью в середине 80-х годов, в театрах широко пошла пьеса Виктора Розова «У моря». Положительный герой пьесы — десятиклассник, отца которого, ответственного работника, как и отца Павлика Морозова, судили за взятки. Все симпатии автора на стороне смелого юноши. Отец уже в тюрьме, а сын сочиняет не просто донос, но в течение целого лета записывает всю подноготную отца, чтобы разоблачить его еще больше, чем это сделали власти, и, таким образом, добавить ему срок заключения. Вполне нормальный и грамотный юноша истерически кричит на весь зал, что изобличит всех таких, как его отец. Герой пьесы идет дальше Павлика: он публично отказывается не только от отца, но и от матери, и уходит из дома перевоспитываться в семью простого пролетария-работяги.

Вряд ли известному драматургу Розову грозили неприятности, если бы он не вдохновился столь сомнительной темой. Что же это? Убежденность писателя в правильности коммунистических моральных принципов? Или все то же стремление выслужиться — на этот раз на волне гласности?

Возможно, и то, и другое, но причина прежде всего в том, что идеологические фетиши у нас на родине умирают неохотно. Иногда их кладут на полку, потому что использование их невыгодно. Но это не значит, что доктрина становится более человеческой. Советская идеология меняет ритуалы, но не способна изменить постулатов. Идеология эта вырождается, но не перерождается. И в этом причина, почему бронзовый доносчик 001 сумел простоять две трети века.

«Кем бы он мог стать? — размышляла «Пионерская правда» о Павлике к одной из предыдущих годовщин со дня его убийства. — Выращивал бы сегодня небывалые урожаи на уральской земле или варил сверхпрочную сталь?». Не знаем, как насчет стали, а урожаи и без Павлика Морозова стали поистине небывалыми. Может быть, поэтому другие авторы писали, что Павлик, доживи он до нашей эпохи, стал бы космонавтом. Чем занимаются советские космонавты в космосе, мы догадываемся, но зачем же это афишировать? Любые сомнения в поступке Морозова всегда вызывали у властей неприязнь.

В статье В. Терентьева «Не запятнать светлого имени!» с подзаголовком «Наш ответ господам за океаном» уральская газета «На смену» писала в шестидесятые, что американцы оклеветали Павлика Морозова в своем школьном учебнике. Газету возмутила фраза: «Ребенок должен уважать своего отца и свою мать...» Вот что в действительности написано в главе «Политическая арифметика и коммунистическая мораль» американского учебника «Сущность коммунизма»:

«Частью усилий советской системы образования является утверждение в учебниках «коммунистической морали». Поскольку коммунизм отрицает религию, он отрицает также западные моральные критерии, основанные преимущественно на религии. Следовательно, советских детей учат различать, что хорошо и что плохо не на основе фундаментальных моральных ценностей, как мы их понимаем, но, скорее, на основе советской доктрины. Так, убивать другого плохо, но было вполне морально для Сталина убить миллионы людей во время принудительной коллективизации. Ребенок должен почитать своих отца и мать, говорят коммунисты, но в Москве стоит памятник в честь одиннадцатилетнего Павлика Морозова, чей отец был уничтожен после того, как юный Павлик донес на него как на укрывателя хлеба. Ребенок должен слушаться и уважать учительницу, говорят коммунисты, но обязан сообщить, если она относится терпимо к выражению религиозных взглядов».

Текст американского учебника не доступен советскому читателю без специального допуска, тем более на Урале. Не приведя полностью мыслей авторов, уральская газета обвинила американских профессоров в «детском иудстве», сравнила их с герасимовскими кулаками и заключила, что кулаки лучше, так как были неграмотными. По мнению советской газеты, то, что написали американские историки, есть столь же подлый акт, как и убийство кулаками Павлика Морозова. «Это покушение, — говорилось в статье. — Да, вас обвиняют в покушении на имя Павлика Морозова, господина профессора, в покушении на светлую память о нем... Уголовный суд приговорил кулаков к расстрелу. Уильям Миллер, Генри Робертс, Маршалл Шульман, Гарри Сейвейдж, любой суд чести вынесет этим именам смертный приговор — позор».

Столь воинственная защита морали Морозова в международном масштабе показала, что этот мальчик на своем посту. «Лжет зарубежная пресса, что мы воспитываем своих ребят на примере предателя своего отца», — утверждает современный советский писатель Балашов в статье, опубликованной к 50-летию подвига Павлика Морозова в журнале «Уральский следопыт» под названием «Мальчик с мужеством мужчины». Так как же — воспитываем на примере предателя или теперь больше не воспитываем? В статье Балашов утверждает, что жизнь Павлика «все еще ждет своего Шекспира».

Несомненно, все большему числу вполне лояльных, но думающих людей ясен практический урон от лжи: раз нет ничего святого, то и власть, и ее представители не святые. Цинизм детей следующего поколения стал массовым. Коммунисты воспитывают честность на примере подлости, преданность на примере предательства. И все труднее объяснить детям, почему ради высоких идей надо делать низкие поступки.

У истории, любили повторять советские лидеры, нет пути назад, развитие общества нельзя повернуть вспять. Но в 30-е годы именно советским вождям удалось вспять повернуть историю: Россия вернулась к самым мрачным годам средневековья. Повреждение нравственности оказалось настолько глубоким, что уже после смерти Сталина, говоря о массовом бессмысленном уничтожении людей по сфабрикованным доносам в сталинских застенках, писатель Виталий Губарев в цитированных воспоминаниях хвастался: «За тридцать лет мы немало выпололи бурьяна». Где гарантия, что завтра утром очередной властитель не решит заняться прополкой огорода, который ему удалось прибрать к рукам? Кто против — опять враг, и на него готово досье, и телефон его подключен. Советский поэт заявил, что Павлик Морозов будет нашим ровесником «во все века». Это приятная перспектива.

«Доносить или не доносить? Вот в чем вопрос». Так вынужден спрашивать себя каждый российский Гамлет. И ответ на этот вопрос не такой простой, как кажется. Хулиган ударил женщину, вырвал у нее сумочку, сел на мотоцикл и умчался. Вы видели номер мотоцикла, рядом телефон. Донести или не донести в милицию? На этот вопрос ответ однозначный: нельзя не сообщить. Но это не имеет отношения к обсуждаемой нами проблеме. Она касается политического доноса, который аморален в принципе.

Что касается доноса внутри семьи, то в этом случае современная мораль, как и библейская, не делает различия между доносом политическим, уголовным и просто нежелательной утечкой внутрисемейной информации. В семье и, так сказать, из семьи аморальны любые виды доноса. Хотя в отдельных случаях это противоречит интересам общества в целом, но служит интересам

семьи. А без семьи нет и общества. В странах, где нет тотального единомыслия, где политический донос не является «священной обязанностью», а семья неприкосновенна, каждый человек отвечает на этот вопрос сам. Доносчики по призванию есть, но их не больше, чем лиц других призваний. Дело не в них.

Властям постоянно нужен именно политический донос. Все спокойно, пока вас лично не начинают вербовать. Наметив жертву, звонят домой, предлагают встретиться «на скверике», вызывают в специальный отдел, имеющийся на каждом предприятии, приводят в «их» номер в гостинице. Начинают с шантажа, грозят, что повредят с диссертацией, помешают сыну поступить в институт. Покой в семье, карьера, будущее — все начинает шататься. Потом обещают лучшую должность, возможность почитать запрещенные книги. Спрашивают-то ерунду: какие высказывания были у вашего соседа? Лучше молчать — но тогда затаскают. Может, сказать, и отпустят? Или средняя линия: «Да, конечно, я понимаю, как это важно, но я, к сожалению, ничего не слышал...» А они не верят. И вызывают снова и снова, потому что вы — никто, вы — «материал», по выражению Ленина, а они, стало быть, истинные ленинцы, они — государство, они — партия, они — закон, и деться некуда.

Но вот какая и для них беда. Не дай Бог, оступись любой из них, от мелкого районного чекиста до генсека. И он сам тут же превращается в «материал», и это для него конец. Уж сами-то они хорошо понимают, что в стране есть один реально действующий закон — произвол. И одно реальное право — сигнализировать.

Вернемся к отправной точке повествования. Кто же все-таки виноват во всем, что произошло в Герасимовке? Сам Павлик Морозов? Его предки? Семья? Школа? Система? Исторические условия? Виноваты все? Не виноват никто? Морозов виновен меньше всего: он ребенок. Личность начинается с возможности выбора, а у Павлика и других деревенских детей 30-х годов выбора не было. И взрослые в те годы теряли моральные критерии, что же говорить о неразвитом мальчишке? Тем более не может Павлик нести ответственности за то, что делалось от его имени после его смерти.

Невиновность мальчика-доносчика не вызывает сомнений, но вдвойне преступны те, кто растлевал детей, чтобы удержаться у власти. Хочется от этого отмежеваться, свалить вину на отдельных людей, на преступные наклонности Сталина, на особые условия, которые вынуждали уничтожить одну часть общества для укрепления власти другой части. В отличие от национального геноцида, осуществлявшегося в фашистской Германии, мы назвали бы уничтожение «враждебных классов» в Советском Союзе *социоцидом*. И Павлик Морозов, сам того не ведая, стал символом советского социцида, идеологически обоснованного террора, организованного одной партией против всех народов, населяющих страну.

Когда шел показательный процесс по делу об убийцах Павлика Морозова и цензурная брань в адрес врагов народа достигла пика, в газете «Уральский рабочий» появилась статья, посвященная 300-летию со дня рождения Б. Спинозы. Мы не знаем, случайно или с намерением в этой статье оказалась цитата из великого философа: «До какой степени боязнь заставляет людей безумствовать». Безумство от страха — может быть, это состояние точнее всего определяет жизнь страны, в которой происходили описанные здесь события.

Но холодный рассудок историка изумляет другое: как случилось, что под могучим прессом нагнетаемого партией и правительством безумного страха доносчиками стали не все? Сам факт, что призывы поступать, «как Павлик Морозов», продолжались свыше пятидесяти лет, свидетельствует о том, что, как Павлик, все не поступают. Доказательство того и эта книга, которую мы писали несколько лет в Москве. Рукопись ходила в Самиздате с 1984 года, потихоньку обсуждалась многими писателями, и никто, насколько мы знаем, за нее не пострадал.

Основной задачей советской литературы было, как известно, создание положительных героев, помогавших советской власти. При этом никакие противники так не вредили этой власти, как она сама себе, сочиняя мифы, ее компрометирующие. Идет время. Павлика Морозова можно осудить, вовсе изъять, можно подкрасить, восстановить. Говорят, сознательный

гражданин приучен верить всему, что он слышит, видит и читает. Но из этого не следует, что он будет поступать так, как его заставляют. Даже в сталинских и гитлеровских лагерях чудом выживали несломленные люди. В России обыкновенный человек по-прежнему делает вид, что он, как всегда, согласен. Но мы не знаем о чем он думает. Он лжет, когда от него требуют лжи, но в душе хочет знать истину. Он поддается, когда его, по выражению Достоевского, хотят сузить, но поддается не до конца. Он мало кому доверяет, но все же надеется, что собственные дети на него не донесут.

1980-84 гг.

Москва — Свердловск — Герасимовка —
Тавда — Ирбит — Первоуральск — Алушка —
Запорожье — Мелитополь — Харьков —
Львов — Ленинград — Магнитогорск.

Послесловие. РАСПАД СИСТЕМЫ И УЧАСТЬ ГЕРОЯ 001

Судьба этой книги и ее автора оказались необычными.

Работа над рукописью о Павлике Морозове была закончена в начале восьмидесятых, когда Советский Союз торжественно отмечал пятидесятилетие со дня смерти героя-пионера. Нечего было и думать о публикации книги. Рукопись попала в Самиздат, а имя автора — в черные списки тех самых органов, символом которых был доносчик 001. Объявленные гласность и перестройка также ничего не изменили.

Выпустило книгу Лондонское издательство в конце 1987 года, а советские таможенники конфисковывали книгу у тех, кто пытался ее провезти. Между тем про найденные нами подлинные сведения о Павлике Морозове заговорил «Голос Америки», а летом 1988 года автор прочитал текст, главу за главой, перед микрофоном нью-йоркской студии Радио «Свобода», которое тогда уже перестали глушить. Передачи эти повторялись каждые четыре часа и охватывали сорок миллионов слушателей от стран Восточной Европы до Дальнего Востока.

В редакции советских газет и журналов хлынул поток писем. «Недавно узнал о том, что Павел Морозов вовсе не тот, о каком мы говорили, не пионер-герой, а предатель, — писал в «Пионерскую правду» мальчик из города Цимлянска Ростовской области. — В нашей отрядной песне есть такие строки: «Равняйся на Павла Морозова!». А на кого равняться? Я очень гордился, что наш отряд носит его имя. А вышло вон что».

Важнейший вопрос задал взрослым мальчик. «Пионерская правда» письмо это напечатала. И не просто так, а чтобы ответить. Похоже, органы пропаганды и не предполагали, что тема окажется настолько болезненной. «...Пишут пионеры и их родители, — сообщала газета. — Пишут учителя и библиотекари. Пишут ветераны и студенты. Вопросов в письмах много, но суть у них одна: хотим знать правду о Павлике». Советская пресса, после многих лет табу, заговорила об этом мальчике, — знак сам по себе отрадный. Молчать стало трудней.

В духе времени Всероссийское общество «Знание» организовало в Москве круглый стол «Белые пятна в истории комсомола». Мнения историков разделились. Одни назвали Павлика Морозова «пионером-доносчиком», резко осудив тот символ, который из него сделали во времена культа личности Сталина. Другие утверждали, что «гражданская позиция должна цениться выше, чем родственные, семейные отношения». Стало быть, донос детей на родителей морально оправдан. Заметим, что историки те были сотрудниками Научно-исследовательского центра почтенной памяти Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ.

Мальчик эпохи гласности, ровесник Морозова, доверчиво писал в газету, чтобы узнать правду, а образованные дядя и тети, обсудив разные мнения и повторив за круглым столом легендарные сведения о подвигах Морозова, пришли в «Пионерской правде» к научному заключению (не до стиля, важна суть): «Подробно изучив все обстоятельства жизни и смерти Павлика Морозова, не уважать его нельзя».

Неприязнь интеллигенции к герою-доносчику, однако, прорвалась на страницы перестроечной печати. Писателю В. Амлинскому, которому мы давали читать рукопись еще в начале восьмидесятых, в статье по поводу реабилитации Бухарина в журнале «Юность» удалось сказать между прочим, что поступок Морозова — «символ узаконенного и романтизированного предательства». Журнал «Огонек» рассказал о четвертом классе одной московской школы, который в разгаре перестройки боролся за право носить имя Павлика Морозова. И журнал мужественно писал об обществе сталинских времен, извратившем «даже самые первичные понятия о нравственности».

Время было противоречивое, и та же «Юность», заимствовав из книги «Вознесение Павлика Морозова» факты и фотографии без ссылок на первоисточник, вдруг заявила, что «пришло время, когда мы должны окончательно лишить западные издательства этого приоритета — обнародовать белые пятна нашей истории». Зачем понадобилось редакторам «Юности» делать западных историков лишенцами, когда все уже качалось? Нечто подобное уже было в советской истории и ни к чему хорошему не привело.

В советской печати раздались голоса об очистке духовной атмосферы от остатков сталинизма. Как известно, коммунистическую, классовую мораль, отличную от нормальной, объявил Ленин. А он еще оставался неприкасаемым. То тут, то там проскакивали в советской печати намеки на Павлика Морозова, подчас весьма туманные, но и это было важно.

Постепенно появлялись и более серьезные выступления. Дважды заявил о своем неприятии доносительской морали писатель В. Кондратьев, который тоже одним из первых прочитал рукопись книги «Вознесение Павлика Морозова». Отрицательно высказалась писательница И. Грекова в газете «Московские новости». «Страсть к доносу, — писал в «Новом мире» публицист Ф. Бурлацкий, — была всосана старшим поколением с молоком матери. Да и воспитывали ее. Я до сих пор вздрагиваю каждый раз, когда подъезжаю к своему дому на улице Павлика Морозова. Вот ведь мальчонка заложил отца родного по мотивам политическим и стал примером для подражания миллионам юношей и девушек...» Улицы Павлика Морозова в Москве не было, это переулок, но позиция активного перестройщика звучала вполне пристойно.

Вот что, однако, пугало. Попытки публично поколебать пьедестал национального героя-доносчика были эмоциональны. А его защитники вовсе не собирались сдавать позиции. Они то и дело появлялись на страницах разных печатных органов не только с эмоциями, но, споря с книгой и чувствуя свою силу, властно заявляли, что Морозов был и остается героем.

В «Аргументах и фактах» от имени Прокуратуры СССР старший советник юстиции И. Титов отвечал читателям, что он изучил «архивные материалы следствия и судебного разбирательства об убийстве Павлика Морозова». Но рассказывал Титов старый миф, почерпнутый им из советских газет и книг. Даже обвинительное заключение по делу об убийстве Павлика и его брата прокурор изучал по пропагандистским материалам того времени. Ни единого архивного факта не приводил Титов, не назвал ни источников, ни имен свидетелей и еще больше запутал истину.

Скрытая цель публикации была ясна: попытаться нейтрализовать книгу «Вознесение Павлика Морозова», то есть те свидетельские показания и документы, что были опубликованы в Лондоне и передавались западными радиоголосами. Но повторяя и подновляя старые легенды о юном большевике-агитаторе, борце за социализм, защитники Павлика Морозова вынуждали читателей стремиться узнать новости не из советских источников. Журналисты и писатели из авангарда призывали к совести. А в тысячах школ по всей стране честность продолжала воспитываться на примере подлости, концентрированным выражением которой стал Морозов. Метастазы свидетельствовали о том, как серьезна болезнь. Попытаться лечить ее — значило отказаться от классовой морали и признать правоту христианской, признать, что социализм есть восстановление крепостного права в России, да такими методами, которые не снились Ивану Грозному.

Постепенно в советской печати стала обнаруживаться некая жесткая рука. Книга «Вознесение Павлика Морозова» подтачивала устои социализма, и ЦК ВЛКСМ, Прокуратура СССР, редакция газеты «Пионерская правда», журналы «Пионер», «Человек и закон» создали комиссию для проверки подвига Морозова. В результате Бюро Центрального совета Всесоюзной пионерской организации имени Ленина постановило: «Считать правильным решение бюро от 1955 года о занесении Павлика Морозова в Книгу почета. Сообщить об этом через средства массовой информации всем пионерам и их родителям, широкой общественности».

Итак, в разгаре гласности и перестройки было всенародно объявлено, что известный всем подросток остается героем 001. Начиналась третья (после реальной и мифической) жизнь Павлика Морозова — ирреальная. То была отчаянная попытка старых сил повернуть колесо истории вспять, к временам застоя. Маниакальное усердие в восхвалении доносчика проявляли некоторые журналисты, например, В. Кононенко (журналы «Человек и закон», «Советская педагогика»), В. Бушин (газета «Советская Россия»).

Что же было делать мальчику из Цимлянска и миллионам других мальчиков и девочек в Советском Союзе? Петь хором песню «Равняйся на Павла Морозова!» или не петь? Доносить на родителей куда следует, если папа маме рассказал анекдот про Горбачева, или не доносить?

Главный подвиг Павлика — донос на собственного отца — звучал неблагозвучно. И советские газеты, обязанные по постановлению оповестить население, дружно заявили: не было в документах доносов Павлика! И значит, он был просто юным коммунистом, борцом за светлое будущее. Стало ясно, что указания оставить Павлика в героях, поступают централизованно. Откуда? Может, комсомол нынче не у дел и не в почете и, чтобы доказать свою полезность, ищет заслуги в прошлом? Но комсомол — лишь приводной ремень. Кому было выгодно, чтобы доносчик оставался всеобщим образцом для подражания?

В то время поступали настойчивые требования обнародовать списки тайных осведомителей, и некоторые из них уже каялись в печати, освобожденной от цензуры. Становилось ясно, какая организация больше других печется о неколебимости и славе героя-доносчика. Указания шли из другого учреждения, которому гласность поперек горла, историческая правда опасна и не нужна, а вот доноски всегда требуются. Газета «Известия» напечатала интервью с начальником управления КГБ А. Бураковым, в котором он говорил о необходимости крепить сеть «нештатных сотрудников в каждом коллективе». Этому ведомству герой-доносчик был нужен всегда, и в заморозки, и в оттепель. Сетования отважных интеллигентов насчет повреждения нравственности не меняли сути дела. Сталин, как мы помним, задумал поставить памятник Морозову на Красной площади, а поставил на Красной Пресне. Но подлинное место предателю отца было на Лубянке. Эта организация уверена, что Павлики Морозовы служат и будут ей служить верой и правдой завтра.

И пресса под давлением сверху централизованно обрушилась на книгу «Вознесение Павлика Морозова» в духе самых мрачных времен, обвиняя автора в клевете, создании «антисоветской фальшивки», оскорблении чести советского героя. Журнал «Человек и закон», выходящий тиражом десять миллионов, грозил, что будет судить автора книги. Особенно злые статьи писали журналисты, причастные к созданию мифа о пионере-герое.

А изданная в Лондоне книга «Вознесение Павлика Морозова», о которой много писала пресса в США, Франции, Израиле, Германии, потихонечку продолжала проникать за железный занавес, в социалистический лагерь. Сжатый пересказ книги опубликовал в Таллинне журнал «Пионер» на эстонском языке, затем появился перевод на венгерский. Книга «Доносчик 001» была издана на польском языке и объявлена бестселлером в Варшаве, начала печататься по главам в латышских газетах и журналах в Риге. Там же, хотя и не полностью, перепечатал ее по-русски с продолжением журнал «Родник». В результате известных послаблений в цензуре отрывки стали появляться в московских и периферийных газетах и журналах: «Семья и школа», «Век», «Семья», «Курортная газета». Однако намерения издательств выпустить книгу в Москве и в Новосибирске не увенчались успехом. Кто-то каждый раз мешал.

Между тем был и еще один аспект дела Павлика Морозова — международный. Раньше газета «Нью-Йорк таймс» напечатала пессимистическую статью о праздновании пятидесятилетия подвига Морозова. А едва герой-доносчик подвергся публичной критике в советской печати, та же газета поместила статью своего московского корреспондента «Времена меняют положение святого сталинской эры». Судя по некоторым публикациям, сообщила американская газета, советская печать назвала Павлика Морозова, героя, вписанного в Книгу почета под номером 001, предателем.

Почему на Западе следили за отношением властей к Павлику Морозову с нескрываемым любопытством?

Дело вовсе не в персонифицированном мальчике-предателе, а в той государственной морали, которую он собой представляет. Если официально объявлено, что мораль эта была и остается партийной, классовой, коммунистической, то есть отличной от общечеловеческой морали, как сосуществовать с остальным человечеством? Другими словами, если в Кремле особая мораль, России нельзя доверять. Ни в глобальных вопросах, ни и в мелочах. Ибо ложь классовому врагу, согласно такой морали, оправдана.

Не доносчики КГБ спасают страну, которая находится в состоянии кризиса, а многомиллиардные западные кредиты, торговля и договоры с Западом о разоружении. Таким образом, в глазах общественного мнения демократических стран экономическая помощь России зависела, если упростить ситуацию, от Павлика Морозова.

Вот почему газета «Нью-Йорк таймс» и другие западные издания с удовлетворением сообщили о первом же проскочившем в советской печати намеке на отказ от морали, символом которой является Павлик Морозов. Вопрос ставился о будущем Российского государства. Если славить Морозова — этого будущего нет.

Около сотни статей, интервью, выступлений по радио и телевидению разных стран пришлось подготовить автору этой книги. По частям «Доносчик 001» был опубликован во множестве западных, а затем, после упразднения цензуры, в ряде советских и российских изданий. На основе книги снято два документальных фильма.

По горячим следам августа 1991 года памятник доносчику в Москве снесли. На фото, опубликованном в газетах, автор появился на поваленном постаменте от памятника мальчику-герою, на свержение которого потребовалось столько времени и сил. А статьи в защиту Павлика Морозова и той морали нет-нет, да и продолжают появляться.

Павлик Морозов был героем в Советском Союзе, и первая правдивая книга о нем написана нами в той стране, с тогдашним пониманием происходившего. В Россию пришло новое время, поются новые песни. Много изменилось, а еще больше осталось нетронутым. Секретная статистика стала известной. Если ей можно доверять, почти одиннадцать миллионов жителей Советского Союза в той или иной степени сотрудничали с органами, предоставляя информацию о своих родственниках, друзьях, знакомых, сослуживцах и посторонних лицах. Получается, что на каждые 18 граждан страны Советов приходился один стукач. Такого человеческого история, кажется, еще не знала. Сколько их значится в активе тайных служб по сей день?

Умирают и создаются новые мифы. А герой-доносчик 001 остается напоминанием и тревожным предупреждением нам всем: и тем, кто доносит, и тем, кто становится жертвами доносов. Впрочем, доносчики, как говорит печальный исторический опыт, тоже жертвы.

Дай Бог, чтобы старое не повторилось. Такая опасность есть.

1994, Дейвис.

ПРИМЕЧАНИЕ. Подробная библиография, ссылки на источники, свидетельские показания, а также фотокопии секретных документов, обнаруженных в процессе независимого расследования, имеются в изданиях этой книги на разных языках.